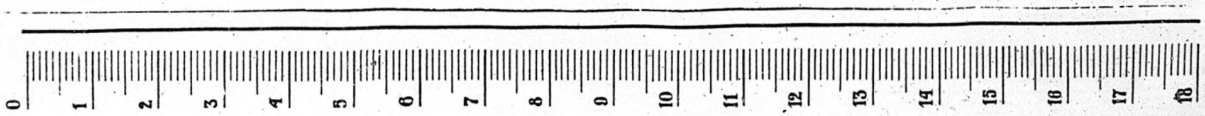
РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA

ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE

191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA



начало
start

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

Заказ № 4214/10 Дата 16.11.04.

Микропленка 1 экз. позитив экз.

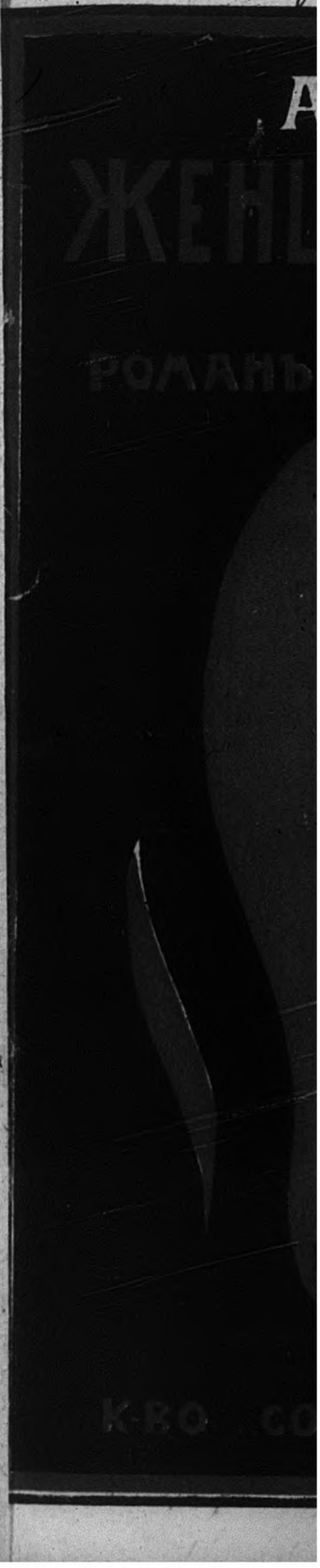
Фотопечать по экз. формат

Снимать стр.
Все

Наименование или шифр издания Анна Марк
Женщина на кресте
М., 1916.

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ
Not to be reproduced without permission



РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЛАБОРАТОРИЯ ОВО

Заказ № 4214/10 Дата 16.11.04.

Микропленка 1 экз. позитив экз.

Фотопечать по экз. формат

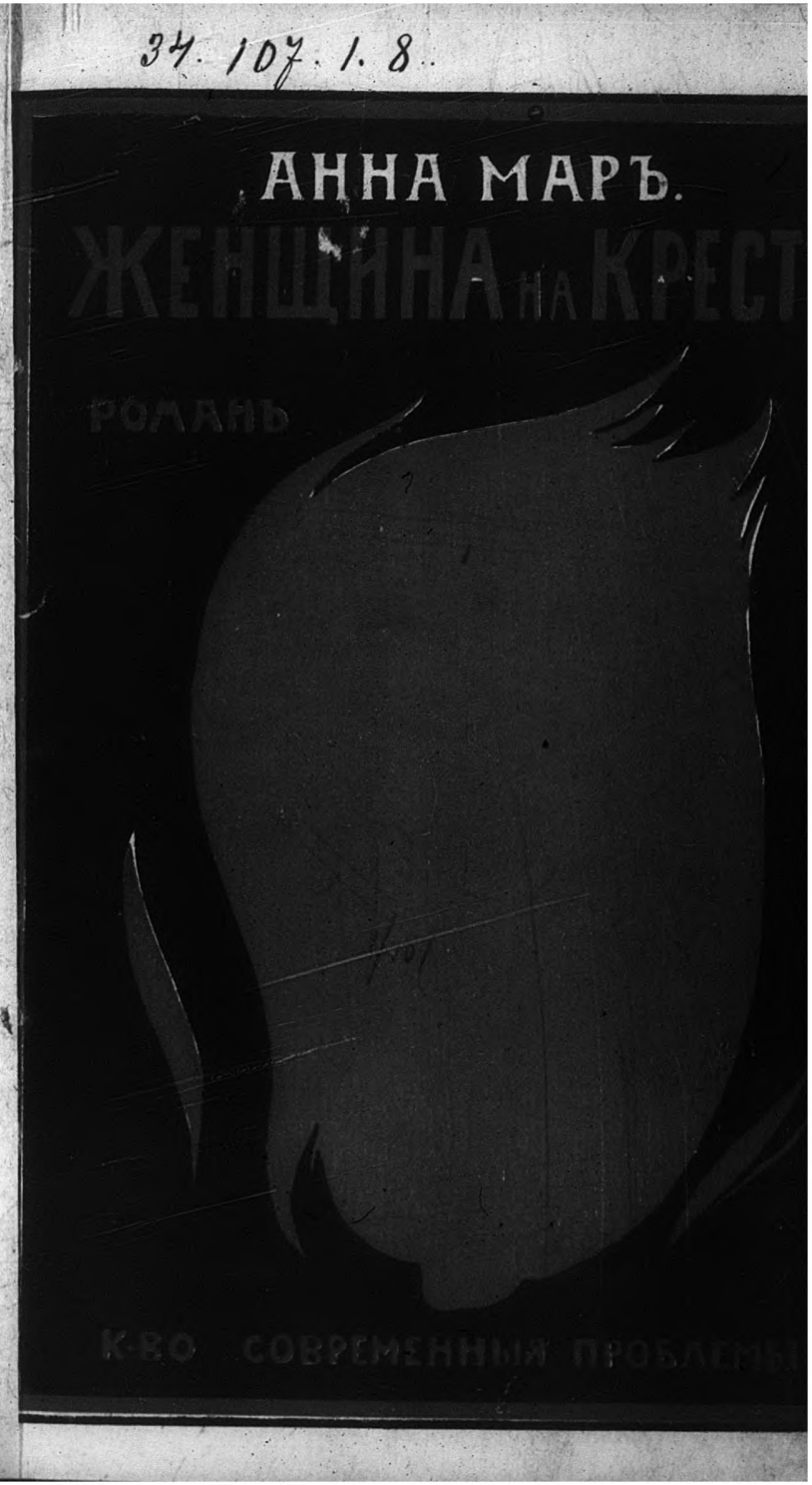
Снимать стр.
Все

Наименование или шифр издания Анна Маръ
Женщина на кресте
М., 1916.

Исполнитель

БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ НЕ ВОСПРОИЗВОДИТЬ
Not to be reproduced without permission

34.107.1.8.



АННА МАРЪ.

34.107.1.8.

ЖЕНЩИНА НА КРЕСТѢ.

РОМАНЪ.

1916

Гос. Публичная Б-ка Петрограда

КНИГОИЗДАТ.
„СОВРЕМЕННЫЯ
ПРОБЛЕМЫ".
МОСКВА—1916.

МОСКВА,
Типографія Акц. О-ва „Московское Издательство", Б. Дмитровка, 26.
1916.

ОТЪ АВТОРА.

Этотъ романъ былъ задуманъ и выполненъ подъ впечатлѣніемъ гравюры Фелисьена Ропса — Женщина на крестѣ.

Сначала я сдѣлала неуклюжій рисунокъ—«Платоническая любовь», напечатанный въ одномъ мелкомъ женскомъ журнальчикѣ, и еще черновые наброски, которые уничтожила. Наконецъ, я нашла форму, до нѣкоторой степени меня удовлетворяющую.

Подобно Реми де Гурмонъ, я была искушаема желаніемъ назвать мой романъ — «физіологическимъ». По крайней мѣрѣ, тогда робкій читатель и неувѣренный критикъ поняли бы сразу, что имѣютъ дѣло съ порнографіей. И это предостерегло бы ихъ отъ меня въ будущемъ. Но я сочла неудобнымъ повторять слова французскаго писателя.

Я принадлежу къ людямъ, которые слишкомъ эгоистичны, чтобы заботиться о чужой нравственности, и слишкомъ равнодушны, чтобы обзрегать свою собственную. Я не боюсь ни обвиненія въ развратѣ, ни насмѣшекъ, ни брани, ни критики, ни читателя, я боюсь мысли, что могла бы исполнить этотъ романъ ярче, чѣмъ исполнила.

Геніальному Фелисьену Ропсу
изъ бездны слабости моей посвящаю.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Генрихъ Шеміотъ написалъ коротенькое письмо управляющему въ имѣніе. Онъ пріѣдетъ черезъ недѣлю съ сыномъ и Кларой. Особыхъ приготовленій не нужно, лишь бы домъ былъ опрятенъ.

Шеміотъ взялъ печать и увидѣлъ на блокъ-нотѣ крупныя слова синимъ карандашемъ—Алина Рущицъ. Эту надпись онъ сдѣлалъ вчера, упорно думая о дѣвушкѣ, съ которой познакомился въ домѣ инженера Оскерко.

Мысли его вернулись къ ней. Сколько лѣтъ Алинѣ? Не менѣе двадцати шести, двадцати семи. У нея обольстительная фигура, длинные пепельные волосы, нѣжныя, краснорѣчивыя руки. Ея большіе глаза можно сравнить и съ лиловыми вьюнками, и съ пармскими фіалками, и съ маленькими озерами. Но, по всей вѣроятности, у нея самая красивая часть тѣла это та: .....

Опытна ли она въ любви? А, если опытна, то насколько? И кто ея учитель? Почему она не выходитъ замужъ? О ней ничего не говорятъ въ городѣ.

Шеміотъ позвонилъ, машинально отдалъ письмо лакею и продолжалъ думать. Конечно, онъ ни въ чемъ не увѣренъ... ему пятьдесятъ два года... однако, когда онъ приближается къ Алинѣ, она опускаетъ глаза, то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, смѣется и отвѣчаетъ невпопадъ. Есть нѣчто въ Алинѣ, чего онъ не знаетъ, но предчувствуетъ и хочетъ провѣрить. Тѣмъ хуже для Алины. Послѣднее время онъ пришелъ къ выводу, что попадаясь на пути женщинѣ, онъ

становится ея—«печальнымъ событіемъ». Въ этомъ онъ, Шеміотъ, не повиненъ. Жестокость внушаетъ ему отвращеніе. Видъ крови заставляетъ блѣднѣть. Потомъ онъ встрѣчаетъ женщину типа Алины или Клары. Мгновенно въ немъ зарождается безпокойная и странная жажда ея слезъ, тоски, стыда, боли. Онъ унижаетъ ее всячески и не испытываетъ никакого раскаянія.

Онъ попробовалъ углубиться въ англійскую экономическую статью. Ему не удалось. Бросая книгу, онъ рѣшилъ пойти къ Алинѣ. Завтра? Нѣтъ, сегодня... сейчасъ. Разсѣянно онъ передвинулъ фотографію своей покойной жены. Въ бѣломъ муслиновомъ платьѣ, съ цвѣтами на груди, она улыбалась невинно, какъ святая. Онъ разсматривалъ ее минуту безъ удовольствія. Долгое время его печаль о ней была преувеличена. Въ концѣ-концовъ, она утомила и наполнила враждебностью къ мертвой. Потомъ онъ перевелъ глаза на миніатюру сына.

«Юлій заносчивъ и тщеславенъ, но онъ добръ».

Въ дверь постучались.

Клара принесла письма, счета, деньги. Просмотрѣвъ ихъ, Шеміотъ сказалъ грубо.

— Вы не экономны.

Очень блѣдная, она сѣла.

— Я совершенно больна.

— Почему же вы не лѣчитесь?

— Это не поможетъ. Я умру. И вы будете счастливы.

— Хорошо, Клара. А теперь я ухожу.

— Къ Алинѣ Рущицъ?

Онъ изумленно поглядѣлъ на Клару. Интуиція женщинъ всегда поражала его. Неужели Клара знаетъ уже то, въ чемъ онъ боится признаться самому себѣ?

— Да... я иду къ Алинѣ Рущицъ.

— Вы заинтересованы ею?

— Возможно.

— Настолько, чтобы даже жениться?

— Это васъ не касается.

— Должна я уѣхать изъ вашего дома?

— Какъ хотите, только не вздумайте тогда разсказывать, что я васъ выгналъ.

Домъ Алины Рущицъ былъ двухъэтажный, сѣраго цвѣта, съ колоннами и желѣзной рѣшеткой. Рѣшетку завилъ дикій виноградъ, а по стеклу круглой веранды струился потокъ цвѣтущихъ бегоній. Садъ занималъ значительную квадратную площадь. Правая сторона ушла подъ абрикосы, сливы, вишни, яблони; на лѣвой росли акаціи, кусты шиповника, сирени, жасмина и безчисленное количество розъ. Аллея изъ молодыхъ, подрѣзанныхъ туй однимъ концомъ упиралась въ домъ, а другимъ—въ группу старыхъ каштановъ. Тамъ стояла каменная скамья и каменный круглый столъ. Немного дальше была стѣна сосѣдняго сада, въ щеляхъ которой вили гнѣзда воробьи и летучія мыши. Края ея осыпали толченымъ стекломъ и утыкали гвоздями остріемъ вверхъ.

Сейчасъ Алина медленно гуляла. Она исколола руки, срѣзывая розы, и слегка запачкала землею бѣлое платье. Иногда ея сердце сжималось. Она думала:

— Какъ странно... я влюбилась... неожиданно, и безъ памяти... и навсегда... почему?.. я не знаю... Ко мнѣ подводятъ мужчину, мнѣ говорятъ, что его зовутъ Генрихомъ Шеміотомъ, я подаю ему руку, я чувствую, какъ по всему моему тѣлу бѣжитъ трепетъ и... я погибла. Я больше не принадлежу себѣ самой. Мгновенно онъ отнимаетъ у меня послѣднюю каплю ума, гордости, воли и цѣломудрія. Люблю, люблю, тысячу разъ люблю... на зло всему міру люблю.

Она ходила взадъ и впередъ по аллеѣ, находя новые бѣлые вьюнки, неожиданно распустившіеся среди подрѣзанныхъ туй. Ее терзали сомнѣнья. Нравиться ли она ему? Что онъ думаетъ о ней? Сознаться ему въ любви?.. Затаить чувство? Почему нѣкоторыя слова такъ страшно произнести вслухъ?.. они обжигаютъ губы. Они волнуютъ, какъ дѣйствія. Въ книгахъ любовь или груба, или преувеличенно возвышенна. Ей она кажется пріятной, какъ холодное шампанское. Главная ея суть, конечно, не въ поцѣлуяхъ, а въ томъ, что мужчина можетъ позволить себѣ тогда всякую жестокость съ женщиной, и женщина радостно приметъ боль, униженіе и рабство.

Съ востока плыла туча, похожая на кленовый листъ. Во второмъ этажѣ стекла открытыхъ оконъ сверкали. Японскія вазы съ чудовищными букетами лилій, украшали по двѣ каждый подоконникъ. Неожиданно, среди нихъ, въ темномъ квадратѣ, она увидѣла Генриха Шеміота.

Онъ стоялъ безъ шляпы и улыбался.

— Вы... вы... Боже мой,—закричала Алина въ дѣтскомъ восторгѣ. Его пышные, рыжевато-золотистые волосы вились около ушей, открывая сіяющій, прекрасный лобъ. Крупныя черты бритаго лица, носъ, губы, подбородокъ были рѣзко чувственны, а длинные черные глаза полны иронiи. Однако, тонкая прелесть улыбки и пѣвучесть голоса смягчали и чувственность, и иронію, и нѣкоторую общую жестокость. Несмотря на высокій ростъ и широкія плечи, его руки и ноги были изящны.

— Меня обманула ваша служанка,—она заявила, что вы у себя въ кабинетѣ.

— Войцѣхова все перепутаетъ.

Алина живо поднялась къ нему.

— Какъ я вамъ рада... вы вовремя... сейчасъ будетъ гроза...

— Я тоже радъ видѣть васъ.

Послѣ сада въ кабинетѣ стиля empire казалось прохладно и сумрачно... Мебель краснаго дерева съ тускло-сверкающей бронзой была обита зеленымъ штофомъ, чуть свѣтлѣе обоевъ, портьеръ, ковра. На круглыхъ, мраморныхъ доскахъ, которыя несли гриффоны, лежали тяжелые альбомы, переплетенные и въ кожу, и въ серебро. Одну изъ стѣнъ занимали полки съ книгами, задернутыя легкими шелковыми занавѣсками, тоже зелеными, усыпанными золотыми лавровыми вѣночками. Овальное зеркало надъ каминомъ отражало люстру, лѣпной потолокъ, часть двери, ведущей въ спальню Алины. Здѣсь висѣлъ большой портретъ императора Наполеона I въ коронаціонномъ костюмѣ. Орелъ украшалъ массивную раму, держа въ когтяхъ дощечку съ надписью: «Безсмертенъ на небѣ и на землѣ». Можно было также найти герцога Рейхштатдскаго, Жозефину, Полину Боргезе, князя Понятовскаго, Валевскую среди безчисленныхъ драгоцѣнныхъ акварелей и миніатюръ.

Узкіе серебряные бокалы стояли, наполненные розами, а плоскія хрустальныя вазы—фіалками, любимыми цвѣтами первой имперіи.

Шеміотъ съ удовольствіемъ оглядѣлъ знакомые предметы и усѣлся.

— Я пришелъ каяться передъ вами, Алина...

— Вы?

— Да, я. Я наводилъ о васъ справки. Не сердитесь. Я черезчуръ поглащенъ вами.

— И что же вы узнали?

— Ничего.

— Ага... вы наказаны.

Они посмѣялись.

Потомъ она разсказала ему о своемъ дѣтствѣ и юности, спокойно, и просто.

— Моя мать, урожденная графиня Г. Почему она не вышла замужъ?—я не знаю. Однажды, она поѣхала въ Римъ и вернулась оттуда уже со мною. Говорятъ, она родила меня отъ итальянскаго патера. Съ тѣхъ поръ она жила безвыѣздно въ своемъ родовомъ имѣніи. Она была высока, худа, смугла. Она презирала людей и ненавидѣла животныхъ. Я не помню, чтобы она взяла меня на колѣни или дала мнѣ конфетку. Если неожиданно она замѣчала меня, ея взглядъ становился тусклымъ.—«Вы здѣсь, Алина?—спрашивала она,—кто пустилъ васъ ко мнѣ?». Она учила меня читать по большой книгѣ, безъ картинокъ. Въ окно я видѣла паркъ. Вода чернѣла въ круглomъ бассейнѣ. Надъ нимъ часто летали голуби и садились на каменную балюстраду. Осенью листья лежали тамъ грудами, какъ снѣгъ, и это рождало грусть.

— Ну, Богъ съ нею, Алина... лучше разсказывайте дальше.

Она засмѣялась его нетерпѣнію, восхищенная и польщенная.

Тучи затянули небо. Молнія вспыхивала ежеминутно, а удары грома слѣдовали послѣ большихъ паузъ. Старая Войцѣхова закрывала торопливо окна. Почти сейчасъ же потоки дождя обрушились на садъ и домъ. Поднялся бѣшенный вѣтеръ. Шеміотъ, глядя на Алину, улыбался. То, что онъ угадывалъ въ ней, становилось для него все болѣе и болѣе яснымъ.

Она продолжала.

Въ домѣ ея матери было восемнадцать комнатъ, и ни одной безобразной. Бронза, фарфоръ, драгоцѣнные ковры и картины, старинныя кружева и бриллiанты, рѣдчайшая библiотека и сувениры царственныхъ лицъ.—все это перешло отъ цѣлаго ряда предковъ. Въ 1807 году маршалъ Дюрокъ со своимъ штатомъ останавливался здѣсь.

Лучшее воспоминаніе Алины—библiотека. Ежедневно она пробиралась туда и читала все безъ затрудненія, ибо ни одинъ шкапъ не запирался. Когда Алинѣ исполнилось десять лѣтъ, мать написала кому-то въ Антлію. Миссъ

Уиттонъ пріѣхала немедленно. Она не побоялась суровой зимы и тишины имѣнія. Это была стройная, золотоволосая женщина, красивая и веселая. Она носила исключительно бѣлыя платья, бѣлую обувь, бѣлые кораллы на шеѣ и душилась геліотропомъ. Миссъ Уиттонъ выбрала самую отдаленную комнату на верхнемъ этажѣ. Обои тамъ были свѣтлые, съ золотой полоской, мебель и коверъ цвѣта сливокъ. На мраморномъ каминѣ она поставила желтыя ассирійскія вазы, подарокъ матери Алины. Миссъ Уиттонъ звала сюда свою воспитанницу, если бывала нездорова. Это случилось также тогда...

Алина опустила глаза смѣшавшись.

Шеміотъ спросилъ ее ласково:

— Она наказывала васъ вѣроятно?..

Лицо Алины запылало. Она кивнула головой, и отвернувшись, проговорила:

— Не вините миссъ Уиттонъ. Я была несноснымъ ребенкомъ, упрямымъ, живымъ, дерзкимъ. Я прятала, то деньги, то браслетъ моей матери, ихъ искалъ весь домъ, а я воображала себя сыщиковъ и находила—«пропавшія вещи». Я всегда скучала и жаждала приключеній. Поэтому я писала влюбленныя письма нашему управляющему (не понимаю, откуда я только знала множество страстныхъ словъ) вызвала его на свиданіе, потомъ пожаловалась миссъ Уиттонъ, и бѣднягу выгнали. Можно смѣло сказать, что влеченіе къ грѣху было во мнѣ огромно. Однажды, я обрѣзала себѣ волосы и клялась, что это сдѣлала мнѣ Викторія—Юзефа, маленькая грустная дѣвочка съ бѣлокурыми волосами, гостившая у насъ лѣтомъ. Въ наказаніе Викторію—Юзефу засадили учить англійскій урокъ, а я гуляла въ паркѣ... подсмѣиваясь... Сознаніе вины удручало меня до отчаянія. Я любила слушать выговоры, я просила прощенія съ увлеченіемъ.

Алина вздохнула, смущенная пристальнымъ и нѣсколько тяжелымъ взглядомъ Шеміота.

Ея голосъ былъ полонъ грусти, когда она разсказала о своемъ первомъ причастіи, объ урокахъ катехизиса у добраго, стараго ксендза-каноника. Къ нему она ѣздила вмѣстѣ съ миссъ Уиттонъ по дорогѣ, обсаженной тополями, на высокомъ доггартѣ. Иногда лошадь несла, влажные комья летѣли во всѣ стороны, Алина вскрикивала, а миссъ Уиттонъ громко смѣялась. Лицо англичанки становилось розовымъ, смѣлымъ, счастливымъ. Она жадно пила воздухъ. Потомъ внезапно миссъ Уиттонъ умерла. Ее похоронили въ имѣніи за оградой, какъ разъ въ началѣ той дороги, по которой онѣ скакали на уроки катехизиса. Алина и Викторія—Юзефа горько плакали. Мать Алины смотрѣла изъ окна кареты на печальную процессію. Грубую яму сейчасъ же залила мутная вода. Былъ холодный дождливый октябрьскій день.

Черезъ годъ умерла нѣжная, грустная Викторія-Юзефа. А еще черезъ два года умерла мать Алины, вышивая лиліи на голубомъ шелку.

Старичокъ—каноникъ и какой-то важный хмурый господинъ, долго говорили съ Алиной. Ей уже исполнилось 16 лѣтъ и она почти взрослая. Она узнала, что она—внѣбрачный ребенокъ и должна сейчасъ же уѣхать изъ имѣнія, которое переходило къ наслѣдникамъ. Алина была уничтожена, ошеломлена, унижена.

Въ послѣдній вечеръ она долго прощалась съ паркомъ. Каждому кусту, каждой аллеѣ, обнаженнымъ статуямъ, воздушнымъ бесѣдкамъ, темной водѣ, въ которой отражались облака, она кричала въ агоніи—«прощай». И они отвѣчали тяжелыми вздохами, легкимъ журчаньемъ воды, слабымъ трескомъ вѣтвей—«прощай».

Алина уѣхала на югъ, обезпеченная крупнымъ состояніемъ, увозя то, что ей разрѣшили увезти: часть библіотеки, часть мебели, брилліанты, не родовые, а благопріобрѣтенные, нѣкоторые сундуки съ бѣльемъ, туалетами. Она плакала до того безутѣшно, что ксендзъ-каноникъ напомнилъ ей о грѣхѣ отчаянья. Онъ жалѣлъ свою лучшую ученицу, всегда кроткую, послушную, очень набожную и безъ тѣни самомнѣнія. Долгое время она посылала ему сентиментальныя письма, вкладывая туда то лепестки розъ, то вѣточку кипариса. На югѣ ее ждало утѣшеніе,—здѣсь она познакомилась и подружилась съ Христиной Оскерко. Ей казалось, что Христина замѣнитъ Викторію-Юзефу. Она болѣе не ощущала одиночества. И она совсѣмъ забыла прошлое, когда, по ея настоянію, братъ Христины, инженеръ Витольдъ Оскерко купилъ ей этотъ домъ съ садомъ, и она счутилась въ немъ, свободная и независимая.

Минуту Алина слушала дождь. Потомъ спросила робко Шеміота:

— А вы ничего не разскажете мнѣ о себѣ?

— Ничего, ибо моя жизнь проста, дорогая. Вы хотите подробностей? Ихъ почти нѣтъ. Я долго учился, упорно создавалъ себѣ положеніе, овдовѣлъ... Теперь я одинокъ. Когда я начинаю скучать, я уѣзжаю въ имѣніе и зарываюсь въ книги. Вотъ и все.

Мало-по-малу буря стихла. Тучи поспѣшно уплывали къ горизонту. Солнце сверкало въ лужахъ и брызгахъ. Алина раскрыла окно. Шорохъ капель стоялъ въ саду. Оттуда тянуло ароматной свѣжестью.

Шеміотъ откланялся, говоря:

— Я жду васъ къ себѣ, Алина, ежедневно.

До самаго вечера Алина была взволнована. Потомъ она почувствовала непреодолимое желаніе лечь и мечтать.

Она удалилась въ спальню—большую комнату, оклеенную голубыми гладкими обоями, съ мебелью краснаго дерева, стиля ампиръ, обитой блѣдно-голубымъ штофомъ.

Передъ туалетомъ Алина снимала кольца, серьги и клала ихъ въ золотую чашечку.

Туалетъ былъ ея гордостью. Массивная зеркальная доска, положенная на дуги краснаго дерева, украшенная бронзовыми маленькими сиренами. Круглое зеркало, въ оправѣ изъ бронзовыхъ ненюфаровъ, прикрѣплено между двумя тонкими колоннами и можетъ качаться. Но самое обворожительное— это Лорелеи на колоннахъ, поющія таинственныя пѣсни и смотрящіяся въ зеркальную доску, какъ въ озеро. Алина распустила свои волосы, бѣлокурые съ серебристымъ оттѣнкомъ, долго причесывала ихъ, заплетала, душила.. Раздѣвшись, она отправилась въ ванную. Однако, вода, опаловая отъ сосноваго экстракта, не укрѣпила и не освѣжила Алину.

Когда Войцѣхова явилась пожелать барышнѣ покойной ночи, она застала барышню рыдающей. Войцѣхова давно служила у Алины. Она могла позволить себѣ кое-что. Поэтому, увидя слезы Алины, она нагло усмѣхнулась.

Ея лицо, бѣлое отъ подкожнаго жира, съ мертвыми, выцвѣтшими глазами и лживымъ, извилистымъ ртомъ ханжи, слегка оживилось.

— Люди говорятъ, что...

Это былъ цѣлый обвинительный актъ противъ Шеміота.

Алина разсердилась и прикрикнула на Войцѣхову. Та ушла, разобиженная. Упаси Боже, если она скажетъ еще хоть одно слово... Барышня летитъ на огонь.

Теперь Алина очутилась въ широкой краснаго дерева кровати, съ бронзовыми медальонами, съ шелковыми занавѣсками луннаго цвѣта. Отъ одѣяла, простынь, подушекъ шелъ нѣжный, стойкій запахъ амбры и розы. Гдѣ-то вверху была спрятана голубая, электрическая лампочка и, когда Алина зажигала ее, вся кровать изнутри свѣтилась, подобно гигантскому фонарю.

Алина тяжело вздохнула. Сердце ея сжималось, какъ утромъ, и ей было жарко. Что такое говоритъ Войцѣхова? Шеміотъ золъ, скупъ, деспотиченъ, онъ вогналъ въ чахотку свою первую жену, а Клару обобралъ до нитки... кромѣ того, у него были еще другія любовницы... Ахъ, какое ей дѣло до прошлаго Шеміота? Прошлое не принадлежитъ никому... Его сына она толкомъ не примѣтила. Когда она была тамъ послѣдній разъ, Юлій уничтожилъ при ней коробку шоколада... въ двѣнадцать часовъ дня..: Вотъ, что значитъ, мужское воспитаніе..: Клара дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ Алины. Бѣдная Клара! Сѣдые волосы, плоская грудь, черезчуръ широкія бедра и эти печальные, печальные, какъ у животнаго глаза... бѣдная Клара!.. Она, вѣроятно, много плакала на своемъ вѣку. Но теперь она не должна плакать, ибо это безполезно. Виноватъ ли передъ Кларой Шеміотъ? Относительно.

Голова Алины туманилась... Она мѣняла позы, почти задыхаясь. Что еще говоритъ Войцѣхова? Якобы Шеміотъ— старъ и безобразенъ. Сущая ересь. Генрихъ (какъ сладко называть его по имени). Генрихъ можетъ стать идеаломъ каждой женщины. Когда онъ смотритъ такъ внимательно и нѣжно... Не введи насъ во искушеніе!.. (Алина натянула одѣяло, отъ воображаемыхъ поцѣлуевъ Шеміота... Іисусъ— Марія, до этого у нихъ дойдетъ еще не скоро).

Алина легла ничкомъ. Соблазнительныя картины мучили ее на яву, и она уже не боролась съ ними. :. Огромный фантастическій садъ, всѣми забытый, подобно Параду Золя, гдѣ можно встрѣтить пѣнящійся ручей, гигантскіе цвѣты, каменныя ступени, поросшія травой и мохомъ. Солнце, лѣнивая тишина, густые ароматы. Зрѣлые плоды изрѣдка падаютъ на землю. Вьются черные и синіе махаоны, звенятъ стеклянныя стрекозы. Алина гуляетъ здѣсь вмѣстѣ съ Ше-

міотомъ. Конечно, она бросится сейчасъ передъ нимъ на колѣни и скажетъ ему нѣчто безумное... Ахъ, какъ дѣвственность тяготитъ ее... Распустите мои волосы, Генрихъ, нагнитесь и возьмите мой поцѣлуй, глубокій и медленный... ни въ чемъ, ни въ чемъ я не откажу вамъ... нѣжное любопытство вашихъ глазъ, устъ, рукъ будетъ насыщено... Сжальтесь надо мною, Генрихъ, сжальтесь надо мною, ибо я люблю васъ.

Алина сбросила одѣяло, зажгла электричество, отдернула занавѣски кровати, отыскала въ ночномъ столикѣ флаконъ одеколона и освѣжила себѣ виски. Она успокоилась и размышляла съ горечью и пресыщеніемъ... Шеміотъ считаетъ ее невинной и чистой, а она, подобно Фенниморѣ Іенсена—«мѣшокъ, полный гнили»... Если она когда-нибудь заслужитъ любовь Шеміота, ей придется измѣниться... онъ долженъ будетъ исправить ее, какъ бы сотворить заново...

Эта мысль наполнила Алину восторгомъ и трепетомъ. И уже, засыпая, она представляла себѣ, какъ онъ будетъ строгъ съ нею, а она послушна.

ВТОРАЯ ГЛАВА.

Это былъ четвергъ, пріемный день инженера Оскерко. Какъ всегда, Христина сидѣла въ дубовой столовой, стиля Ренессансъ, гдѣ рѣзко кричали два зеленыхъ попугайчика, и медленно разливала чай гостямъ. Въ раскрытое венеціанское окно виднѣлась чудесная панорама города съ его садами, башенками, куполами, двумя готическими шпицами костела, круглыми площадями, центральными аллеями, вплоть до полосы моря на горизонтѣ.

Сейчасъ небо, крыши, стѣны, стекла, дымка надъ городомъ были пронизаны теплымъ, розовымъ свѣтомъ вечерняго солнца. Иныя группы деревьевъ казались черными, другія—темно-лиловыми, третьи—серебристыми, почти бѣлыми, и, наконецъ, дальше онѣ были опредѣленно пурпурнаго цвѣта. Христина налила послѣднюю чашечку чая, поставила ее на подносъ горничной и устало откинулась въ креслѣ. Глаза у нея были темно-каріе, лицо очень блѣдно, волосы совершенно коричневые, плотные, какъ парикъ, губы яркія и

тонкія, а вся фигура гибкая, высокая и сухая. На лѣвую щеку она приклеивала мушку. Ея платье было кофейнаго цвѣта съ низко-вырѣзаннымъ, блѣдно-голубымъ муаровымъ жилетомъ. Она засунула между двумя его пуговицами золотой лорнетъ на длинной цѣпочкѣ, которымъ никогда не пользовалась. Нѣсколько разъ Христина спрашивала горничную.

— Вы звонили по телефону барышнѣ Рущицъ?

И при отвѣтѣ,—барышни нѣтъ дома,—она ежилась.

Среди общаго гула (собралось человѣкъ тридцать гостей) попугайчики надрывали свои горлышки. Дамы поѣдали торты и сласти, расхваливая позднюю весну, которая всѣхъ задержала въ городѣ. Мужчины столпились вокругъ «неподражаемой» Мисси Потоцкой. Ея чудовищное бѣлое эспри, крутое и дрожащее, напоминало дароносицу, а синее платье съ золотыми глазками и зеленымъ поясомъ баядерки—павлина.

Мисси Потоцкая была дочь разорившихся родителей. По слухамъ, она усердно ловила жениховъ. Громче другихъ смѣялся ея остротамъ самъ хозяинъ дома, инженеръ Витольдъ Оскерко, розовый, полный, бритый блондинъ, слегка косящій на лѣвый глазъ.

Въ столовую входили еГнрихъ Шеміотъ съ сыномъ Юліемъ и докторъ Мирскій, извѣстный психіатръ, имѣвшій лѣчебницу.

Всѣхъ ихъ встрѣтили шопотомъ уваженія, интереса и благожелательности.

Шеміотъ-отецъ церемонно поцѣловалъ руку Христины. Она быстро и враждебно посмотрѣла на него. Сейчасъ же онъ отошелъ къ Мисси Потоцкой.

Докторъ Мирскій шепнулъ Христинѣ по-пріятельски:

— Сегодня я видѣлъ вашего мальчика... Ахъ, это исключительный ребенокъ.

Она сухо и неопредѣленно улыбнулась.

Юлій Шеміотъ, высокій юноша съ бѣлокурыми волосами и глазами, напоминавшими свѣтлые аметисты, оставался возлѣ Христины. Онъ положилъ на ея носовой платокъ кожанный футлярчикъ.

— Что это, другъ мой?..

— Маленькій сувениръ... вчера былъ день вашего рожденія.

— Я его не праздновала.

Однако, Христина раскрыла коробочку и нашла тамъ кольцо рѣдкой работы съ великолѣпнымъ опаломъ.

— Опалы приносятъ несчастіе.

Она приложила кольцо къ своему голубому жилету и надѣла безъ слова благодарности.

Юлій бормоталъ, пожирая ее глазами:

À la très-chère, à la très-belle
Qui remplit mon coeur de clarté.
A l'ange, à l'idole immortelle
Salut en immortalité!

Солнце сѣло. Небо начало темнѣть, изъ голубого переливаться въ черное, но на горизонтѣ еще горѣла оранжево-красная полоса среди золота. Ничего болѣе не сверкало. Готическіе шпицы костела, и весь онъ казался сдѣланнымъ изъ чернаго мрамора. Въ черное окрасились и деревья, и главная аллея, по которой медленно катились экипажи, увозя нарядныхъ женщинъ въ казино. Наступала ночь, мягкая, влажная, пропитанная запахомъ акацій.

Мисси Потоцкая простилась, торопясь куда-то. За нею исчезъ Витольдъ. Многіе изъ гостей также уходили.

— Вамъ дурно?—спросилъ Юлій, удивляясь блѣдности и безпокойству Христины.

Но она не слышала, пристально глядя на дверь столовой.

Алина Рущицъ входила быстро, чуть-чуть запыхавшись. Съ полей ея большей шляпы мягко спускались перья райской птицы. На ней былъ шелковый, очень простой костюмъ, цвѣта топъ и букетъ фіалокъ между складокъ корсажа.

— Ахъ, гадкая,—прошептала Христина, жадно цѣлуя подругу,—что ты со мной дѣлаешь?

Но Алина сіяющими глазами смотрѣла на Шеміота-отца.

Издали, сдержанно и учтиво онъ поклонился ей. Немного разочарованная, она сѣла около Христины, принимая японскую чашечку чая и дружелюбно улыбаясь Юлію.

И среди небрежныхъ фразъ, думала:

— Этотъ мальчикъ очарователенъ, хотя совсѣмъ не похожъ на отца... онъ словно нарисованъ сиреневымъ и синимъ... сиреневымъ и синимъ... у него чудесный профиль... я начну обожать его имя... оно очень идетъ къ нему...

А Юлій, отрѣзая ей кусочекъ торта, рѣшалъ въ свою очередь:

— Если она станетъ моей мачехой, мы поладимъ... въ ней есть какая-то разжигающая покорность... Жаль, что я влюбленъ въ Христину...

— Не знаю, почему ты кажешься возбужденной въ послѣднее время, Алина, — замѣтила Оскерко, — вѣрнѣе, знаю, но не хочу говорить...

— О... тише.

— Насъ никто не слышитъ...

Шеміотъ-отецъ прощался. Алина бросила на него умоляющій взглядъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ.

— А ты, Юлій?

— Я ухожу съ тобою отецъ...

Вслѣдъ за Шеміотами разошлись и другіе гости. Теперь была глубокая тишина въ квартирѣ. Попугайчики спали, закрытые атласнымъ зеленымъ одѣяломъ.

Христина говорила съ горечью:

— Вы всѣ купаетесь въ развратѣ... васъ бьетъ чувственная лихорадка... У Шеміота любовница въ домѣ, Клара ради него измѣнила жениху и тотъ застрѣлился. Мисси Потоцкая оголяется ниже таліи... Къ брату моему чуть ли не ежедневно бѣгаютъ накрашенныя дѣвки. Скоро онѣ разложатся по всѣмъ комнатамъ... Что ты знаешь о Шеміотѣ? Возможно, онъ боленъ... и потомъ онъ старъ, суровъ, насмѣшливъ... а любить можно только добрыхъ и ясныхъ людей... Къ чему все это? Ахъ, я такъ гордилась тобою, Алина... ты была такъ чиста, наивна, спокойна... Я думала, (о, какъ я ошиблась), я думала, тебѣ будетъ достаточно моей любви, дорогая...

И на изумленный жестъ Алины, она возразила, волнуясь и тоскуя:

— Я люблю тебя:.. я люблю тебя. Ты думаешь, я безумна? Нормально, ненормально... Ахъ, оставь... Можетъ быть, ты справишься у врачей?.. Что они знаютъ, эти грязныя животныя?.. Для нихъ все просто, ясно, на все приготовлено лѣкарство, режимъ, душъ, діэта. Природа же великая обманщица... Развѣ у меня нѣтъ ребенка, черезчуръ умнаго?.: Откуда это?.. Нелѣпость... случайность.:. Глупѣйшая исторія на курортѣ, нѣчто въ родѣ

Рос. Публичная Б-ка Ленинград

кошмара... моя нерѣшительность, боязнь сдѣлать абортъ, въ результатѣ—мальчикъ... Вотъ тебѣ природа!..

Униженная и удрученная Алина молчала.

Городъ горѣлъ огнями. Ночь была лунная, почти безъ звѣздъ. Алина долго стояла у окна. Ей дарована красота, здоровье, богатство, изящество мысли и неужели со всѣмъ этимъ она не сумѣетъ быть счастливой?

Плачъ Христины заставилъ ее испуганно оглянуться. Бросаясь передъ нею на колѣни, Оскерко потворяла съ отчаяніемъ:

— Я люблю тебя... Я люблю тебя...

Нѣсколько дней шелъ дождь. Въ саду нанесло много песка, испортило клумбы, размыло дорожки. Алину терзали муки стыда, раскаянія и досады. Особенно ей было непріятно вспоминать послѣднюю встрѣчу съ Христиной Оскерко. Подруга внушила ей страхъ и любопытство. Что сдѣлалось съ этой веселой, разсудительной дѣвушкой? Какъ она, Алина, раньше ничего не замѣчала? Неужели же это была настоящая любовь: ревнивая, безрасудная и жестокая? Потомъ Алина рѣшила, что у нея нѣтъ никакихъ данныхъ, презирать Христину. Правда, она чувствуетъ не такъ, какъ всѣ... Но развѣ это вина?.. Она совсѣмъ не хочетъ причинить ей горе, отдалившись. Зачѣмъ? Онѣ привыкли другъ другу.

Она лукаво улыбнулась, не желая признаться себѣ самой, что ей доставляетъ удовольствіе—глубокое и странное—мучить Христину.

Она думала немного позже.

— Если бы во мнѣ, на ряду съ жаждой униженія и боли, не жило стремленіе унижать и причинять боль въ свою очередь, я бы превратилась въ нѣчто скользкое и липкое.

Въ тотъ же день Войцѣхова жалобнымъ гономъ заговорила о лакеѣ Шеміота—Янѣ Щурекѣ. Баринъ уѣзжалъ въ имѣніе, и Щурекъ остается безъ мѣста, на лѣтнее время. Почему бы баришнѣ не взять его къ себѣ въ садовники? Она громко расхваливала Щурека, пожилого, хитраго литовца, съѣденнаго оспой.

На самомъ дѣлѣ Войцѣхова измѣнила свой враждебный тонъ къ Шеміоту. Что же, если барышня выйдетъ замужъ,—придется ладить съ бариномъ. Алина очень покраснѣла, слушая старуху. Хорошо, можно взять Щурека на лѣто.

Потомъ она сложила свое вышиваніе въ шелковый мѣшокъ на бронзовомъ треножникѣ и размечталась о Шеміотѣ. Желаніе увидѣть его наполнило ее волненіемъ и ликованіемъ.

— Боже мой, онъ приглашалъ меня столько разъ... Не сегодня, завтра Кларка утащитъ его изъ города...

И она кончила тѣмъ, что переодѣлась и поѣхала къ Шеміоту въ восемь часовъ вечера.

Къ ней вышла Клара, блѣдная и оффиціальная.

Она сказала тихо:

— Г. Шеміотъ не принимаетъ.

Алина поняла, что Шеміотъ, значитъ, не слышалъ звонка. Ей стало весело. Она тоже не протянула руки.

— О, меня онъ приметъ.

— Вы такъ увѣрена, м-ль?

— Конечно.

— Но я все-таки просила бы васъ пріѣхать завтра, утромъ, или передать мнѣ...

Клара упорствовала, заслоняя дверь своими широкими бедрами и поднимая на нее умоляющіе, измученные глаза.

Въ ту же минуту показался Шеміотъ.

— Ахъ...

И, цѣлуя радостно руки Алины, пропуская ее впередъ, онъ сказалъ черезъ плечо:

— Распорядитесь подать намъ кофе... фруктовъ... кажется, у насъ есть ликеръ...

Клара молча исчезла.

Въ кабинетѣ Шеміота Алина нѣсколько разъ облегченно вздохнула. У него... Съ нимъ... Наконецъ-то... Лампа подъ абажуромъ изъ бѣлыхъ бисерныхъ нитей освѣщала только столъ и букетъ темно-красныхъ, почти черныхъ розъ. Ихъ благоуханіе, тонкое, сладкое, нѣжное проникло въ душу Алины. Она взяла одну изъ нихъ и, полузакрывая глаза, медленно, кончиками губъ обрывала лепестокъ за лепесткомъ.

Послѣднее время она думала, что способна на одно сладострастье. Теперь она ощущала любовь, глубокую и

ясную. Она внутренно изумлялась, почему она представляла его себѣ только жестокимъ, грубымъ, властолюбивымъ, въ страсти утонченно-требовательнымъ. А, между тѣмъ, вотъ онъ сидитъ возлѣ нея въ двухъ шагахъ,—веселый, ласковый, добрый, —и это такъ хорошо... Боже, какъ хорошо быть простой и здоровой...

— Вы не слушаете меня, дорогая?..

Онъ нѣжно взялъ ее за руку. Она тихонечко отняла.

— Простите меня... я разсѣянна...

— Что такое?..

Алина покачала головой. Если бы признаться:.. но это невозможно.

— Почему вы перестали навѣщать меня, Алина?..

— Клара не любитъ меня...

— Какое же отношеніе?

Но она не вѣрила и ревновала.

Шеміотъ сказалъ, пѣвуче:

— Я много думалъ о васъ, Алина... вы немножко безпутная женщина. При большомъ вѣтрѣ вы способны побѣжать къ морю и протягивать къ нему руки и пѣть, воображая себя ундиной... въ глубокую метель вы можете бродить по незнакомымъ улицамъ, и считать себя одинокой, и быть дѣйствительно одинокой въ цѣломъ мірѣ. Вы страстно влюбитесь въ голосъ, поющій за чужой изгородью, и проплачете ночь изъ-за артиста, который спускался по лѣстницѣ, надѣвая перчатку..: Другой разъ, не зная и не гадая, васъ сведетъ съ ума епископъ, служившій мессу съ измученнымъ лицомъ. А потомъ вы исхудаете изъ-за того адмирала, который стоитъ у руля, и его плащъ развѣвается самымъ романтическимъ образомъ... Ахъ, Алина, вы очень забавны...

Клара принесла имъ кофе. Она даже надѣла фартучекъ, словно горничная. Вѣроятно, съ такимъ же лицомъ она прислуживала и покойной женѣ Шеміота. Потомъ она ушла, но осталась въ сосѣдней комнатѣ. Алина черезъ стѣну чувствовала ея присутствіе.

Она сказала, отпивая кофе:

— Утромъ у меня была Христина. Ей очень тяжело...

Шеміотъ холодно пожалъ плечами.

— Христина Оскерко дурно устроила свою жизнь.

Алина пыталась защитить ее... Все состояніе принадлежитъ брату, Витольду. Онъ кутитъ и много проигрываетъ. А Христина при немъ въ роли едва ли не экономки.

— Держитесь подальше,—настаивалъ Шеміотъ, — ваша дружба безнравственна. Я это понялъ съ перваго взгляда. Христина внесетъ сумбуръ, сплетни, несчастіе и сожалѣніе. Пусть она кается на сторонѣ. Гдѣ ея ребенокъ?

Властный тонъ Шеміота очаровалъ Алину.

Она отвѣтила несмѣло, глядя на его тонкую руку, которую утомлялъ огромный изумрудъ.

— Гдѣ ребенокъ Христины? Она отдала его въ частный пансіонъ.

Клара снова ходила за дверью.

Шеміотъ мысленно улыбнулся. Заставить женщину объясниться въ любви, когда другая женщина плачетъ за дверью,—вовсе не такъ уже плоско.

— Почему вы не выходите замужъ, Алина?

Она засмѣялась и смѣялась долго, чтобы скрыть волненіе.

— Но... развѣ вы?.. Святая Марія!.. если бы вы захотѣли жену...

Онъ чуть-чуть поклонился.

— Я знаю, вы очень расположены ко мнѣ, Алина, но я не гожусь для роли мужа... Я васъ такъ понялъ?

Она не упала въ обморокъ, а проговорила чужимъ голосомъ.

— Вы меня поняли. Я люблю васъ, Генрихъ...

— Вы мнѣ льстите... Я старъ... изъ этого ничего не выйдетъ...

— Никогда?

Онъ позабавился ея отчаяніемъ.

— Я не знаю.

И послѣ паузы.

— Если я отказался отъ чести быть вашимъ мужемъ, Алина, еще это не значитъ, что вы мнѣ не дороги...

Какимъ-то чудомъ она не заплакала.

Она прошептала:

— Ну, мнѣ пора уходить...

— Я скоро уѣзжаю въ имѣніе. Мы еще увидимся?

— Да.

Стоя совсѣмъ близко, онъ заглянулъ ей въ глаза. По ней прошелъ знакомый, глухой трепетъ.

— Благодарю васъ за сегодняшній вечеръ, Алина.

Возлѣ самыхъ дверей кабинета Клара оставалась въ позѣ оцѣпененія. Увидѣвъ ее, Алина невольно вздрогнула. Обѣ женщины слегка поклонились другъ другу.

Когда Алина ушла, Шеміотъ посмотрѣлъ на часы. Было четверть перваго.

— Боже мой,—пробормоталъ онъ, крайне недовольный.

Кофе, фрукты, запахъ розъ, ликера и духовъ Алины раздражали его. Обыкновенно, онъ курилъ очень мало. Теперь, нервничая, онъ наполнилъ пепельницу папиросами. Обыкновенно, онъ уже былъ въ постели, освѣженный умываніемъ, перемѣнивъ бѣлье и спокойно читалъ или обдумывалъ прошедшій день. А сегодня онъ потерялъ столько времени для этой дѣвушки, мечтательной и эксцентричной. Не зашелъ ли онъ далеко? Какъ подобныя волненія отразятся на его здоровьѣ? И, въ концѣ-концовъ, къ чему все это? Менѣе всего, онъ склоненъ жениться. Это хлопотно и скучно. Десять лѣтъ тому назадъ ему казалось заманчивымъ побѣдить каждую женщину, каждую женщину онъ хотѣлъ бросить передъ собою на колѣни... Теперь его больше тѣшитъ сѣять собственные вкусы и желанія на благодарной почвѣ. Алина для него—хорошо вспаханное поле... онъ бросаетъ туда сѣмена и ждетъ всходовъ.

Клара вошла убрать со стола. Она не позволяла лакею мѣшать Шеміоту.

Шеміотъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

Какъ у всѣхъ нервныхъ людей, ея внѣшность мгновенно мѣнялась. Сейчасъ, послѣ визита Алины, который для нея тянулся вѣчность послѣ нѣсколькихъ часовъ нестерпимыхъ страданій, ревности и отчаянія, Клара постарѣла. Она согнулась, сжала губы, смотрѣла мутнымъ, безконечно-усталымъ взглядомъ.

Въ первый разъ за послѣдніе годы въ Шеміот: вспыхнуло состраданіе, пылкое и стремительное.

— Милая, ты устала?

Изумленная, она подняла голову. Какъ давно онъ не называлъ ее на «ты».

— Совсѣмъ немного...

Онъ подошелъ ближе, улыбнулся, обнялъ ее съ живостью и граціей.

На секунду передъ нимъ мелькнуло ея прежнее лицо, — розовое, свѣжее, съ довѣрчивыми, кроткими глазами, съ зубами бѣлыми, какъ сама бѣлизна. Она была передъ нимъ такая, какой двадцать лѣтъ тому назадъ пришла отдать ему честь, деньги, семью, жениха, все, что имѣла,—ради унизительнаго и двусмысленнаго положенія при его женѣ. Онъ вспомнилъ также то жуткое, странное и жестокое, чему онъ подвергалъ ее, когда хотѣлъ, и чему она покорялась, въ нѣмомъ ужасѣ, съ тайнымъ сладострастіемъ, отчаяніемъ и стыдомъ. Она была больше, чѣмъ любовница, и больше, чѣмъ раба. Она была его эхомъ и вещью. Теперь она должна смотрѣть, какъ онъ любитъ другихъ женщинъ и любить ихъ въ свою очередь.

Его сердце сжалось.

— Ты устала, Клара... конечно, ты устала... извини меня...

Она продолжала смотрѣть на него скорѣе испуганно, чѣмъ благодарно. Какое еще новое мученіе готовитъ онъ ей? Она по опыту знала, что онъ становился особенно мягкимъ, ласковымъ, предупредительнымъ передъ тѣмъ, какъ причинить ей боль.

— Тебя безпокоитъ Алина?.. Она не тактична и болтлива... Увѣряю тебя, я даже не нахожу ее достаточно умной.

Клара покачала головой. Она выдавила изъ себя глухія слова, убирая кофе.

— Дѣвочка очень мила.

— Нѣтъ, нѣтъ... не будь снисходительна... Обожди, мы скоро уѣдемъ на дачу и избавимся отъ непрошенныхъ визитовъ...

— Какъ хочешь...

Онъ снялъ и бросилъ воротничекъ, манжеты. Запонки покатились на полъ. Клара подняла ихъ.

Онъ улыбался доброй и просительной улыбкой, и казался совсѣмъ юнымъ со своими пышными золотистыми волосами, крупными губами, черными, гордыми глазами.

Клара входила и выходила. У нея слегка кружилась голова. Неужели же онъ до сихъ поръ любитъ ее?.. вѣдь, когда-то онъ клялся жениться на ней. Неужели же?.. И она уже страдала за Алину.

Шеміотъ не ушелъ въ спальню, а прилегъ на диванѣ и подозвалъ Клару. Обнимая ее, онъ спрашивалъ растроганнымъ голосомъ... Что у нея болитъ?.. Почему она не бережетъ своего здоровья?.. Почему она такъ грустна?..

Тогда она заплакала, отвѣчая шопотомъ, ибо отъ слабости и волненія у нея не хватало голоса.

— У меня вездѣ болитъ... грудь, поясница, внизу живота... между лопатками... въ пищеводѣ... я чувствую, какъ я задыхаюсь, и этотъ потъ... ты вѣдь знаешь мое тѣло?.. я всегда была сухая и горячая... теперь я мокрая и холодная, какъ лягушка... я не сплю и не ѣмъ. Я боюсь умереть, Генрихъ...

Онъ страстно обнялъ ее, словно былъ влюбленъ въ нее безъ памяти, цѣловалъ ея волосы, лицо, руки, утѣшалъ, успокаивалъ, обѣщалъ, клялся, покуда она не начала тихо смѣяться, просвѣтленная, счастливая, почти здоровая. Тогда онъ ощутилъ мертвящую пустоту, глубокое утомленіе, проникся мыслью объ Алинѣ и равнодушно отослалъ спать Клару.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

Шеміотъ уѣхалъ въ имѣніе, ни единымъ словомъ не предупредивъ Алину, даже не простившись съ нею по телефону. Алина узнала эту новость отъ лакея Щурека, который перевезъ свой синій сундукъ и теперь исполнялъ здѣсь должность садовника. Алина была смертельно оскорблена. Наплакавшись вдоволь, она утѣшала себя мыслью — «мужчину всегда пугаетъ сближеніе съ женщиной. И потомъ эта Клара!.. Она возстанавливаетъ его противъ меня».

Однако, она продолжала не спать, томиться, страдала отъ зноя, мучила всѣхъ въ домѣ своей рѣзкостью. Ежедневно сюда являлась Христина.

Алина какъ-то вспомнила о ея ребенкѣ, который, несмотря на лѣто, оставался въ пансіонѣ. Экономка взялась слѣдить за нимъ. Бруно цѣлыми днями бродитъ одинъ по пустымъ классамъ и только за обѣдомъ, завтракомъ видитъ людей. Она представила его круглую головку съ каштановыми рѣдкими волосами, серьезные голубые глаза, пухлый ротикъ. И, содрогаясь отъ состраданія, упросила Христину

привезти къ ней Бруно. Увидя его, Алина удивилась. Снова у него былъ старенькій костюмчикъ, плохо обутыя ножки, прошлогодняя шляпа. А, между тѣмъ, еще совсѣмъ недавно Алина передала Оскерко довольно солидную сумму денегъ. Она всегда заботилась объ этомъ несчастномъ ребенкѣ. Каждый разъ при встрѣчѣ съ нимъ, она обходила подрядъ нѣсколько магазиновъ и въ тѣ дни ей до самаго вечера приносили пакеты и коробки.

Сегодня она разсердилась на Христину.

— Куда ты выбросила деньги?

— Я? Но я заплатила за свое коричневое платье... то, что съ голубымъ жилетомъ... оно всѣмъ нравится...

— О, это гадко... ты—дурная мать, Христина.

— Бруно еще малъ для нарядовъ.

И такъ какъ Алина занялась мальчикомъ, Христина кидала вокругъ себя мрачные, полные зависти и тоски взгляды. Почему Алина не возьметъ его къ себѣ? Что было бы проще, какъ не жить вмѣстѣ въ этомъ чудесномъ, уединенномъ особнякѣ, полномъ старинной мебели?

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Она встала, вышла и машинально очутилась въ комнатѣ Войцѣховой.

Старая служанка въ черномъ платьѣ, но безъ чепчика, бормотала ружанецъ. Онѣ очень привѣтливо поздоровались.

— Ну, какъ дѣла, Войцѣхова?

Войцѣхова недовольно пожевала губами. Осторожно она намекнула, что барышня измѣнилась къ худшему. По хозяйству ненужныя траты и упущенія. Щурекъ оказался воромъ, однако, барышня не гонитъ его, ибо негодяй умѣетъ разсказывать о порядкахъ въ домѣ г. Шеміота.

Христина раздроженно вспыхнула.

— Г. Шеміотъ—безнравственный человѣкъ,—сказала она ледянымъ тономъ,—я не о такомъ мужѣ мечтала для Алины.

Служанку прорвало:

— О, да барышня попрыгаетъ, если только выйдетъ замужъ за г. Шеміота... небось, та гувернантка по три дня ходитъ съ мокрыми глазами... Сердце Іисуса, смилуйся

надъ нами!.. Все горе еще и отъ того, что барышня невѣрующая...

И онѣ бранились, шипѣли, сплетничали, терзаемыя безпокойствомъ, завистью и любопытствомъ.

Наконецъ, Войцѣхова заговорила льстиво:

— И почему бы нашей барышнѣ не выйти замужъ за пана Витольда? Человѣкъ молодой, богатый, трудящійся. Это была бы настоящая партія... Люди заткнули бы свои глотки...

Христина слушала ее оглушенная. Какая мысль!.. Если бы Алина вышла за Витольда, онѣ бы породнились.. вполнѣ естественно, что Христина тогда переѣдетъ сюда... И маленькій Бруно... и все будетъ хорошо. Она подсѣла къ служанкѣ и онѣ продолжали шептаться, какъ двѣ заговорщицы.

Въ комнатахъ маленькій Бруно тихонечко и съ удовольствіемъ разсматривалъ картинки. Алинѣ стало скучно. Чувствуя себя чужой въ собственномъ домѣ, усталая отъ Христины и отъ безплодной печали послѣднихъ дней, она спустилась въ садъ. Былъ полдень. Блѣдная лазурь казалась раскаленной. На кустахъ розы цвѣли вторично: бѣлыя, желтыя, пурпурныя, розовыя. Пчелы ползали по нимъ, какъ тяжелыя капли золотого меда. Бѣлыя розы казались сдѣланными изъ бѣлаго шелка, неживыми, сверкающе-прекрасными и возбуждали сладострастное желаніе бури, уничтоженія, гніенія, смерти. Онѣ пили лѣтнее солнце, ароматы, вѣтеръ и синеву неба своими дѣтскими, цѣломудренными устами. Желтыя розы, по краямъ розоватыя, словно залитыя отблескомъ зари, или заката, теплыя, нѣжныя, чувственныя и покорныя. Бенгальскія розы, розы Франціи, и тѣ, пурпурно-черныя, махровыя, сладкія, какъ мускатъ, вызвали въ Алинѣ жесть восхищенія. Розовыя розы были круглы, тяжелы, словно зрѣлые, сочные плоды; густой ароматъ ихъ, смѣсь вина, сахара, ванили, осаждался на губахъ, подобно соленому вѣтру моря.

Въ концѣ аллеи она сѣла на каменную скамью, оглядываясь кругомъ пьяными глазами. Не была ли любовь соткана изъ ароматовъ, солнечныхъ лучей, медленнаго сладострастія?

И она закрыла глаза, мечтая о Шеміотѣ и обладая имъ мысленно съ опытностью дѣвственницы.

Послѣ ряда безсонныхъ ночей, Алина дождалась письма отъ Шеміота. Самымъ невиннымъ тономъ онъ приглашалъ ее къ себѣ въ имѣніе. Онъ объяснялъ, что черезъ четыре часа ѣзды по желѣзной дорогѣ, Алина пріѣдетъ на станцію Х., гдѣ ее будутъ ждать лошади.

Далѣе онъ разсказывалъ, что домъ его стоитъ на горѣ. Дожди вырыли глубокіе, извилистые овраги, и по крутизнѣ цвѣтетъ дикій шиповникъ. Ниже шумятъ деревья, и рѣка достигаетъ ихъ корней. Нѣсколько разъ онъ видѣлъ молодого орла. Въ полѣ можно найти лиловые и желтые ирисы, пахнущіе медомъ, зрѣлымъ хлѣбомъ, горячей землею, а также, голубые, бѣлые, сиреневые колокольчики и липкую смолку.

Алина тихонечко вскрикнула и опустила письмо. Что Шеміотъ думаетъ о ней? Звать ее, Алину, барышню изъ общества къ себѣ въ имѣніе? И онъ не написалъ ни одного слова, ни объ Юліи, ни о Кларѣ?.. И какъ онъ могъ быть такимъ самоувѣреннымъ. Вотъ, что значитъ объясниться въ любви первой... женщина всегда это почувствуетъ... ее болѣе не уважаютъ... въ ея готовности на все уже не сомнѣваются... Алина разсердилась, потомъ заплакала, потомъ выбранила себя за подозрительность, возликовала, затряслась отъ любви, нетерпѣнія и рѣшила уѣхать къ Шеміоту.

Черезъ часъ, когда она гуляла по аллеѣ маленькими, чинными шажками, Щурекъ доложилъ о пріѣздѣ Шеміота.

Это былъ молодой Шеміотъ Юлій.

Покуда онъ вѣжливо кланялся и передавалъ поклонъ отъ отца, Алина стояла передъ нимъ, блѣдная и растерянная. Она приготовилась видѣть его отца.

— Вы снова въ городѣ? Что случилось?

Юлій принялъ серьезный видъ. Клара совсѣмъ расхворалась. Они опасаются несчастнаго исхода. Оставаться въ имѣніи безъ медицинской помощи невозможно. Здѣсь онъ отвезъ ее въ лѣчебницу св. Винцента.

— Боже мой, какое несчастье,—повторила Алина.

Потомъ она вздохнула съ огромнымъ облегченіемъ. Такъ вотъ почему Шеміотъ приглашалъ ее въ имѣніе?.. онъ одинъ... онъ тоскуетъ... онъ безумствуетъ... милый, милый!..

И она пригласила Юлія завтракать съ нѣжнымъ соболѣзнованіемъ.

Какъ никогда, онъ былъ интересенъ сегодня. Его красивая голова съ профилемъ Цезаря, свѣтлый костюмъ, цвѣтокъ въ петлицѣ, длинный шелковый галстухъ, весь изящный силуэтъ молодого человѣка, лѣтъ двадцати трехъ, а, главное, какая-то неуловимая грусть лица разстрогала Алину.

— Это его сынъ,—подумала Алина,—это его сынъ...

За завтракомъ Юлій заговорилъ откровенно. Алина поняла съ перваго слова.

— Дорогой Юлій, чего, собственно, вы хотите отъ Христины?

— Я хочу жениться на ней...

— Христина старше васъ.

— Это безразлично.

— Она не имѣетъ средствъ.

— О, я вѣдь уже кончилъ университетъ... Кромѣ того, я имѣю кое-какія средства отъ матери... такимъ образомъ, я совершенно самостоятеленъ...

— Вы увѣрены, что Христина расположена къ вамъ?..

— Я ни въ чемъ не увѣренъ...

— А вашъ отецъ?..

— Я говорилъ съ нимъ. Онъ даетъ мнѣ полную свободу.

Алина засмѣялась.

— Извините меня, Юлій... Я задавала вамъ вопросы съ грубостью мѣщанки... что мнѣ сдѣлать для васъ?

— Помочь мнѣ завоевать Христину...

— Я постараюсь...

Послѣ ухода Юлія, она снова очутилась въ саду, мечтательная и лѣнивая. Цвѣтники благоухали. Подъ абрикосами лежала пустая тѣнь. Она было направилась туда, но окунулась въ траву выше колѣнъ и вернулась снова на дорожку. На небѣ розовые, желтые и фіолетовые тона растопились и смѣшались въ одно.

Ее попросили вернуться въ домъ,—барышня Оскерко звонитъ по телефону, — и она пошла туда, недовольная. Одна мысль, что Христина можетъ помѣшать встрѣчѣ съ Шеміотомъ, вызывала въ ней раздраженіе и непріязнь.

Она лѣниво взяла трубку.

— Это ты, Христина?.. Здравствуй... нѣтъ, ко мнѣ нельзя притти... я уѣзжаю сегодня съ вечернимъ поѣздомъ...

— Не зли меня, милочка... Боже мой, какая скука... я вѣдь свободный человѣкъ...

И, раздосадованная, она отошла отъ телефона. Разумѣется, Христина явилась. Она падала на колѣни, рыдала, заклинала, грозила все разсказать Кларѣ или облить кислотою Шеміота. Алина осталась непреклонной. Кротко и терпѣливо она убѣждала подругу подумать объ Юліи. Вотъ, кого нужно жалѣть и любить Христинѣ. Въ этомъ ея счастье.

— Нѣтъ... нѣтъ... Я покончу съ собою...

Алина снова разсердилась.

— Я перестану принимать тебя,—закричала она въ ярости и убѣжала одѣваться.

Щурекъ вынесъ чемоданъ. Войцѣхова съ неодобреніемъ разглядывала автомобиль. Христина впала въ мрачное отчаяніе. Она сидѣла и думала, думала...

Алина тронула ее за плечо.

— Идемъ же, другъ мой...

Онѣ поѣхали. На Алинѣ было пальто дымчатаго цвѣта, очень широкое, закрывавшее ее всю до узкихъ ботинокъ, капюшонъ того же цвѣта, что и подкладка, свѣтлый фонъ со свѣтлыми, крошечными букетиками: Свою бѣлокурую головку она упрятала въ маленькую шляпу-грибокъ, а длинный шарфъ завязала у подбородка.

Мимо мелькали сады, дома, люди, Алина ничего не видѣла. Она улыбалась и грезила. Черезъ нѣсколько часовъ она будетъ въ объятіяхъ Шеміота. Христина спросила

— Почему ты не хочешь серьезно отнестись ко мнѣ, Алина?.. Развѣ я не заслуживаю и жалости?

Алина смутилась. Конечно, все это дико, нелѣпо, смѣшно, но Христина несчастна... Къ ней нужно отнестись терпимо. Она возразила мягко:

— Я боюсь подобныхъ разговоровъ, Христина...

— Я оскорбляю тебя?

— Н-нѣтъ... но ты выражаешь свою любовь, свою дружбу такъ, что съ закрытыми глазами тебя можно принять за мужчину... Ахъ, если бы твои слова говорилъ мнѣ Шеміотъ.

Алина радостно засмѣялась, а Христина подавила вспышку и продолжала холодно:

— Мнѣ необходимо твое присутствіе. Я хочу видѣть тебя каждую минуту моей жизни, всегда. Это я почувствовала съ первой встрѣчи. До тебя я не испытывала ничего подобнаго. Развѣ въ пансіонѣ... къ одной классной дамѣ...

но, нѣтъ... то было ребячество, сентиментальность. Я хочу служить тебѣ и сберегать тебя отъ всего злого.

. . . . . .

Алина не слышала. Она продолжала улыбаться своимъ мечтамъ, и ея глаза синіе, теплые, кроткіе, мерцали таинственно и страстно.

Христина вспылила. Она грубо дернула ее за рукавъ.

— Очнись... да очнись же... или ты—звѣрь. Мнѣ тяжело... я страдаю, я брошусь подъ поѣздъ...

Алина вздохнула.

—Что я могу, дорогая?—сказала она кротко,—что я могу? Я твоя подруга. Я навсегда останусь ею... но больше... остальное для меня непріятно... и ничего не объясняй мнѣ... прошу тебя.

Онѣ пріѣхали. Вокзалъ былъ почти пустъ. Онѣ прошли по перрону. Христина дрожала. Она не выпускала руку Алины. Кондукторъ указалъ имъ вагонъ. Въ купэ сидѣла какая-то дама.

— Который теперь часъ?—безпокоилась Алина.

— Восемь,—вмѣшалась сосѣдка.

— Въ двѣнадцать часовъ я буду у...

Ночью! Христина поблѣднѣла еще больше. Она подумала: «Алина не вернется дѣвственницей». Поѣздъ тронулся. Христина выскочила, но еще побѣжала за нимъ, рыдая, съ искаженнымъ лицомъ, близкая къ помѣшательству. Разстроенная Алина вернулась на мѣсто.

— Это ваша сестра?—сочувственно спросила сосѣдка.

— Да... кузина...

Алина испуганно покраснѣла.

— Вы надолго уѣзжаете?

— Надолго.

И Алина нетерпѣливо закрыла глаза. Сейчасъ же она уснула грубымъ, усталымъ сномъ батрачки.

На станціи Алина звонко спросила жандарма, нѣтъ ли здѣсь лошадей изъ имѣнія г. Шеміота. Лошадей не было. Удивленная и огорченная она обратилась къ начальнику станціи. Очень обязательный, онъ успокоилъ ее. За хорошую плату лошадей можно достать немедленно. Потомъ онъ добавилъ, что молодой г. Шеміотъ и родственница г. Шеміота (т.-е. Клара, подумала Алина) уѣхали въ городъ, знаетъ ли объ этомъ барышня?

Алина была смущена тѣмъ, какъ хорошо освѣдомлены здѣсь обо всемъ, что происходило въ имѣніи. Наконецъ, ей подали лошадей и она уѣхала, провожаемая колкой улыбкой начальника станціи.

Алина не могла больше ни о чемъ думать. Когда она въѣзжала въ усадьбу, ей захотѣлось выскочить изъ экипажа и убѣжать. Щеки ея пылали отъ стыда. Изъ темноты она услышала восклицанія, лай собакъ, потомъ увидѣла на освѣщенной верандѣ Генриха Шеміота.

Онъ встрѣтилъ ее спокойный, изысканно-одѣтый, съ книгой въ рукѣ. У него былъ видъ, словно Алина зашла къ нему изъ сосѣдняго дома.

Вы не прислали за мной лошадей!—воскликнула она тономъ упрека.

— Я не ждалъ васъ увѣренно.

— Какъ вы могли пригласить меня?

— Но, Боже мой, почему бы вамъ и не навѣстить старика?

Она опустила глаза, стягивая перчатки.

— Бѣдная Клара...

— Да, она серьезно заболѣла... Вы видѣли Юлія?.. Отлично... что вамъ, Викентій? А, сдачу съ денегъ... для барышни, лошади уѣхали? Хорошо... Пришлите сюда горничную... Покойной ночи, Алина...

И онъ удалился съ поклономъ, а она, ошеломленная, осталась на мѣстѣ.

Кресла и столъ были здѣсь изъ тростника. Доски прогнили и пробивалась трава. Какая-то собака поднялась по ступенямъ и приласкалась къ Алинѣ. Дальше шла темнота. Еще дальше—сверкали огни. Алина поняла, что тамъ паромъ. Но все она видѣла машинально, не желая видѣть. Она была удручена.

— Зачѣмъ я пріѣхала? Генрихъ спрятался... Онъ вовсе мнѣ не радъ. Что я сдѣлала?..

Появилась горничная, держа высоко лампу, и пригласила Алину въ домъ. Тамъ стоялъ густой запахъ старой мебели, старыхъ стѣнъ, старыхъ матерій и книгъ. Кое-гдѣ блестѣла позолота рамъ, бронза часовъ, край зеркала.

Алина повеселѣла, увидѣвъ комнату въ два окна, оклеенную свѣтлыми обоями, съ мебелью розовой, выцвѣтшей, но очаровательной. Полъ закрывалъ коверъ, по которому амуры вили вѣнки изъ розъ. Нѣсколько наивныхъ гравюръ висѣло по стѣнамъ.

Горничная, назвавшись Франусей, принесла ужинъ,—цыпленка съ салатомъ, вино, сыръ, вишни. Алина ѣла съ аппетитомъ. Франуся болтала скромно, и вмѣстѣ многозначительно. Ея глаза, крохотные и задорные, блестѣли среди круглыхъ щекъ, вздернутаго носа, пухлыхъ губъ. Она разсказывала, что первый разъ служитъ въ имѣніи, скучаетъ по городу и рада до смерти пріѣзду барышни. Теперь не будетъ такъ скучно, разумѣется... голосъ живой услышишь... Когда родственница барина лежала здѣсь, она, Франуся, подумывала даже бросить мѣсто, такъ все пропахло лѣкарствами... желудочная болѣзнь... неопрятность...

Алина безпокоилась о своихъ помятыхъ платьяхъ. Франуся клялась, что разгладитъ ихъ до девяти часовъ утра,—барышня можетъ положиться на нее.

— Благодарю васъ. А когда встанетъ баринъ?

— Баринъ встанетъ очень поздно. Онъ пьетъ кофе у себя.

Она собрала тарелки и ушла, пожелавъ покойной ночи.

Алина осталась одна и не заперла дверь. Она рѣшила всему покориться. Ахъ, все равно... вѣдь Шеміотъ женится на ней. Въ негодованіи она уличила себя во лжи. Если она, дѣйствительно, его невѣста, то зачѣмъ же она пріѣхала сюда, какъ женщина легкаго поведенія? Она устыдилась и заплакала. Только бы онъ женился... Послѣ всего, что случилось, онъ долженъ поднять ее въ ея же глазахъ. Вѣдь ея душа загрязнилась ради него. Она была раньше совсѣмъ дитятей, съ воспоминаніями о печальномъ дѣтствѣ, суровой гувернанткѣ, съ дружбой Христины. Она довольствовалась садомъ, книгами, платьями, считала величайшимъ удовольствіемъ прогулку въ автомобилѣ или на пароходѣ. Жизнь представлялась ей сладкимъ сномъ. Ее никуда не тянуло. У нея не было невозможныхъ желаній. Но теперь явился

Шеміотъ, и она кричитъ отъ любви, какъ разъяренная самка и, (самое ужасное) познавши сладость запрещенныхъ мыслей, она не ощущаетъ того, чтобы ее оправдало,—она не хочетъ материнства.

Между тѣмъ, Шеміотъ лежалъ на другомъ концѣ дома. Его рыжеватые волосы и сіяющій лобъ были смочены одеколономъ. Онъ мучился мигренью и досадовалъ на самаго себя.

Алина пріѣхала... впрочемъ, онъ не сомнѣвался, что къ его приглашенію она отнесется, какъ къ приказанію. Онъ ждалъ сильныхъ ощущеній,—ихъ нѣтъ. Всю спорную сладость обладанія онъ позналъ уже мысленно. Дѣйствительность не дастъ ему ничего новаго. Если же онъ воспользуется тѣмъ, что дѣвушка влюблена въ него безъ памяти и не дастъ ей никакихъ обязательствъ, тогда получится второй экземпляръ Клары. Цѣлую ручки... онѣ загрызутъ другъ друга. Надѣвать халатъ, туфли, красться въ ея комнату... А на утро заплаканные глаза, упрекающее молчаніе, скорбныя губы, и ожиданіе, ожиданіе чего-то, чего никогда не будетъ... Какая пошлость! И ради чего? Ради ея крика, крика потерянной дѣвственности?.. А, вдругъ, онъ ошибается и она даже не дѣвушка?.. Шеміотъ перелисталъ нѣсколько страницъ и читалъ, думая все о томъ же. Конечно, онъ знаетъ, чего, собственно, онъ хочетъ въ данную минуту, но... лучше помедлить. Алина еще не достаточно подготовлена. Когда она пройдетъ всѣ ступени тоски, отчаянія, стыда и униженія; когда она, какъ губка, впитаетъ въ себя навсегда его мысли и желанія, когда онъ овладѣетъ ея душою и воображеніемъ, онъ снисходительно согласится обладать ею. И она будетъ счастлива. Развѣ не всѣ женщины на одинъ ладъ?

Алина проснулась рано. Черезъ жалюзи сверкало солнце. Босикомъ она прошла къ окну и потянула ихъ къ верху. И она улыбнулась.

Вчерашняя темнота оказалась зеленью,—яркой, темнѣе и совсѣмъ темнѣе. На землѣ разстилались озера цвѣтовъ. Розы, левкои, лиліи, тюльпаны, резеда, мята, царскіе кудри, парижскія красавицы, нарциссы, гвоздики, анютины глазки. Все это благоухало, шевелилось отъ вѣтра, какъ ароматныя волны, и было то въ тѣни, то на солнцѣ.

Гос. Публичная Б-ка

Появилась горничная, держа высоко лампу, и пригласила Алину въ домъ. Тамъ стоялъ густой запахъ старой мебели, старыхъ стѣнъ, старыхъ матерій и книгъ. Кое-гдѣ блестѣла позолота рамъ, бронза часовъ, край зеркала.

Алина повеселѣла, увидѣвъ комнату въ два окна, оклеенную свѣтлыми обоями, съ мебелью розовой, выцвѣтшей, но очаровательной. Полъ закрывалъ коверъ, по которому амуры вили вѣнки изъ розъ. Нѣсколько наивныхъ гравюръ висѣло по стѣнамъ.

Горничная, назвавшись Франусей, принесла ужинъ,—цыпленка съ салатомъ, вино, сыръ, вишни. Алина ѣла съ аппетитомъ. Франуся болтала скромно, и вмѣстѣ многозначительно. Ея глаза, крохотные и задорные, блестѣли среди круглыхъ щекъ, вздернутаго носа, пухлыхъ губъ. Она разсказывала, что первый разъ служитъ въ имѣніи, скучаетъ по городу и рада до смерти пріѣзду барышни. Теперь не будетъ такъ скучно, разумѣется... голосъ живой услышишь... Когда родственница барина лежала здѣсь, она, Франуся, подумывала даже бросить мѣсто, такъ все пропахло лѣкарствами... желудочная болѣзнь... неопрятность...

Алина безпокоилась о своихъ помятыхъ платьяхъ. Франуся клялась, что разгладитъ ихъ до девяти часовъ утра,—барышня можетъ положиться на нее..

— Благодарю васъ. А когда встанетъ баринъ?

— Баринъ встанетъ очень поздно. Онъ пьетъ кофе у себя.

Она собрала тарелки и ушла, пожелавъ покойной ночи.

Алина осталась одна и не заперла дверь. Она рѣшила всему покориться. Ахъ, все равно... вѣдь Шеміотъ женится на ней. Въ негодованіи она уличила себя во лжи. Если она, дѣйствительно, его невѣста, то зачѣмъ же она пріѣхала сюда, какъ женщина легкаго поведенія? Она устыдилась и заплакала. Только бы онъ женился... Послѣ всего, что случилось, онъ долженъ поднять ее въ ея же глазахъ. Вѣдь ея душа загрязнилась ради него. Она была раньше совсѣмъ дитятей, съ воспоминаніями о печальномъ дѣтствѣ, суровой гувернанткѣ, съ дружбой Христины. Она довольствовалась садомъ, книгами, платьями, считала величайшимъ удовольствіемъ прогулку въ автомобилѣ или на пароходѣ. Жизнь представлялась ей сладкимъ сномъ. Ее никуда не тянуло. У нея не было невозможныхъ желаній. Но теперь явился

Шеміотъ, и она кричитъ отъ любви, какъ разъяренная самка и, (самое ужасное) познавши сладость запрещенныхъ мыслей, она не ощущаетъ того, чтобы ее оправдало,—она не хочетъ материнства.

Между тѣмъ, Шеміотъ лежалъ на другомъ концѣ дома. Его рыжеватые волосы и сіяющій лобъ были смочены одеколономъ. Онъ мучился мигренью и досадовалъ на самаго себя.

Алина пріѣхала... впрочемъ, онъ не сомнѣвался, что къ его приглашенію она отнесется, какъ къ приказанію. Онъ ждалъ сильныхъ ощущеній,—ихъ нѣтъ. Всю спорную сладость обладанія онъ позналъ уже мысленно. Дѣйствительность не дастъ ему ничего новаго. Если же онъ воспользуется тѣмъ, что дѣвушка влюблена въ него безъ памяти и не дастъ ей никакихъ обязательствъ, тогда получится второй экземпляръ Клары. Цѣлую ручки... онѣ загрызутъ другъ друга. Надѣвать халатъ, туфли, красться въ ея комнату... А на утро заплаканные глаза, упрекающее молчаніе, скорбныя губы, и ожиданіе, ожиданіе чего-то, чего никогда не будетъ... Какая пошлость! И ради чего? Ради ея крика, крика потерянной дѣвственности?.. А, вдругъ, онъ ошибается и она даже не дѣвушка?.. Шеміотъ перелисталъ нѣсколько страницъ и читалъ, думая все о томъ же. Конечно, онъ знаетъ, чего, собственно, онъ хочетъ въ данную минуту, но... лучше помедлить. Алина еще не достаточно подготовлена. Когда она пройдетъ всѣ ступени тоски, отчаянія, стыда и униженія; когда она, какъ губка, впитаетъ въ себя навсегда его мысли и желанія, когда онъ овладѣетъ ея душою и воображеніемъ, онъ снисходительно согласится обладать ею. И она будетъ счастлива. Развѣ не всѣ женщины на одинъ ладъ?

Алина проснулась рано. Черезъ жалюзи сверкало солнце. Босикомъ она прошла къ окну и потянула ихъ къ верху. И она улыбнулась.

Вчерашняя темнота оказалась зеленью,—яркой, темнѣе и совсѣмъ темнѣе. На землѣ разстилались озера цвѣтовъ. Розы, левкои, лиліи, тюльпаны, резеда, мята, царскіе кудри, парижскія красавицы, нарциссы, гвоздики, анютины глазки. Все это благоухало, шевелилось отъ вѣтра, какъ ароматныя волны, и было то въ тѣни, то на солнцѣ.

Гос. Публичная Библиотека

Алина задрожала отъ нетерпѣнія. Ахъ, уйти скорѣе, скорѣе, смѣяться солнцу, вѣтру, небу, саду, цвѣтамъ. Одѣваясь, она спрашивала себя, не сошла ли она вчера съ ума?.. Вѣдь она вообразила себя несчастной и погибшей. Это—ложь... Генрихъ любитъ ее. Въ его годы не шутятъ. Конечно, онъ не бросился ей на шею, а убѣжалъ, подобно счастливому юношѣ. Тѣмъ лучше. Лишнее доказательство, какъ онъ взволнованъ и серьезенъ.

Француся принесла ей кофе и великолѣпно разглаженныя платья. Алина болтала съ нею дружески. Въ усадьбѣ злыя собаки? Нѣтъ, злыя на цѣпи, спускаются только ночью, а остальныя даже не лаютъ. Барышня можетъ спокойно итти и направо и налѣво, и къ полю, и къ гумну. Пусть только барышня не пугается, если увидитъ ужей. Ихъ тутъ множество.

Алина бросила послѣдній взглядъ въ зеркало. На ней было бѣлое муслиновое платье съ узенькой, фіолетовой бархатной подъ грудью, и длинный шарфъ съ каймой, какъ у женщинъ первой имперіи.

Небо напоминало чистую твердую эмаль и лишь къ горизонту слегка розовѣло и туманилось. Только подъ старыми деревьями можно было укрыться отъ солнца, расплавленнаго золота, льющагося на землю. Алина удивилась тишинѣ. Вокругъ барскаго дома, гдѣ она ночевала, и вокругъ флигелька не было ни одной постройки.

— А гдѣ же экономія?—подумала Алина съ безпокойствомъ хозяйки.

Она увидѣла ее и гумно за садомъ, поднявшись въ гору. Дорога вела между двумя рядами старыхъ акацій. Глубокія канавы наполнились травой, ромашками, незабудками, колокольчиками и лютиками. Развалившійся плетень скрылся подъ густой сѣткой темно-синихъ и лиловыхъ вьюнковъ. Нѣсколько разъ Алина останавливалась. Великолѣпные, блестящіе ужи, чуть-чуть шевеля головками и язычкомъ, грѣлись на лопухахъ. При шорохѣ ея шаговъ они соскальзывали въ траву и исчезали, задѣвая былинки. Хотѣлось взять въ руки чудесныхъ, ярко-зеленыхъ ящерицъ, до того они выглядѣли нарядными и милыми. Маленькія птички порхали, щебетали, дрались и любили другъ друга въ кустарникахъ.

Около высокаго креста Алина сѣла.

Это былъ пунктъ, съ котораго имѣніе Шеміота виднѣлось, какъ на картѣ.

Крыша дома среди зелени напоминала красную черепаху; экономія за садомъ примыкала къ влажному, свѣжему лугу, а далѣе шла хорошо выбитая дорога. Рѣка, темно-синяя по серединѣ, къ берегамъ становилась мутно-желтой. Спуститься къ ней по крутизнѣ казалось очень труднымъ, а деревья, растущія въ оврагахъ, уменьшались до размѣра обыкновенныхъ кустовъ. Алина была довольна. Она подозрѣвала, что у Шеміота, такое крупное, хорошее имѣніе. Онъ говорилъ о немъ съ небрежнымъ видомъ, словно о глухой и заброшенной деревушкѣ. Алина инстинктивно ненавидѣла бѣдность, какъ безобразіе, зависимость, нечистоплотность. Часто она опасалась, не была ли нерѣшительность Шеміота, слѣдствіемъ его денежнаго неравенства съ нею. Но теперь она успокоилась.

Странный крикъ, похожій на расщепленіе дерева, заставилъ ее оглянуться.

Маленькій осликъ пробирался среди кукурузнаго поля, шевеля длинными ушами и смотря удивленно на Алину своими черными бархатными глазами. Боже, до чего онъ былъ трогателенъ! Алина поднялась и пошла къ нему съ намѣреніемъ обнять и расцѣловать это смиренное животное. Но осликъ не спѣша повернулъ наискось, не желая подвергать себя опасности. Черезъ нѣсколько шаговъ онъ остановился и завопилъ отъ радости, спугнувъ птичекъ. Алина пошла обратно.

Около дома она встрѣтила Шеміота. Онъ разговаривалъ съ крестьяниномъ, но его жесты, наклонъ головы оставались такими же чопорными, по старомодному, вѣжливыми, какъ и въ гостиной.

— Доброе утро, Алина... вы чудесно выглядите.

Она покраснѣла, удерживая себя отъ желанія опустить глаза.

— Благодарю васъ. Я спала, какъ убитая.

— Я въ вашемъ распоряженіи только до завтрака, дорогая... потомъ займитесь, чѣмъ-нибудь сами... Я запираюсь въ кабинетѣ и работаю.

— Я охотно посидѣла бы около васъ.

— Будьте благоразумны. У насъ еще много времени.

Ей захотѣлось уколоть его.

— Я уѣду сегодня::: съ ночнымъ поѣздомъ...

— Конечно.

Онъ остался совершенно неуязвимымъ.

За завтракомъ, между бульономъ и фаршированнымъ цыпленкомъ, онъ прочелъ ей маленькую лекцію о «женскомъ вопросѣ»,—какъ онъ его понималъ. Онъ вовсе не противъ эмансипаціи (смѣшное, старое слово!) онъ менѣе, чѣмъ кто-либо хочетъ запереть ей двери въ парламентъ, на каѳедру профессора или отказать ей въ званіи полководца. Наоборотъ. Чѣмъ энергичнѣе, тоньше, умнѣе женщина, тѣмъ больше наслажденія дастъ она мужчинѣ. Но совершенства она должна достигать съ его помощью и даже черезъ него, въ немъ. Къ мужчинѣ, какъ къ солнцу, она всегда должна тянуться. Если женщина любитъ, пусть она удвоенно обострить свои умственныя, духовныя и физическія достоинства. Она обязана заслужить права на любовь мужчины. Онъ говоритъ, разумѣется, не о тѣхъ несчастныхъ, которыя любовь считаютъ синонимомъ гигіены. Между прочимъ, онъ допускаетъ, разрѣшаетъ и понимаетъ типъ женщины невѣрующей. Религію—она замѣнитъ любовью, мужчину—сдѣлаетъ богомъ и властелиномъ. Мужчины отъ этого мало проиграютъ.

Алина смутилась.

Она понимала, что за всѣми его небрежными фразами скрывается нѣчто особенно близко, интимно касающееся ее самое.

Когда онъ заперся въ кабинетѣ, она ушла къ себѣ, возненавидѣла солнце, небо, чужую усадьбу и пролежала на постели, какъ мѣшокъ съ картофелемъ.

Въ четыре часа Франуся принесла ей чай, фрукты, аѳекты.

— У барышни голова болитъ?

— Немного.

— Барышнѣ было бы лучше выйти на воздухъ.

— Она права,— раздраженно подумала Алина,— это похоже на то, что я сижу въ заточеніи...

Она сейчасъ же отправилась изучать цвѣтники, съ робкой надеждой увидѣть Шеміота. Жалюзи его оконъ были спущены. Отъ цвѣтовъ шелъ болѣе сильный ароматъ, чѣмъ утромъ. Тюльпаны, прежде только полуоткрытые, теперь зіяли, какъ рана. У нея увеличилась тоска. Снова она вернулась въ комнату. Этотъ день измучилъ ее, казался безконечнымъ. Когда ее попросили обѣдать, ей уже было все рано, такъ она загрустила. Обѣдъ накрыли на верандѣ, очень городской обѣдъ, съ чашками воды для умыванія рукъ, съ семью блюдами, зеленью, шампанскимъ.

Шеміотъ выглядѣлъ озабоченнымъ. Онъ безпрестанно говорилъ о томъ, какъ должна страдать Клара въ госпиталѣ и удивлялся, почему Алина не навѣстила ее.

Она прямо посмотрѣла ему въ глаза.

— Мы не дружны съ Кларой...:

— Почему?

— О... самая вульгарная причина... ревность:...

— Вы правы, Алина. Это очень вульгарно.

Неожиданно онъ вынулъ изъ бокового кармана и передалъ ей маленькую книжечку въ зеленой кожѣ съ вензелемъ цвѣтного золота.

Она взяла и перелистала, блѣднѣя. Она думала, что найдетъ тамъ таинственные адреса или умышленно забытое письмо какой-нибудь женщины.

Въ зеленой книжечкѣ Шеміотъ записалъ все, что ему не нравилось въ Алинѣ,—ея неудачные жесты и выраженія, ея легкомысліе, чисто животное спокойствіе, равнодушіе ко всему, что не касалось ее и т. д. Подъ послѣднимъ числомъ тамъ стояло:— «она не навѣстила больную Клару». Алина была потрясена. Слезы выступили у нея,— крупныя и яркія. Какъ онъ заботился о ней. Какъ онъ думалъ...

Трогательнымъ жестомъ, словно цѣлуя молитвенникъ, она поцѣловала эти странички.

Не переставая улыбаться глазами, Шеміотъ журилъ ее. Да, она поступила легкомысленно... Она влюбилась— это простительно... Она созналась ему... первая... безъ его желанія—это уже почти что дурно... Теперь она пріѣхала въ имѣніе... Ахъ, какая дѣвическая неосторожность... Она губитъ свою репутацію черезчуръ легко... онъ не выноситъ женщинъ съ двусмысленнымъ поведеніемъ. И, наконецъ, главное, она врывается въ его жизнь, не спрашиваясь... она настойчива въ своей любви къ нему, но онъ не любитъ настойчивыхъ... онъ не далъ ей права преслѣдовать его. Она отрываетъ его отъ дѣла, отъ книгъ, отъ его привычекъ, она прямо таки назойлива. Можно сказать и подумать, что она хочетъ женить его на себѣ... Боже, онъ не позволитъ ничего подобнаго...

И онъ думалъ, замѣчая, какъ Алина подавлена.

— Ея внушаемость поразительна.

Онъ добавилъ, накладывая мороженаго, что Алина не заслужила еще любви. За кого она считаетъ его?.. Многое въ ней не нравится ему... ей необходимо измѣниться, она — ребенокъ, который нуждается въ строгомъ руководствѣ.

— Это правда,—шепнула Алина, сраженная его словами, чувствуя всю его правоту, умирая отъ раскаянія,— это правда... вы поможете мнѣ исправиться.

Онъ сказалъ задумчиво.

— Если бы вы попали въ монастырь, вы бы стали святою; если бы вы жили во времена Сафо, вы бы служили Афродитѣ, какъ Билитисъ. А теперь я не знаю, что изъ васъ получится, Алина...

Послѣ обѣда онъ повелъ ее осматривать усадьбу другой дорогой, но то же усаженной акаціями. Когда встрѣчались рабочіе, онъ кланялся имъ съ вѣжливостью равнаго.

Алина внимательно разглядывала кукурузное поле, постройки, большой квадратъ гумна, поросшій свѣжей невысокой травою. Солнце уже сѣло. Лиловый оттѣнокъ примѣшался къ синевѣ тѣней. Гдѣ-то снова кричалъ осликъ.

Они поднялись въ гору. Около креста Шеміотъ разостлалъ плащъ. Алина сѣла. Они долго смотрѣли на рѣку и деревья.

— А вотъ и орелъ,—сказалъ Шеміотъ.

Птица дѣлала сначала маленькіе круги, потомъ все шире и шире, поднималась все выше, выше и, наконецъ, слилась съ небомъ.

— Какой воздухъ!

— Какой воздухъ!

Онъ снялъ свою бархатную шапочку. У нея явилось огромное искушеніе поцѣловать его сіяющій лобъ и пушистые волосы. Она почувствовала, что никого, никогда не полюбитъ такъ, какъ Шеміота и не нужно протестовать или бороться, а принять эту любовь и смириться.

Вечеромъ того же дня она уѣхала обратно въ городъ.

Въ домѣ все было благополучно. Войцѣхова разсказала, что Христина вчера долго сидѣла въ саду. Молодой г. Шеміотъ справлялся по телефону о барышнѣ. Женскимъ инстинктомъ Войцѣхова угадала, куда ѣздила Алина.

Съ невиннымъ видомъ она спросила.

— Барышня все-таки рѣшила выйти замужъ за г. Шеміота?

И на возмущенный окрикъ Алины, она бормотала. Сердце Іисуса... Быршнѣ теперь не угодишь..: Почему бы барышнѣ и не выйти замужъ, въ самомъ дѣлѣ?..

Алина прогнала ее и пролила потоки слезъ. Нѣсколько дней она не давала знать о своемъ пріѣздѣ Христинѣ. Ея самолюбіе страдало. Однажды, Войцѣхова взволнованно доложила о приходѣ господъ Оскерко.

Христина стояла по серединѣ гостиной съ видомъ мало знакомой дамы. Она осунулась, пожелтѣла и плотно сжимала губы. Витольдъ разсматривалъ альбомы.

— Боже, съ какихъ поръ вы такъ церемонитесь со мной?

— Извини... мы не знали, одна ли ты.

— Но съ кѣмъ же я могла быть?...

Всѣ втроемъ они сидѣли на террассѣ, пили чай и говорили о пустякахъ. Въ саду Щурекъ починялъ скамейку и Витольдъ, вдругъ, сорвался съ мѣста и пошелъ давать ему указанія.

Христина начала изводить подругу.

— Какъ, ты проводишь день и ночь съ Шеміотомъ... И ты хочешь увѣрить меня, что вы вели себя ангелами... Я еще не рехнулась, Алина.

— Но я не лгу, дорогая...

— Онъ женится на тебѣ?

— Я не знаю.

— Какъ?.. ты ошалѣла?.. ты не знаешь?...

— Нѣтъ... нѣтъ... не мучь меня, Христина:::

— И что будетъ дальше?

— Не знаю.

Это чудовищно. Я предсказываю тебѣ... Шеміотъ готовитъ тебя на роль Клары...

Желая перемѣнить разговоръ, Алина спросила ее о Бруно. Какъ живетъ маленькій? Почему она не привела его съ собою? Христина сдѣлала скучающее лицо. Бруно гоститъ теперь у доктора Мирскаго. Тотъ очень любитъ

мальчика. Онъ находитъ, что Бруно—великолѣпный экземпляръ вырожденія. Изъ него можетъ получиться и геній, и безумецъ. Потомъ Христина нагнулась и поцѣловала шарфъ Алины. Та разсердилась встала и пошла къ Витольду. Щурекъ жаловался на новое мѣсто. Замѣтивъ приближеніе барышни, онъ напустилъ на себя еще большее неудовольствіе. Да, г. Шеміотъ умѣлъ цѣнить его... а здѣсь Войцѣхова перегрызаетъ ему горло, кухарка заставляетъ выливать помои Алина прогнала изъ сада Щурека и ласково взяла Витольда подъ руку.

— Щурекъ правъ... Войцѣхова стала невыносима. Она шпіонитъ за мною, бьетъ маленькую судомойку... Я рада была бы отдѣлаться отъ Войцѣховой.

Витольдъ разсѣянно перебиралъ ея пальчики. Онъ относился къ Алинѣ очень сочувственно. Однако, для него она не была женщиной. Онъ любилъ маленькихъ, плоскихъ, злыхъ, растрепанныхъ, похожихъ на мальчишекъ, и дѣлалъ исключеніе только для Мисси Потоцкой, которую упорно обольщалъ второй годъ. Онъ хотѣлъ жениться на Потоцкой, считая ея идеальной женой для свѣтскаго человѣка, но въ то же время, его смущали совѣты Христины. Онъ твердо вѣрилъ въ практическій умъ сестры. Жениться на Алинѣ? Почему нѣтъ? А, вдругъ, это судьба... Потоцкая была бѣдна, Алина богата.

Онъ спросилъ Рущукъ интимнымъ тономъ.

— Почему вы не сложите съ себя будничныхъ заботъ?

— Какимъ образомъ?

— Найдите себѣ мужа.

Она принужденно разсмѣялась. Развѣ легко?

Онъ понизилъ голосъ.

— Я давно догадался о вашихъ чувствахъ къ Шеміоту. Скажите это серьезно?

Она была счастлива говорить о Шеміотѣ. Витольдъ слушалъ ее съ изумленіемъ. Она казалась ему эксцентричной. Въ свою очередь, онъ подѣлился планами на счетъ Мисси Потоцкой. Они шли вглубь, тѣсно прижавшись другъ къ другу, каждый жалуясь на свою судьбу.

— Почему вы такъ рѣдко заходите ко мнѣ?—воскликнула она, наконецъ, растроганная.—Я васъ считаю своимъ братомъ.

— Не замѣчаешь, какъ погрязаешь въ суетѣ,—вздохнулъ онъ.

Потомъ Витольдъ началъ осуждать сестру. Зачѣмъ Христинѣ понадобилось мучить Юлія Шеміота? Онъ блестящая партія для Христины. Конечно, Витольдъ хорошо знаетъ свои братскія обязанности, но Христина не сносна и устраиваетъ въ домѣ адъ. Если Юлію надоѣстъ эта комедія, онъ, Витольдъ, не удивится...

Христинѣ надоѣло ждать ихъ. Она окликнула брата злымъ тономъ и сейчасъ же простилась. Алина осталась сидѣть на каменной скамьѣ. Какая-то птица томилась въ кустахъ. Разгоряченная, разговоромъ о Шеміотѣ, Алина прикрывала глаза. Ей казалось, что онъ осторожно и медленно цѣлуетъ ее въ губы...

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Дождь лилъ, не переставая. Веранду заперли, ибо вода протекала въ комнаты. Удивительно, какъ деревья сада не уставали качаться, сгибаться и кланяться землѣ. Алина полулежала, кутаясь въ горностаевый палантинъ, испытывая непобѣдимое желаніе плакать. Мысли ея, какъ всегда возвращались къ Шеміоту и Кларѣ. Печальныя новости. Клара была при смерти. Вчера Юлій сообщилъ Алинѣ, что онъ вызвалъ отца. Даже къ умирающей Алина терзалась ревностью. Останется ли Генрихъ около больной неотлучно или навѣститъ Алину?

Она напрасно ждала его всю недѣлю.

Такъ какъ не прекращался и каждый день проходилъ одинаково, время слилось для Алины. Изъ смутнаго стыда, изъ смутнаго ожиданія катастрофы она не добивалась новостей изъ лѣчебницы св. Винцента. Однажды, Войцѣхова доложила, скандализированная.

— Г. Шеміотъ спрашиваетъ барышню.

Въ глазахъ Алины зарябило.

— Какъ, ты оставила его внизу? ты должна была просить его сюда... ко мнѣ.

Войцѣхова пожала плечами. Она ворчала язвительно

Г. Шеміотъ и самъ найдетъ дорогу, не впервые...

Шеміотъ съ большой нѣжностью поцѣловалъ руку Алины.

— Простите мой нежданный визитъ... я даже не предупредилъ васъ по телефону... я очень сконфуженъ.

Она пролепетала.

— Наконецъ то... я рѣшила, что вы уѣхали.

Онъ сказалъ просто.

— Умерла Клара. Я весь еще подъ этимъ впечатлѣніемъ. Я не ждалъ такой скорой развязки...

Пораженная, она искала въ его глазахъ намека на душевную муку. Ее не было.

У Алины полились слезы, не то облегченія, не то горя.

— Умерла... Какой ужасъ... Когда ее хоронятъ?..

— О... но ее уже похоронили..: вчера утромъ.:: развѣ не читаете газетъ?..

Правда, послѣдніе дни она не читала газетъ. И она разсердилась. Почему же ей не дали знать? Она бы хотя цвѣтовъ привезла на могилу...

— Вы меня смѣшите, Алина... вы не навѣщали покойную въ лѣчебницѣ при жизни, такъ что вамъ до ея похоронъ?..

Сконфуженная, она продолжала плакать. Шеміотъ разсказывалъ подробности. Къ несчастію, трупъ весь изрѣзали... Ахъ, эти палачи... эти хирурги:.: покойная начала сейчасъ же разлагаться... Хорошо еще, что погода стояла холодная... въ имѣніи дороги размыты, ему пришлось ѣхать пароходомъ... Тотъ застрялъ на мели..: едва не было серьезной опасности... Такая скука въ деревнѣ. что онъ даже обрадовался городу.

Алина вытерла слезы. Она успокоилась и не хотѣла лгать себѣ. Да, смерть Клары явилась огромнымъ и нежданнымъ облегченіемъ. Она боялась теперь одного, не слишкомъ ли страдаетъ Шеміотъ? Конечно, онъ долженъ терзаться сожалѣніями, воспоминаніями, вѣдь все же, по слухамъ, онъ былъ близокъ къ покойной... Ахъ, не нужно его оставлять одного...

Она робко протянула руки.

— Возьмите меня съ собою... умоляю васъ...

— Куда? въ имѣніе?.. но это безуміе... что вамъ вздумалось.

Она молчала.

— Вы скомпрометировали себя, Алина, уже въ первый разъ... васъ замѣтили на станціи... о васъ болтала дворня... А, теперь, когда Клара только что умерла...— Нѣтъ..: нѣтъ...

— Но мнѣ безралично, что скажутъ на вашей станціи,—возмутилась она,—все равно... я хочу быть около васъ въ такія минуты.

— Какія минуты, Алина?.. вы сентиментальны... стыдитесь, я умѣю переносить непріятности.

Виду его спокойнымъ, обычнымъ, она тоже улыбнулась. Да, конечно, онъ мужчина...

Шеміотъ остался завтракать, внутреннно забавляясь растерянностью Алины. Теперь она будетъ ломать голову надъ вопросомъ, почему онъ не хочетъ ни жениться, ни сблизиться съ нею...

Войцѣхова умышленно медленнно служила имъ. Чтобы не звонить ей, Алина вставала и брала нужное съ серванта. Отъ ливня въ столовой были сумерки, блестѣла только стальная обшивка мебели и хрусталь на столѣ.

Шеміотъ спросилъ о Христинѣ. Какъ она и что? Она по-прежнему внушаетъ къ нему глубокую антипатію, но, если Юлій потерялъ голову, пусть беретъ ее въ жены,— онъ мѣшать сыну не станетъ. Для него важнѣе сохранить его привязанность и уваженіе. Послѣ дессерта они перешли въ кабинетъ.

— Помните весну, Алина?.. мы здѣсь сидѣли очень дружно... вы разсказывали мнѣ о своемъ дѣтствѣ.. и была гроза...

Она схватила его руки и покрыла ихъ поцѣлуями.

— Помню ли я...—помню ли я...

Онъ отнулъ руки, отступая, чуть-чуть манерный, мгновенно молодѣя.

— Успокойтесь, Алина... вы мнѣ льстите... я старъ:..

Она говорила, говорила... о любви, о тоскѣ, о томъ, что нужно что-то выяснить между ними, что-то объяснить, чему то положить конецъ... И все сводилось, къ тому, какъ ей хочется поѣхать къ нему въ имѣніе...

Лицо Шеміота было непроницаемо. Но онъ внимательно смотрѣлъ на Алину. Она ему нравилась сегодня гораздо болѣе, чѣмъ обычно. На ней было простое платье, дымчатое либерти, вышитое бѣлымъ стеклярусомъ, плечи, грудь,

рукава изъ бѣлаго шифона. Она надѣла только нитку жемчуга, не крупнаго, но ровнаго, розоваго, который казался Шеміоту теплымъ.

Такъ какъ онъ молчалъ, Алина совсѣмъ потерялась. У нея вырвалось:

— Побраните меня... я безумна..: я смѣшна:.. побраните меня...

Онъ замѣтилъ холодно.

— Вы заслуживаете строгаго выговора, это правда... вы ведете себя эксцентрично... почти истерично... я прямо таки непріятно пораженъ... Я настойчиво предлагаю вамъ подумать о вашемъ поведеніи, Алина... Иначе...

Онъ помедлилъ.

— Иначе?—переспросила она шепотомъ.

— Иначе я накажу васъ,—отвѣтилъ Шеміотъ.

Онъ даже удивился эффекту своихъ словъ.

Изъ блѣдной она сдѣлалась пунцовой, изъ пунцовой снова блѣдной и не поднимала на него глазъ. Послѣ паузы онъ продолжалъ:

— Кто наказываетъ, тотъ любитъ. Это аксіома. Вы мнѣ дороги, Алина... я забочусь о васъ..: я не допущу, что бы вы сами себѣ коверкали жизнь... Развѣ я не вашъ другъ?.. я готовъ прибѣгнуть къ самымъ суровымъ мѣрамъ, но я не позволю вамъ быть смѣшной, жалкой женщиной. Повторяю, еще одна выходка... и я накажу васъ...

— Простите меня... простите...

— Сегодня я прощаю... послѣдній разъ..:

И онъ торопливо удалился, не желая ослабить впечатлѣніе этой сцены. Алина еле дотащилась до дивана. Она бросилась ничкомъ и спрятала лицо въ шелковую подушку, оборки которой кололи ея щеки. Стыдъ сжигалъ ее. Онъ сказалъ ей ясно—«иначе я накажу васъ»...—Онъ сказалъ, какъ человѣкъ, который знаетъ, что говоритъ и дѣлаетъ.

— Иначе я накажу васъ.

Крошечный эпизодъ изъ ея дѣтства всплылъ передъ нею. Однажды, по случаю дурной погоды, ее не пустили гулять, а отослали играть въ залъ. Онъ былъ огромный, прохладный и торжественный, съ круглой эстрадой изъ свѣтлаго дерева, съ высокими зеркалами и столиками изъ драгоцѣнной мозаики. Здѣсь же на большой картинѣ им-

ператрица Марія-Луиза обнимала маленькаго Римскаго Короля. Оставшись одна, Алина стремительно закружилась по паркету, на который легъ тончайшій слой пыли, посмотрѣлась въ каждое зеркало по очереди, и удивилась тоненькой дѣвочкѣ съ синими глазами и поясомъ подъ грудью. Потомъ она бросилась ничкомъ на медвѣжью шкуру, декламируя стихи и посылая воздушные поцѣлуи въ пространство. Но сейчасъ же она вскочила, какъ ужаленная, съ бьющимся сердцемъ. Она вспомнила, что въ такой же позѣ она лежитъ на кушеткѣ миссъ Уиттонъ. Она закричала, она заплакала, она согнулась отъ щекотанія въ своемъ тѣлѣ.

Теперь взрослая Алина, думая о томъ, что Шеміотъ пригрозилъ ей наказаніемъ, также согнулась, затрепетала и заплакала.

Послѣдующіе дни Алина переживала отчаяніе. Она не выходила изъ спальни, не одѣвалась, не причесывалась, вынула штепсэль телефона, запретила принимать Христину. Она только теперь поняла, до какой степени тайно ждала смерти Клары. Но вотъ эта несчастная умерла и ничто не измѣнилось. Шеміотъ живетъ въ имѣніи. Юлій ухаживаетъ за Христиной. Витольдъ бредитъ Потоцкой. А, она, Алина, она плачетъ днемъ и ночью.

Какъ-то разъ совсѣмъ неожиданно Войцѣхова доложила черезъ запертую дверь, что Шурекъ требуетъ расчета. Г. Шеміотъ снова въ городѣ, и Шурекъ хочетъ проситься къ нему обратно:

— Прогоните этого идіота,—закричала Алина въ неистовствѣ.

До вечера она вздрагивала при каждомъ звонкѣ.

Она ждала Шеміота.

Онъ не пріѣхалъ.

Она спросила по телефону. Голосъ Щурека отвѣтилъ насмѣшливо, что баринъ въ имѣніи. На другой день, блѣдная, какъ полотно, съ судорогой въ горлѣ, она вышла изъ дому.

Она не помнила, какъ очутилась на главной улицѣ широкой, нарядной, съ зеркальными витринами, правиль-

ныхъ аллей подрѣзанныхъ акацій. Здѣсь былъ сквэръ—круглая площадка, фонтанъ, цвѣтники, скамейки. Няни катили колясочки, или вели за руку болѣе взрослыхъ дѣтей. Въ глубинѣ грибомъ выросъ павильонъ, гдѣ продавали мороженое, кофе, шоколадъ. На Алину оглядывались. Все на ней было бѣлое—маленькая соломенная шляпа съ бутонами, шелковый, развѣвающійся плащъ, платье, перчатки, башмачки, мягкіе какъ замша, сумочка на тоненькой серебряной цѣпочкѣ и, наконецъ, жемчугъ, который она прикрыла вуалью. Мимо нея катились экипажи, велосипеды. Густая зелень, все еще яркая, куски неба между нею, какъ голубой шелкъ, и сверканіе фонтана на солнцѣ, придавали этому уголку видъ театральной дэкораціи. Около тротуара на длинныхъ столахъ торговки выставили глиняные кувшины съ розами, левкоями, гвоздиками и листьями папортника.

Алина, вдругъ, остановилась.

— Что со мною?.. Вѣдь Христина живетъ совсѣмъ въ другой сторонѣ города...

Въ домѣ Оскерко она застала полотеровъ. Они двигая мебель низко кланялись этой красивой, нарядной, смертельно-блѣдной дамѣ. Гдѣ-то звенѣли ножами и тарелками, накрывали завтракъ. Горничная прибѣжала сказать, что барышня вышла въ магазины.

Алина постучалась къ Витольду. Витольдъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, защищенный книгами. Передъ нимъ стоялъ стаканъ молока и онъ разсѣянно, по-дѣтски опускалъ туда длинный сухарь, все время не отрываясь отъ чтенія.

Онъ произнесъ, не поднимая головы, увѣренный, что передъ нимъ стоитъ горничная.

— Вы отпустили полотеровъ?

Она отвѣтила медленно и нѣжно.

— Нѣтъ еще, баринъ...

Витольдъ вскинулъ глаза и разсмѣялся. Онъ расцѣловалъ ручки Алины. Какъ она мило поступила, навѣстивъ ихъ...

Бросившись въ кресло, она изливалась въ жалобахъ на пустоту ея жизни. Онъ поддакивалъ, думая:

— Насъ разберетъ Христина. Я начинаю не понимать Алину... вѣдь она была влюблена въ Шэміота безъ

памяти... или она уже остыла къ нему? теперь она льнетъ ко мнѣ... я боюсь потерять Потоцкую... Ахъ, эти дѣвушки въ 28 лѣтъ...

Пришла Христина. Подруги обнялись. Съ того дня Алина почти не разставалась съ Оскерко.

Втроемъ они совершали прогулки за городъ, посѣщали маленькіе театры, часто ѣздили въ ресторанъ, который стоялъ надъ самымъ моремъ и пользовался двусмысленной репутаціей. Здѣсь они ѣли устрицы, поданныя на блюдѣ сомнительной чистоты, пили очень плохое шампанское, и оставались голодны, ибо всѣ кушанья изготовлялись на кокосовомъ маслѣ. Когда Алина и Христина проходили мимо столиковъ, мужчины смотрѣли на нихъ съ восхищеніемъ. Витольдъ чувствовалъ себя польщеннымъ. Съ террассы виднѣлись купальни. Нѣкоторые мужчины отплывали на лодкахъ и потомъ бросались въ море. Они не носили костюмовъ. Алина со страхомъ смотрѣла на этихъ Адонисовъ, которые продѣлывали различные антраша въ синей пучинѣ. Христина вырывала у нея бинокль, бормоча—«какъ тебѣ не стыдно». Отсюда море казалось совсѣмъ не опаснымъ. Порою сновали яхты частныхъ лицъ, убранныя флагами, съ пѣніемъ и музыкой. Самое красивое, по мнѣнію Алины, были паруса,—одинокіе, загадочные паруса, уплывавшіе къ горизонту. Потомъ во всѣхъ этихъ увеселительныхъ прогулкахъ, въ этихъ не совсѣмъ чистыхъ удовольствіяхъ началъ принимать участіе молодой Шеміотъ. Онъ, по прежнему, ходилъ по пятамъ Христины. Алина, впрочемъ, иногда ловила его взглядъ, дружелюбный и смѣющійся. Онъ порой говорилъ ей смѣлые комплименты.

— Если бы васъ услышалъ отецъ...

— Онъ бы узналъ меня...

— Развѣ онъ не строгъ къ вамъ?..

— Ничуть. Онъ строгъ только къ женщинамъ.

Алина вспыхнула:

— Вы со всѣми такъ дерзки?

— Нѣтъ. Съ красивыми.

— Было время, когда вы не находили меня красивой...

— Я считалъ васъ черезчуръ невинной.

Она грустно улыбнулась.

Они смолкли и слушали музыку. Это былъ очередной симфоническій концертъ въ городскомъ открытомъ театрѣ. Бѣлыя полосы луннаго свѣта, пробиваясь сквозь листья, ложились на колѣни Алины. Она прикрывала глаза, чтобы слушать нѣжный шопотъ Юлія... потомъ она посмотрѣла на него. Сейчасъ онъ напоминалъ ей Генриха. У нея вырвалось противъ воли:

— Я написала множество писемъ вашему отцу. Ни на одно онъ не отвѣтилъ.

Юлій возразилъ насмѣшливо.

— Онъ тоскуетъ по Кларѣ...

И сейчасъ же испугавшись эффекта своихъ словъ.

— Отецъ ненавидитъ переписку. Почему вы просто не поѣдете къ нему?..

— Я... Что вы...

Она притворилась оскорбленной. Юлій сознался, что знаетъ о ея первомъ пріѣздѣ въ имѣніе. Ему сказали, и на станціи, и въ экономіи, конечно... Но онъ не винитъ Алину... Что же тутъ особеннаго?.. Она любитъ его отца. Онъ нѣжно клялся ей въ преданности.

— Поѣдемте вмѣстѣ... отецъ будетъ радъ.

Онъ приставалъ съ этимъ предложеніемъ цѣлый вечеръ, не давая Алинѣ слушать музыку и сильно интригуя Христину, сидѣвшую въ другомъ ряду. Алина затосковала. Они вышли...

— Какъ жарко,—бормотала Алина.

И черезъ минуту.

— Дайте мнѣ накидку, мнѣ холодно...

Они ѣли мороженое возлѣ мраморнаго столика въ павильонѣ. Юлій жаловался. Онъ несчастенъ, онъ несчастенъ... Христина груба съ нимъ. Потомъ неожиданно:

— Мой отецъ будетъ мучить васъ, Алина, такъ же какъ и Клару. Когда вы наскучите ему...

— Молчите... молчите...

И снова въ ту ночь она не сомкнула глазъ. Алина продолжала веселиться весь августъ. Она добросовѣстно хотѣла забыть Генриха Шэміота. Она безпрерывно наряжалась, сервировала дорогіе ужины, украшала столы цвѣтами. Въ день своего рожденія—пятнадцаго сентября,—она раздала прислугѣ цѣнные подарки, убрала садъ фонариками, а домъ бѣлыми розами, и все это для того, что-

бы на другой день бродить съ мрачнымъ видомъ нищенки.

Однажды Витольдъ повезъ ее въ оперетку. Оттуда они вернулись около полуночи. Алина умирала отъ усталости, однако, упросила его зайти къ ней.

— Какъ, сейчасъ?.. Развѣ не поздно?..

— Нѣтъ, не поздно...

— А что сказалъ бы вашъ старикъ?—легкомысленно спросилъ Витольдъ.

Старикъ... Алинѣ показалось, будто Витольдъ ударилъ ее по лицу. Настроеніе ея сразу упало. Войцѣхова открыла дверь. Она сейчасъ же демонстративно ушла, считая барышню погибшей.

Алина провела Витольда въ маленькую, круглую гостиную — розовато-желтую, жеманную и легкомысленную, гдѣ было четыре зеркала, какъ въ фонарѣ. Дорогой фарфоръ пряталея въ пузатые шкапчики Людовика XV и улыбающіяся маркизы на картинахъ ласкали своихъ левретокъ длинными, выхоленными пальцами. На розовомъ коврѣ пастушка слушала свирѣль Пана.

Алина достала ликеръ, бисквиты. Она выставила свою ножку и тѣшилась ролью соблазнительницы. Витольдъ колебался. Онъ не зналъ, какъ вести себя. Впрочемъ, завтра онъ пришлетъ сюда Христину. Если Алина откажетъ ему, онъ можетъ съ чистой совѣстью вернуться къ Мисси Потоцкой. Онъ плыветъ по теченію. Но нужно ли противиться своей судьбѣ?

Въ ту же минуту Алина думала съ горечью.

— Генрихъ, Генрихъ, вы толкаете меня на паденіе.

Какія еще новыя униженія готовите вы мнѣ?

Наконецъ, Витольдъ ушелъ.

Алина осталась въ гостиной. Что она дѣлаетъ? Глупость за глупостью. Флиртуетъ съ Витольдомъ, флиртуетъ съ Юліемъ, бѣгаетъ по ресторанамъ, какъ дѣвка. Вины ея неисчислимы.

Безпорядочно проведенный вечеръ, выпитый ликеръ, духота гостиной, раскаленной еще до сихъ поръ отъ дневного солнца, неудовлетворенная любовь, неудовлетворенныя желанія, привели ее въ странное, сонамбулическое состояніе. Она не хотѣла двигаться. Ей казалось, что пройти въ спальню страшно далеко, цѣлое путешествіе, это—пройти въ спальню. И она продолжала полулежать, думая о сво-

ихъ винахъ передъ Шеміотомъ. Почему она должна огорчать того, кого она любитъ больше всего на свѣтѣ? Почему она такая ничтожная и дурная?

Она заснула вся въ слезахъ, не потушивъ электричества, поджавъ ноги въ самой неудобной позѣ на диванчикѣ Людовика XV. Но и во снѣ тоска, раскаяніе, жажда наказанія продолжали мучить ее. Она видѣла себя двочкой, послушно стоящей въ комнатѣ миссъ Уиттонъ, гдѣ вся мебель, портьеры, обои и даже ассирійскія вазы пылали желтыми оттѣнками. Миссъ Уиттонъ, облокотившись на рояль, говоритъ вѣжливо, не повышая голоса, чуть чуть улыбаясь.

— Вы дерзки и разсѣянны, Алина... вы горды и любопытны, вы—лгунья и лакомка. Ваши локоны спутаны, ваше платье смято. Я не потерплю, чтобы вы смотрѣли на меня такъ угрюмо... А, вы плачете?.. вы раскаиваетесь? вы обѣщаете слушаться?.. Теперь это не поможетъ. Ляжте на кушетку, однако...

И стыдъ, и покорность, и боль, и блаженство наказанія, и радость прощенія.

Алина проснулась.

Она поднялась смущенная, точно оторванная изъ объятій любовника, потушила электричество и пошла въ спальню. На мраморныхъ часикахъ, стиля ампиръ, стрѣлка стояла: безъ пяти минутъ четыре.

Христина застала Алину еще въ постели.

— Вотъ и отлично. У меня къ тебѣ дѣло.

— Дѣло?.. въ такую рань?..

— Да.

— Говори, но я не открою глазъ.

Очень недовольная, Алина укуталась въ одѣяло.

— Глаза закрой, пожалуй... мнѣ нужны твои уши... Мой братъ, инженеръ и дворянинъ, Витольдъ Оскерко, дѣлаетъ тебѣ предложеніе...

— Святая Марія...

Отъ изумленія Алина сѣла и ея сонъ прошелъ мгновенно. Христина отвела взглядъ отъ ея обнажившейся, крѣпкой груди, отъ пышныхъ плечъ, на которыя сквозь

стр 51 после стр 60

гвоздики, увядшихъ безъ воды на кругломъ пуфѣ среди искусственныхъ цвѣтовъ шелковой ткани. И горностаевый палантинъ, и бѣлая, длинная перчатка Алины, сохранившая форму ея длинныхъ пальцевъ. Алина улыбнулась, качая головой... Она была безумна вчера. Развѣ она хоть сколько-нибудь любитъ Витольда?.. Какъ она смѣетъ распорядиться собою безъ вѣдома Шеміота?

Она позвонила. Пришла Войцѣхова.

— Почему вы не убрали здѣсь?.. Это безпорядокъ...

Войцѣхова отвѣчала дерзко. Она не могла знать, что барышня встанетъ ни свѣтъ, ни заря... а вчера барышня сидѣла съ г. Оскерко. Она не посмѣла входить...

Алина перебила служанку очень кротко.

— Я выхожу замужъ, Войцѣхова...

Старуха ахнула и бросилась цѣловать руки Алины.

— Сердце Іисуса... дай Боже счастья и здоровья барышнѣ, и радости и любви... Барышня выходитъ замужъ за г. Шеміота?

Алина нервно засмѣялась. Нѣтъ... Войцѣхова ошибается... Она выходитъ за г. Оскерко.

Наслаждаясь недрумѣніемъ старухи, Алина серьезнымъ тономъ просила Войцѣхову о скромности. Войцѣхова клялась, что скорѣе откуситъ себѣ языкъ, чѣмъ скажетъ хоть слово. Потомъ она почти побѣжала въ кухню и оповѣстила всѣхъ, что барышня выходитъ замужъ за г. Оскерко и свадьба назначена черезъ мѣсяцъ.

Весь домъ сплетничалъ, покуда Алина и Христина сидѣли въ саду въ ожиданіи Витольда къ завтраку. Христина размечталась вслухъ, неосторожно открывая свою мелкую, завистливую душу. Алина не мѣшала ей строить воздушные замки,—поѣздку за границу, совмѣстную жизнь около озера Комо или гдѣ-нибудь во Флоренціи, ...

.....

.....

.....

и другія, болѣе или менѣе фантастическія желанія.

Алина думала, безпечно занятая составленіемъ букэта.

— Я готовлю Христинѣ огромное разочарованіе, если Шеміотъ запретитъ мнѣ бракъ съ Витольдомъ. Почему эта мысль доставляетъ мнѣ жестокую радость? Почему въ жестокости есть удовольствіе?..

Ничего... ..... я дамъ Христиночкѣ мужа... съ Юліемъ она устроится счастливо и безъ нужды...

И она кричала Христинѣ, что виноградъ созрѣлъ на пяти-шести лозахъ, затерянныхъ среди кустовъ, по лѣвую сторону сада.

Войцѣхова накрыла завтракъ торжественно, на блѣдно-палевой скатерти, затканной крупными цвѣтами, и уставивъ столъ парадной посудой, хрусталемъ и серебромъ.

Пріѣхалъ Витольдъ Оскерко. Онъ выглядѣлъ очень смущеннымъ, обезпокоеннымъ, отнюдь не радостнымъ. Разсѣянно отвѣтивъ на поздравленія сестры, онъ тотчасъ же увелъ Алину въ садъ. Они дошли безъ единаго слова до каменной скамьи.

Когда Алина сѣла, Витольдъ сказалъ, волнуясь:

— Что все это значитъ, другъ мой? Вы безумны, Христина—безумна, я—безумецъ... Вѣдь не вѣнчаемся же мы, въ самомъ дѣлѣ? Я боготворю васъ Алина, но мысль о бракѣ съ вами... Я боюсь... Я еще не вполнѣ готовъ... Со мной вамъ будетъ хлопотно... Наконецъ, у меня не ликвидированный романъ съ Мисси Потоцкой... я сознаюсь, я заварилъ эту кашу, я идіотъ и подлецъ... Дайте мнѣ еще сообразить, Алина...

Алина громко расхохоталась и взяла его за руки.

— Другъ мой, молчите... я сама не знаю толкомъ, что происходитъ въ этомъ домѣ... Одно только достовѣрно мнѣ извѣстно, что Юлій Шеміотъ женится на Христинѣ...

Оскеръ обрадовался. Съ Христиной ему прямо-таки тяжело. Она терроризируетъ его, грозитъ иногда самоубійствомъ...

— Бѣдный Витольдъ... я обѣщаю вамъ свободу... но теперь вы мой женихъ... Вы мнѣ сдѣлали предложеніе... Я еще не устучаю васъ Мисси Потоцкой...

Витольдъ смотрѣлъ на нее съ любопытствомъ.

— Я не представляю себѣ вашей внутренней жизни, дорогая, но она кажется мнѣ таинственной и прекрасной.

Они вернулись къ Христинѣ подъ руку, медленно, какъ влюбленные.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Алина и Генрихъ Шеміотъ вышли изъ дому. Кругомъ многое измѣнилось. Всѣ оттѣнки пурпура, золота, синяго и лиловаго разлились по деревьямъ. Листья еще не совсѣмъ опали, но было страшно подумать, что станется съ ними при первой бурѣ или дождѣ. На акаціяхъ повисли вздутые стрючки, безобразіе которыхъ смѣнило красоту бѣлыхъ, душистыхъ гроздей. Шиповникъ обнажился и пылалъ крупными ягодами. Плющъ и виноградъ были красны съ мѣдными и коричневыми оттѣнками. Мрачное великолѣпіе осени рождало печаль. Но въ то же время было нѣчто несказанно-сладостное, сонное и нѣжное въ тишинѣ сада, блѣдномъ солнцѣ и ароматѣ гніенія.

Свѣтло-золотистое манто Алины, отдѣланное узкими полосками соболя, сливалось съ общимъ тономъ. Край ея бѣлаго шерстяного платья задѣвалъ репейникъ. По своей излюбленной привычкѣ она оставила голову непокрытой, и пепельные волосы трепалъ вѣтерокъ.

Они выбрали дорогу мимо экономіи и углубились, по желанію Шеміота, къ маленькой уединенной дачкѣ.

— Объясните же мнѣ ваше поведеніе, Алина,—сказалъ Шеміотъ,—до сихъ поръ, намъ мѣшалъ Юлій... Теперь мы одни.

Она хотѣла казаться еще веселѣе, чѣмъ была, и взяла легкій, оскорбительно-легкій тонъ. Витольдъ Оскерко сдѣлалъ ей предложеніе. Послѣдніе дни они проводили вмѣстѣ, онъ приглядѣлся къ ней серьезно... Наполовину она согласилась.

Шеміотъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— И вы пріѣхали мнѣ сообщить объ этомъ?..

Она смутилась.

— Я поступила безобразно и грубо... я не сообразила, что...

Онъ остановилъ ее жестомъ.

— На этотъ разъ я не прощу васъ, Алина... Приготовьтесь немного поплакать...

Дорога стала грязной, размытая дождями. Они взяли въ пескѣ рѣчного берега, спустились наискось въ ложбину, сплошное болото, черезъ которое сторожъ проложилъ

узкую тропинку изъ мелкихъ булыжниковъ. Широкій, искусственно проведенный ручей бѣжалъ, журчалъ, пѣнился, кипѣлъ въ кустарникахъ. Это паденіе воды звучало мелодично, какъ музыка. Они вступили въ молодой ивнякъ. Ивнякъ былъ чуть-чуть выше человѣческаго роста, густой, сѣрый, гнущійся къ рѣкѣ, словно камыши. По словамъ Шеміота, его посадили только два года тому назадъ, чтобы помѣшать водѣ размывать берегъ. Здѣсь стоялъ чудесный, крѣпкій, дразнящій, солоноватый ароматъ ила, ивняка, гніющихъ листьевъ. Ничего не было слышно, кромѣ журчанья ручья, отъ котораго они удалялись, скрипа вѣтокъ и слабаго чириканья какой-то птички.

Шеміотъ шелъ впереди, осторожно раздвигая ивнякъ. Алина двигалась за нимъ, любопытная и восхищенная.

— Я никогда не знала, что ивы пахнутъ.

На полъаршина отъ земли повисли неширокія ступеньки дачки. Она была совсѣмъ примитивнаго вида, поставленная на высокихъ, опоясывающихъ ее толстыхъ столбахъ, съ круглымъ балкончикомъ и чердакомъ, выкрашенная въ сѣро-голубой тонъ, тонъ бѣгущей рѣки. Алинѣ она напомнила голубятню. Шеміотъ объяснилъ, что она выдержала уже два разлива. Ее соорудили въ какую-нибудь недѣльку. Когда устраивается рыбная ловля, здѣсь ужинаютъ и ночуютъ.

— Представьте себѣ, вчера я забылъ запереть дачу,— горестно воскликнулъ Шеміотъ,—это будетъ чудо, если тамъ не стащили чего-нибудь.

Однако, внутри все оставалось на мѣстѣ. Маленькія, голубыя ставеньки полуприкрыты, и свѣтъ проникалъ сюда полосами. Кромѣ стола, стульевъ, плѣшиваго ковра, здѣсь половину мѣста занималъ диванъ, низкій, широкій съ подушками въ парусиновыхъ наволочкахъ. Съ потолка спускался овальный фонарь, темно-краснаго, почти чернаго стекла, по стѣнамъ висѣло старое оружіе, нѣсколько полочекъ, и гравюры фривольнаго содержанія, въ самодѣльныхъ рамкахъ. Деревянная лѣстничка вела на чердакъ, дверь котораго въ потолкѣ не запиралась.

— Все цѣло,—объявилъ Шеміотъ, оглядѣвшись,—въ прошломъ году отсюда утащили подушки, чехлы, всякую рухлядь.

Онъ былъ польщенъ комплиментами Алины. Да, да, здѣсь очень мило... Это исключительно его затѣя... Онъ бросилъ свой плащъ и открылъ ставни. Вечернее солнце залило комнату, расцвѣтило пыль, состарило мебель и развеселило окончательно дачку.

Шеміотъ помогъ Алинѣ снять ея манто. Потомъ онъ сказалъ, щуря свое великолѣпные глаза.

— Вы—капризный, непослушный ребенокъ.

Она виновато, покорно улыбнулась и пошла за нимъ на балкончикъ.

Какъ ароматно пахли ивы!.. Какъ мелодично журчалъ ручей!.. Вея синева неба отразилась въ рѣкѣ.

Шеміотъ сбѣжалъ по ступенькамъ, насвистывая, словно школьникъ.

Теперь она увидѣла, какъ онъ вынулъ перочинный ножикъ и рѣжетъ вѣтки ивы. Зеленоватая искра его огромнаго изумруда и зеленоватый ободокъ свѣжей коры мелькнули передъ нею. Въ двѣ-три секунды онъ уничтожалъ сучья, и вѣтка становилась гладкой, эластичной склоненной внизъ.

Ахъ!.. и она поняла. Такъ вотъ, что ждетъ ее. Простое, общее, почти тривіальное и безконечно унизительное наказаніе?

На мигъ ей показалось, что она потеряетъ сознаніе. Во второй мигъ она поняла, что не убѣжитъ, не крикнетъ, не возмутится. Она стояла не двигаясь, все время глядя на его тонкіе, бѣлые пальцы, на изумрудъ, на увеличивающееся количество вѣтокъ, и чувствовала, что еще никогда, никогда, она не любила такъ пламенно Шеміота, какъ въ эту минуту.

Она сказала, задыхаясь.

— Вы хотите?.. Вы хотите?..

— Я васъ высѣку сейчасъ, Алина. Это рѣшено...

Она вздрогнула, теряясь все болѣе и болѣе и пугаясь того, что его слова такъ волнуютъ ея душу.

Спокойствіе Шеміота походило на спокойствіе неба и земли.

Не вѣря тому, что онъ проститъ ее, и не вполнѣ вѣря самой себѣ, она повторила нѣсколько разъ:

— Умоляю васъ... пожалѣйте меня... умоляю...

Онъ пожалъ плечами.

Она убѣжала въ комнату. Здѣсь она сѣла и не знала, что съ собою дѣлать. Вихрь мыслей, ощущеній, протестовъ и соглашеній пронесся въ ней. Къ нестерпимому, одуряющему стыду примѣшалось впечатлѣніе, будто она изъ взрослой сразу превратилась въ дѣвочку.

.....

.....

.....

.....

Въ это время ей явственно почудилось шуршаніе на потолкѣ. Въ широкія щели посыпалась труха. Снова было тихо. Гдѣ-то слабо журчалъ ручей. Гдѣ-то насвистывалъ Шеміотъ.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Шеміотъ помогъ Алинѣ подняться. Она оправилась съ его же помощью и стояла передъ нимъ, заплаканная и пунцовая отъ стыда.

Онъ спросилъ ее, разстроганный.

— Вы будете послушны, Алина?

Тогда она бросилась передъ нимъ на колѣни, повторяя:

— Всю жизнь... Всю жизнь...

— Не былъ-ли я жестокъ?

— Нѣтъ... нѣтъ... вы добры, вы великодушны ко мнѣ, Генрихъ... вы меня понимаете... вы меня ведете къ добру, только вы одинъ хотите моего исправленія...

— Вы плакали сильно, Алина...

— Я должна была плакать,—воскликнула она съ ненавистью къ себѣ, я провинилась... вы наказали меня... не покидайте, не оставляйте, не презирайте меня, Генрихъ...

Онъ сказалъ, вѣжливо поднимая ее съ колѣнъ:

— Дорогая моя, васъ нужно ласкать ежедневно, но не забывать...

.....

Они ушли.

Солнце уже сѣло. Съ запада плыли дождевыя тучи. Поднялся вѣтерокъ и рябилъ рѣку. На желтизну листьевъ, оголившіеся кустарники, горизонтъ, дорогу, ложились сумерки.

Алинѣ казалось, что ручей журчитъ болѣе мелодично, а земля пахнетъ особенно сладостно. Она опиралась на руку Шеміота, несказанно-счастливая, упоенная, тихая, ощущая необыкновенную легкость на сердцѣ и во всемъ тѣлѣ.

Передъ обѣдомъ, который теперь накрывали въ столовой, а не на верандѣ, прислуга напрасно искала Юлія. Наконецъ, онъ вернулся откуда-то, извинился и говорилъ черезчуръ громко.

— Что съ тобой? Ты кричишь,—разсѣянно замѣтилъ ему Шеміотъ.

— Прости, отецъ...

Алина краснѣла, встрѣчая пристальный взглядъ Юлія. Этотъ мальчишка черезчуръ смѣлъ... онъ могъ бы оставить въ покоѣ...

За вторымъ блюдомъ Шеміотъ проговорилъ:

— Я усталъ... я ухожу къ себѣ... Алина, будьте снисходительны ко мнѣ...

И онъ удалился, поцѣловавъ руку Алинѣ, поднявшей на него глаза довѣрчиво, благодарно и влюбленно. Француся принесла имъ крэмъ, ягоды, кофе. Алина ни къ чему не дотронулась. Она мечтала. Было нѣчто изысканно-дѣвичье въ ея фигурѣ, скрытой бѣлымъ, шерстянымъ платьемъ.

— Который часъ, Юлій?

— Около десяти... еще рано.: посидите со мной...

— Я очень устала...

Остаться одной, остаться одной—пѣло въ Алинѣ, словно Шеміотъ заворожилъ ее своимъ желаніемъ—спать, спать...

— Вы гуляли съ отцомъ, Алина?

— Да, да, покойной ночи, другъ мой...

И она поспѣшно простилась, боясь разспросовъ. У себя въ комнатѣ она застала Француся.

— Идите, милая... вы мнѣ не нужны.

Рѣшительно, она задыхалась отъ желанія остаться одной. Она раздѣвалась непривычно поспѣшно, и непривычно грубо сбросила платье и бѣлье прямо на полъ. Она вышла изъ этого душистаго круга только въ чулкахъ и туфелькахъ...

Зажигая свѣчи по бокамъ, она улыбалась и нашла себя настолько красивой, что удивилась.

Алина хотѣла видѣть свое тѣло послѣ наказанія, относясь къ нему съ жестокимъ любопытствомъ, презрѣніемъ и насмѣшкой.

.....

.....

.....

Восторгъ, смѣшанный съ ироніей, медленно проникъ въ ея душу.

.....

.....

.....

.....

.....

голубыя занавѣски кровати лились голубые оттѣнки. Внутри бѣлоснѣжная глыбы одѣяла, подушекъ, кружевъ, создавала впечатлѣніе гнѣзда, выложеннаго пухомъ

— Надѣюсь, ты не откажешь Витольду послѣ вчерашняго?

— Но что же было вчера?

— Какъ?.. ты ночью принимаешь молодого человѣка... поишь его ликеромъ, даешь цѣловать ему руки, говоришь съ нимъ только о своемъ одиночествѣ и желаніяхъ... и послѣ этого ты хочешь отказать ему?.. Но вѣдь Витольдъ не мальчишка, не Юлій... Онъ не позволитъ вертѣть имъ..: И потомъ онъ влюбленъ въ тебя... давно... какъ я... да, какъ я...

Алина, сидѣла удивленная, растерянная, довѣрчиво показывая свою наготу Христинѣ. Пепельные, длинные, распущенные волосы, синіе цвѣты ея большихъ глазъ, здоровый румянецъ ея щекъ,—какъ-то опростили ее въ ту минуту, сдѣлали ее до послѣдней степени земною и грѣховною.

Алина думала—«Теперь или никогда. Если я согласшусь на предложеніе Витольда, я провѣрю чувства Шеміота. Витольдъ мой послѣдній козырь. Я пускаюсь на хитрость».

Да, потому что я люблю на смерть... Христина проститъ мнѣ обманъ, я знаю... Витольдъ проститъ..:

Медленно она сказала:

— Хорошо, Христина... передай Витольду мое согласіе... обожди минутку... Ахъ, какъ все странно... Я согласна... умоляю тебя, однако, сохранимъ эту помолвку въ тайнѣ.

— О, да...

Христина блѣднѣла. Съ неестественной улыбкой она опустилась на колѣни передъ кроватью, повторяя.

— Благодарю тебя, Алина... благодарю...

Алина начала лукаво смѣяться, вырывая у нея свои руки, откидываясь на подушки. Она была заинтересована, чѣмъ все это кончится и слегка опьянена новизной положенія.

Христина повторяла сдавленнымъ голосомъ.

— Благодарю тебя, Алина... благодарю...

Она тянулась къ ней, сдерживая хриплый, дикій крикъ,

полурыданіе, блѣднѣя все болѣе и болѣе, дрожа и повторяя одно и то же.

— Благодарю тебя, Алина... благодарю...

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

— Нѣтъ... нѣтъ... я разсержусь... оставь..: я возненавижу тебя...

Христина посмотрѣла на нее съ ужасомъ. Она была еще блѣдна, съ затрудненнымъ дыханіемъ.

— Не говори такъ... я ни въ чемъ не виновата... я зарыдаю.

— Не проституируй слезъ...

Усталымъ жестомъ Алина закладывала свои волосы. Христина натягивала ей шелковые чулки, завязывала ленты сиреневыхъ подвязокъ. Она подала дѣвушку рубашку, батистовую съ кружевами, тонкій бюстгальтеръ, сиреневое шелковое трико. Она прислуживала съ опытностью служанки, счастливая тѣмъ, что Алина развеселилась, осыпая подругу нѣжными именами.

Умыванье, причесыванье, маленькое препирательство по поводу того, выбрать платье топъ или бѣлое, шутливая размолвка надъ камнями,—сапфиры, топазы или жемчугъ? Наконецъ, примирительный поцѣлуй передъ тѣмъ, какъ сойти внизъ.

Покуда Христина глубокимъ, взволнованнымъ голосомъ говорила съ Витольдомъ по телефону, Алина поспѣшно прошла въ гостиную.

Осторожно отдвинувъ штофную, розово-желтую портьеру, она оглянулась съ неопредѣленной улыбкой сообщницы. Драпри, коверъ, мебель, вся комната, казалось, таила до сихъ поръ жаръ осенняго дня, жаръ неудовлетворенности, жаръ сна Алины. Ликеръ, бисквиты, тоненькіе рюмочки на серебряномъ подносикѣ, пепельница, полная окурковъ—все стояло нетронутое. И пучекъ бѣлыхъ

.....

Никто не убѣдитъ ее, что она безумна. Она просто лучше другихъ женщинъ сознаетъ свою гнусность, слабость, ничтожество передъ мужчиной. Она надѣла закрытую рубашку, перешла на кровать, укуталась и, вдругъ, ощутила чудовищное отвращеніе къ себѣ самой. Что она дѣлаетъ сама съ собою?

Вотъ она, дѣвушка, свободная, гордая, ни отъ кого, ни отъ чего не зависящая, она—въ чужомъ домѣ, на чужой постели, одна и... высѣчена.

Боже, Боже, она сходитъ съ ума... или грезитъ?.. или ее загипнотизировали?.. околдовали?..

Кто-то постучался въ дверь—три сухихъ, требовательныхъ удара.

— Генрихъ.

Она вскочила, торопясь накинуть халатикъ, лиловый шелкъ, затканый серебряными бабочками. Потомъ она открыла дверь.

Это былъ Юлій.

Она возмущенно ахнула, отступая.

Онъ, улыбаясь, заперъ дверь.

— Тсс.. вы мнѣ нужны, Алина...

— Что случилось?

— Успокойтесь... отецъ спитъ..: выслушайте меня:

— Какъ?.. въ двѣнадцать часовъ ночи?..

Блѣдная отъ гнѣва, она все отступала. А онъ приближался, стукнулся о круглый столъ, и сѣлъ на него бокомъ.

— Я видѣлъ васъ,—сказалъ онъ просто, я былъ на чердакѣ, когда... это мучитъ, душитъ меня... я пришелъ поговорить съ вами, Алина.

Теперь, въ свою очередь, она сѣла въ глубокое кресло, напротивъ, и смотрѣла на Юлія, пораженная.

Въ нѣсколькихъ словахъ Юлій разсказалъ случайность. Онъ вовсе не хотѣлъ шпіонить отца. Онъ пришелъ на дачу, какъ обычно, съ книгой и альбомомъ зарисовокъ. Всѣхъ ключей отъ дачи—три. У отца, Юлія и у сторожа. Когда изъ окна дачи Юлій увидѣлъ Алину и отца, онъ почему-то испугался. У нихъ были влюбленныя, сіящія совсѣмъ необычныя лица. Что-то мѣшало ему оставаться здѣсь. Онъ спасся на чердакѣ, и такъ неловко шумѣлъ тамъ веревками, балками, что ежеминутно ожидалъ—вотъ-вотъ его накроютъ. Онъ отгребъ съ пола чердака солому.

— Ахъ... я слышала...—прошептала Алина.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Вся кровь зажглась въ немъ, онъ почувствовалъ, какъ душа его перерождается, какъ онъ самъ становится жестокимъ, властнымъ, и онъ думалъ, что нужно поступать такъ, а не иначе съ женщиной. Онъ почувствовалъ еще и то, что теперь нѣтъ въ мірѣ для него ни единой женщины навсегда, а всѣ онѣ будутъ случайными, и всѣхъ ихъ потомъ онъ выкинетъ за бортъ и пойдетъ дальше.

Граціозно наклоняясь къ Алинѣ, трогая ея лиловый халатикъ, затканный серебряными бабочками, Юлій говорилъ съ большой нѣжностью.

— Никогда я не подозрѣвалъ, что зрѣлище можетъ такъ вліять на человѣка... Я пошелъ на дачу однимъ Юліемъ, а пришелъ другимъ... и, знаете, Алина, я не предполагалъ также, сколько жестокости заложено въ мужской душѣ и, что я, Юлій, сразу пойму странное, и острое...

.....

.....

.....

.....

Почему вы плачете, Алина? Я не хотѣлъ васъ обидѣть... вѣдь вы любите моего отца... всѣ женщины становятся его рабынями, такъ и Клара... такъ и моя мать... и другія, которыхъ мы не знаемъ... Отецъ ужъ таковъ, съ нимъ ничего не подѣлаешь... Правда, я думаю, что вы, Алина, побили реккордъ смиренія между ними... вы перешли какую-то границу... Границу дозволеннаго и нормальнаго въ будничномъ смыслѣ. Но это, потому что ваши чувства преувеличины и ваша любовь льется черезъ край... Можетъ быть, отецъ самъ виноватъ въ этомъ...

Алина перебила съ искаженнымъ лицомъ, не вытирая слезъ, складывая молитвенно руки:

— Нѣтъ... нѣтъ..: вашъ отецъ ни въ чемъ не виноватъ, Юлій.....

Клянусь вамъ... вы еще не знаете, до чего я порочна,

и отвратительна... и стать лучше безъ чужой помощи я не могу... не могу.

.....

.....

Это хорошо, что вы сознались мнѣ... послѣ того, какъ я знаю, что не была наединѣ съ вашимъ отцомъ, я чувствую себя болѣе униженной... О, какъ я гнусна.

Юлій покачалъ головой.

— Вы искусно скрываете свои достоинства, Алина... Вы думаете лишь о порокахъ...

И послѣ паузы:

— Христина Оскерко будетъ моею женою. Это для меня вопросъ самолюбія и чести. Она слишкомъ долго сопротивлялась... но, въ то же время, никто такъ не близокъ моей душѣ, какъ вы, Алина...

Они продолжали говорить шопотомъ, робко дѣлясь между собою впечатлѣніями вечера, высказывая догадки на будущее. Утомленные случившимся, они не замѣчали раскрытой постели, разбросаннаго бѣлья, распущенныхъ волосъ Алины, ея босыхъ ногъ. Монотонный шорохъ вернулъ ихъ къ дѣйствительности. Это шелъ сильный дождь.

Они простились изумленные, что уже поздняя ночь.

— Тайна?

— Тайна.

Дождь, начавшійся съ вечера, продолжался и днемъ,— настоящій потопъ съ сильнымъ, холоднымъ вѣтромъ. Теперь были сорваны послѣдніе листья и земля превратилась въ топкую скользкую грязь. Вездѣ стояли цѣлыя озера воды, мутной и волнующейся отъ вѣтра.

Алина проснулась поздно. Она почувствовала холодъ и сырость еще въ постели и ее охватила смутная грусть, неопредѣленное ощущеніе полнаго одиночества.

Француся принесла ей кофе.

— Ахъ, барышня... ну, и погодка... если дорога разлѣзится, мы надолго засядемъ въ деревнѣ...

Отдергивая занавѣсь, невольно шумя мебелью, горничная продолжала жаловаться. Нѣтъ, это послѣдній разъ она служитъ въ деревнѣ... думала отдохнуть, скопить денегъ, поправить здоровье... Какое тамъ...

Алина молчала. Всѣ ея движенія были медленны. Причесываясь и удивляясь своей блѣдности, она думала: — «Какъ я встрѣчу Генриха? Что я скажу ему въ первую минуту?.. И когда же я, собственно, уѣду къ себѣ домой?

Поколебавшись, она спросила Франусю.

— Баринъ всталъ?

— Давно ужэ. Баринъ въ конторѣ съ управляющимъ, сегодня суббота, расчетъ рабочихъ...

— А молодой баринъ?..

— Молодой баринъ уѣхали.

— Уѣхалъ?.. Куда?..

Алина изумилась. Франуся прятала въ шкапъ лиловый халатикъ, вышитый серебряными бабочками. Она отвѣчала совершенно спокойно. Молодой баринъ уѣхалъ верхомъ на станцію. Онъ очень торопился въ городъ и боялся, что дорога испортится.

Всѣ мысли смѣшались у Алины. Одна, съ Генрихомъ... Одна послѣ вчерашняго...

Она попросила измѣненнымъ голосомъ:

— Дайте мнѣ, пожалуйста, сѣрое платье...

Это было то простое платье—дымчатое либэрти, вышитое бѣлымъ стеклярусомъ, которое она надѣвала въ городѣ для Шеміота. Застегивая жемчугъ, она мысленно сравнивала свой туалетъ, съ сѣрымъ небомъ, сѣрымъ туманомъ, сѣрыми струями воды... Жемчугъ означаетъ слезы...: Неужели жэ Генрихъ снова заставитъ ее плакать?..

Она вышла въ другія комнаты.

Все тепло изъ стараго дома унесло за ночь.

Мертвая тишина тревожила Алину. Потоки дождя по стеклу и бѣшенство вѣтра, отъ котораго скрипѣли двери и окна, приводили ее въ уныніе. Поздняя осень. Она никогда не сможетъ жить круглый годъ въ имѣніи, никогда. Даже возлѣ любимаго человѣка. Иначэ это было бы для нея горе, тяжкія условія, непріятный осадокъ въ любви. Потомъ она устыдилась.

— Какая я эгоистка... Въ сущности, это не такъ уже плохо поскучать немного.:

Сначала она попала въ гостиную, гдѣ мебель, черная, банальная, обитая синимъ атласомъ и вазы синяго фарфора съ грубыми рисунками раздражали Алину. Изъ гостиной она такъ же безцѣльно перекочевала въ библіотеку,—

убранную въ арабскомъ стилѣ, всю увѣшанную коврами, съ выцвѣтшимъ, но мягкимъ и теплымъ диваномъ. Оттуда она скользнула въ залу, съ тремя простѣнными зеркалами и мэбелью, дряхлой, какъ домъ.

Алина задержалась, ибо большая часть сада хорошо виднѣлась отсюда изъ оконъ. Можно было окоченѣть, глядя на потоки воды, которая продолжала литься съ неба, крышъ, деревьевъ, кустовъ. Стѣны флигелечка почернѣли, а молодыя акаціи трепались, словно женскія юбки. Не было видно ни птицы, ни собаки, ни человѣка.

Изъ залы она прошла въ кабинетъ Шеміота, который не любила. Что-то было нестерпимо скучное въ этой комнатѣ, съ неуклюжей орѣховой мебелью, книгами, атласами, путеводителями, географическими картами по стѣнамъ. Портретъ покойной жены Шеміота,—она съ годовалымъ Юліемъ на рукахъ,—ревниво мучилъ Алину. Недоброжелательно глядя на нее, она слегка пожала плечами.

— Юлій говоритъ, что отецъ смѣнитъ много женщинъ... Тебѣ нечего глядѣть такъ счастливо и невинно... Я предпочитаю Клару... По крайней мѣрѣ, та хорошо сознавала свое положеніе...

Въ глубокомъ кабинетѣ синія драпировки скрывали альковъ. На каминѣ чугунный олень несъ на своихъ рогахъ круглый шаръ—часы. За желѣзной рѣшеткой камина лежали дрова и, дрожа отъ холода, Алина пожалѣла, что они нэ горятъ. Послѣ кабинета она осмотрѣла бильярдную, столовую, буфетную, угловую комнату для гостей.

— Я могу сказать теперь, что характерная черта этого дома—сырость, пыль, безвкусіе и запустѣніе. Чтобы отопить зимою такую громаду, гдѣ дуетъ въ каждую щель, нужно вырубить половину лѣса... Когда я выйду замужъ за Генриха, я здѣсь измѣню многое... онъ будетъ жить у меня, Юлій и Христина—на его городской квартирѣ, а сюда мы станемъ пріѣзжать только лѣтомъ...

Но душа ея, усталая отъ неопредѣленной тоски или по предчувствію, мало вѣрила этимъ мечтамъ. Она вернулась въ спальню накинуть палантинъ и вспомнила свой вчерашній разговоръ съ Юліемъ. Какъ она испугалась, когда онъ вошелъ... И какъ онъ смѣло говорилъ.: Почему онъ уѣхалъ?.. Можетъ быть, онъ признался во всемъ отцу?.. Или Генрихъ самъ отослалъ его?..

Алина снова безцѣльно бродила по комнатамъ, задерживаясь у оконъ, испытывая почти отчаяніе отъ неопредѣленности и вынужденной праздности. Дождь увеличивался, а дневной свѣтъ становился все болѣе и болѣе тусклымъ. Мысленно Алина бурно упрекала Шеміота. Послѣ вчерашняго—даже не взглянуть на нее, не сказать ей «доброе утро».—Уже-не презираетъ ли онъ ее окончательно? Она перенеслась мечтою къ рѣкѣ, гдѣ колышется ивнякъ и гдѣ одиноко стоитъ дачка, похожая на голубятню. Неужели же вчерашнее только случайность...

Она вздрогнула, услышавъ голосъ Франуси.

— Баринъ проситъ завтракать безъ него. Баринъ очень занятъ съ управляющимъ...

Ей подали бульонъ въ чашкѣ, цвѣтную капусту, холоднаго рябчика и яблочный пирогъ. Она ѣла каждое блюдо совершенно машинально, не отвѣчая Франусѣ. Кофе обжегъ ей губы—она слегка пришла въ себя. Что дѣлать послѣ завтрака? Если бы ее не терзали сомнѣнія, опасенія, неопредѣленность, она бы строила планы на будущее, но она не могла, не могла, не могла...

Она думала,—я никогда, никому не умѣла разсказать, какъ я тоскую. Тоскую безъ причины... или, возможно, есть причина, только я ее позабыла, не нашла... я такъ боюсь пафоса, нескромности въ печали...

Она забралась въ библіотеку. На столѣ лежали мемуары графа Ласъ-Каза. Она побоялась открыть даже первую страницу. Есть же что-нибудь святое? Шаря по угламъ, Алина натолкнулась на папку, распухшую отъ вырѣзанныхъ картинокъ. Здѣсь оказалась цѣлая коллекція знаменитыхъ женщинъ—Марія Стюартъ, Андріенна Лекуврeръ, Заира, Магдалина, Екатерина Медичи, Лавальеръ, Помпадуръ и др. и др. Тутъ же она нашла ящичекъ съ акварельными красками. Это восхитило Алину. Она любила раскрашивать, совсѣмъ неискусно, какъ дѣвочка. Она достала стаканъ воды, выбрала пачку картинокъ, очистила мѣстечко на столѣ среди толстыхъ книгъ по живописи и архитектурѣ, и принялась за работу. Очень прилежно она раскрашивала въ лиловый цвѣтъ платье Маріи Манчини, и въ темно-зеленый—драпировку за нею. Нѣсколько разъ, подымая голову и слушая вѣтеръ и дождь, она боялась разрыдаться.

Когда совсѣмъ стемнѣло, Алина отложила кисточку. Пальцы ея онѣмѣли, но остались чистыми. Она пожалѣла, что около нея нѣтъ Юлія или Христины. У нея не было ни силъ, ни желанія двинуться съ мѣста. Франуся пришла, зажгла лампу, говорила что-то, ушла, гдѣ-то шумѣла, спуская шторы,—Алина не слышала. Хлопнула входная дверь, вернулся Шеміотъ прошелъ къ себѣ переодѣваться,—Алина тоже не слышала. На верандѣ управляющій спорилъ съ подрядчикомъ, а его собаки ожесточенно лаяли—снова Алина ничего не слышала.

— Вы здѣсь, Алина?..

Шеміотъ цѣловалъ ея пальчики, извиняясь. Проклятое хозяйство... Проклятая погода... Рѣшительно, онъ боленъ изъ за всѣхъ этихъ ненужныхъ исторій съ рабочими, поденщиками, управляющимъ. Въ конторѣ пахло дегтемъ, капустой и еще чѣмъ-то отвратительнымъ. Онъ еле держится на ногахъ.

— А вы, что дѣлали, Алина?..

— Я тосковала...

— О городѣ?..

— О васъ.

— И потомъ?

— Раскрашивала акварелью картинки.

— Какое ребячество.

Онъ разсмѣялся. Она все еще не приходила въ себя отъ волненія.

— Вашъ сынъ уѣхалъ?

— Да.

— Почему?

— Двѣ причины. Первая—онъ хочетъ сдѣлать предложеніе Христинѣ. Вторая—я самъ отослалъ его, онъ мѣшалъ мнѣ. А вы недовольны, дорогая?

— О, нѣтъ... если вы это нашли нужнымъ...

— Вы знаете... я немного боялся за васъ...

— Вы?..

— Да... послѣ вчерашняго... вы могли заболѣть:

Алина улыбнулась, опуская глаза.

— Я здорова.

— Тѣмъ лучше, пойдемте въ столовую.

Послѣ обѣда Алину ожидалъ сюрпризъ—затопили каминъ въ кабинетѣ Шеміота. Сюда имъ подали чай,

тортъ, варенье, ромъ. Свѣтъ отъ камина зажигалъ разноцвѣтные огоньки на стеклярусномъ тюникѣ Алины,—ея плечи, прикрытыя бѣлымъ шифономъ, нѣжно розовѣли. Шеміотъ слегка поддался впередъ, чтобы лучше разглядѣть выраженіе лица Алины, и она скорѣе угадала, чѣмъ замѣтила, его быстро-скользнувшую улыбку.

— Я огорчу васъ, дорогая...

— Вы не можете огорчить меня, Генрихъ... я всему подчиняюсь заранѣе.

— Вы меня радуете... я малодушно прячусь отъ васъ цѣлый день...

— Прячетесь?..

— Да... Мнѣ нужно сказать вамъ... Ахъ, какъ это трудно.

Шеміотъ, гремя щипцами, перебилъ голфвешку въ каминѣ, сгребъ уголья и, любуясь на новое пламя, высокое и ровное, какъ дыханіе, продолжалъ:

— Будьте мужественны, Алина... я твердо обдумалъ планъ нашего... нашего союза. Я не женюсь на васъ, дорогая... я не женюсь на васъ никогда, хотя бы вы умерли здѣсь, у моихъ ногъ... я не женюсь...

Она перевела духъ. Казалось, вся жизнь ушла изъ ея глазъ и они стали тусклыми, неподвижными, чуть-чуть расширенными.

Она спросила шопотомъ:

— Вы не любите меня?...

— Я люблю васъ, Алина, больше всѣхъ женщинъ, которыхъ я только зналъ... Чѣмъ мнѣ только поклясться?..

Она сдѣлала слабый жестъ, означающій—почему же вы бросаете меня?

Онъ повторилъ то, что она уже слышала. Онъ старъ для нея. У него взрослый сынъ. Алина можетъ быть счастлива съ другимъ. Наконецъ, если она считаетъ позорнымъ быть его любовницей, она, значитъ, его не любитъ безкорыстно и полно. Все это онъ щедро пересыпалъ сожалѣніями и жалобами—то на судьбу, то на женщинъ, то на самого себя.

Алина была ошеломлена. Понятіе—«любовница» для нея являлось нѣчто омерзительнымъ, страшнымъ и, главное, нечистоплотнымъ. Конечно, она глубоко унизилась передъ Шеміотомъ, онъ наказывалъ ее и говорилъ ей «ты»,

но вѣдь она смотрѣла на него, какъ на мужа. Онъ былъ для нея единственнымъ и избраннымъ. Она убѣждена, что не могла бы любить такъ, какъ Генриха. Все застыло въ ней отъ горя и она не ощущала больше никакихъ желаній.

Она подумала:

— Судьба моя рѣшается,—но мнѣ безразлично. Я готова встать и уйти куда-то. Все равно, куда, не оглядываясь. Такъ вотъ чего хочетъ отъ меня Генрихъ?... Замѣнить ему Клару... О, это слишкомъ...

Шеміотъ зналъ ея мысли. Онъ взялъ себя въ руки. Онъ не женится—если даже Алина потеряна для него—онъ не женится. Это смѣшно.

И онъ поднялся, какъ бы прощаясь.

— Я въ отчаяніи Алина... сознаюсь, я думалъ встрѣтить въ васъ больше любви...

Она зарыдала.

— Неправда... неправда... я была вашей съ первой встрѣчи... а вчера?.. О, какъ вы жестоки ко мнѣ...

Звукъ ея голоса растрогалъ Шеміота. Онъ обнялъ ее, вытирая ей слезы, цѣлуя глаза и губы.

— Не плачь... все устроится... будь послушна... ты—моя... и ты очаровательна...

Теперь, когда они отбросили вопросъ о бракѣ, въ Шеміотѣ поднялся исключительный интересъ къ Алинѣ. Онъ былъ счастливъ и снова влюбленъ. Онъ смотрѣлъ на ее яркій, свѣжій ротъ, и терзался между желаніемъ обладать ею сегодня и желаніемъ довести ее еще до большаго любовнаго изступленія. Прибѣгая къ наказанію, онъ зналъ, что дѣлалъ. Собираясь обладать ею,—онъ шелъ наугадъ. Ему было важно заставить Алину всего и всегда просить.

Они не замѣтили, какъ дрова догорѣли.

Теперь пылали только угли. Стало жарко.

— Уже полночь, Алина... вамъ пора ложиться...

— Покойной ночи...

— Покойной ночи...

Она поспѣшно простилась.

Глубокое разочарованіе охватило Алину. Какъ, значитъ, онъ не хочетъ ее оставить съ нимъ? Она ничего болѣе не понимала. Вѣдь истинная любовь проста. А любовь Шеміота представлялась ей іероглифами. Добиться

у нея согласія на все, потребовать всего, довести ее до безстыдства и потомъ, даже не желать ее. Что ей дѣлать? Ѣхать? О, если бы она рѣшилась на это. Остаться! для чего? А, если онъ просто скучаетъ съ ней, ищетъ предлога отдѣлаться?

Послѣ бурныхъ слезъ, ея настроеніе измѣнилось:

— Развѣ я думала встрѣтить въ Генрихѣ азіата?

Онъ слишкомъ уменъ и деликатенъ. Онъ приближается ко мнѣ не безъ колебанія. Правда, я не буду его законной женой, но тѣмъ болѣе... любовница обязана стать совершенствомъ... я поняла это сегодня.—И она уснула, продолжая плакать, но уже безъ горечи и оскорбленія, оправдавъ его во всемъ, сама передъ собою.

Шеміотъ же разговаривалъ съ лакеемъ. Викентій доложилъ ему, что Француся не остается служить. Она просто воетъ на кухнѣ по городу.

— Хорошо, Викентій. Почему не всѣ рабочіе пришли за получкой?

— Дорога очень плоха.

— Если они придутъ завтра, мнѣ не докладывайте...

И Шеміотъ думалъ, покуда Викентій растиралъ его одеколономъ.

— Всѣ въ домѣ считаютъ Алину моей любовницей... Тотъ же Викентій, и управляющій, и поваръ... всѣ... а я теряю время... я не долженъ быть преувеличеннаго мнѣнія о собственной персонѣ... Я могу наскучить Алинѣ, внушить ей раздраженіе, показаться смѣшнымъ... Витольдъ Оскерко женится на ней, не задумываясь... я убѣжденъ... отъ горя Алина способна сдѣлать эту глупость... она выйдетъ за ничтожество и возьметъ въ придачу Христину... я не прощу себѣ тогда до смерти... Желаю я Алину?.. Сегодня—безусловно. Раньше я думалъ объ этомъ лѣниво. Завтра?.. Завтра я могу стать холоднымъ, какъ ледъ. И все-таки — сегодня — уже потеряно. Какая жалость... Что дѣлаетъ Алина? Она плачетъ, считаетъ себя погибшей и уязвленной въ своемъ женскомъ самолюбіи. Она думаетъ, что не нравится мнѣ физически. Скоро она устанетъ думать, плакать и будетъ только страдать.

Какъ хлопотно съ этими женщинами!

— Покойной ночи баринъ...

Викентій ушелъ.

Послѣдней мыслью Шеміота было:

— Алина сама виновата... Если она любитъ меня, почему она не осталась со мной?.. Изъ чувства стыдливости? Послушанія?.. Ну, вотъ... подобныя женщины только развращаютъ насъ..

Утромъ Алина сказала плачущей Франусѣ.

— Успокойтесь, если вы не хотите оставаться у г. Шеміота, я васъ возьму къ себѣ въ городъ. Вы—хорошая дѣвушка.

Француся снова заплакала, но уже отъ радости. Алина совсѣмъ смягчилась. Ей было пріятно утѣшить эту дѣвушку, очень ловкую и услужливую, догадавшуюся о многомъ и все же не фамильярную.

— Да... да... я увезу васъ съ собою...

Сегодня небо было ярко и блестяще. Обрывки тучъ быстро таяли. Вѣтеръ свирѣпствовалъ еще сильнѣе, чѣмъ наканунѣ.

— Баринъ въ кабинетѣ?

— Да. Баринъ уже спрашивалъ о барышнѣ.

Алина отвернулась.

Она рѣшила нѣсколько часовъ не видѣть Шеміота и осторожно вышла другимъ ходомъ. Она поднималась въ гору, съ развѣвающимся тускло-зеленымъ шарфомъ на головѣ, въ своемъ золотистомъ манто, цвѣтъ котораго сливался съ опавшими листьями. Она жадно дышала, ароматъ гніенія опьянялъ ее. Вѣтеръ стянулъ, почти высушилъ землю. О вчерашнемъ ливнѣ говорила помятая трава, большія лужи, рытвины, нанесенный пластами песокъ. Садъ еще былъ великолѣпенъ, несмотря на октябрь. Онъ умиралъ съ честью. Яркія краски смѣнились полутонами пурпуръ, золото теперь превратилось въ лиловато-коричневое, почти черное. Ничто не пылало больше. Рѣка текла мутная, желтая, почти сливаясь съ берегомъ и лугомъ. Стая воронъ кружилась и отдыхала потомъ на кукурузномъ полѣ. Въ одной изъ аллей Алина натолкнулась на стараго рабочаго. Онъ воспользовался солнцемъ и вѣтромъ, чтобы разложить и высушить крупные орѣхи—нѣсколько тысячъ орѣховъ. Сидя, онъ сторожилъ

ихъ. Онъ поклонился лѣниво и небрежно Алинѣ, холодно смотря на нее своими узенькими, сѣрыми глазками.

Это смутило ее. Она думала, подымаясь все выше и выше, къ кресту.

— Если бы даже Генрихъ и женился на мнѣ, эти люди навсегда запомнятъ и не простятъ моего пребыванія въ имѣніи. Они относятся съ возмущеніемъ къ Франусѣ, которая угождаетъ распутницѣ. Викентій готовъ проклинать меня и думаетъ, что я околдовала его барина...

Она свернула на узенькую дорожку между кустарниками и пришла къ оврагу, вырытому сначала весенними водами талаго снѣга, потомъ дождями, потомъ уже искуственно углубленному и выложенному камнями. Самые крупные изъ нихъ, сѣро-бѣлаго цвѣта, вчерашній ручей разметалъ въ разныя стороны. Здѣсь стояла скамья —разрѣзанный старый дубъ, положенный на пни, до такой степени тяжелый, что его нельзя было сдвинуть.

Алина сѣла. Вѣтеръ шумѣлъ верхушками, скамья нагрѣлась отъ солнца, камни тоже. Какое-то деревце было все унизано красными, мелкими ягодами. Кажется, боярышникъ. На сухомъ кустарникѣ повисло и качалось пустое, но еще крѣпкое птичье гнѣздышко.

— Я начинаю сомнѣваться въ своемъ рабствѣ —размышляла Алина,—вѣдь все оно придумано мною, мною же установлено. Можетъ быть, любовь Генриха измѣнитъ и меня, и мои вкусы?.. Можетъ быть, я стану жаждать только поцѣлуевъ, а не... И еще не достовѣрно,—унизилъ ли меня Генрихъ, или же я сама себя унизила. Въ концѣ концовъ, эта исторія зависѣла всецѣло отъ меня же само... Итакъ, я не раба?.. Тогда, что же я?

Но она не сдѣлала никакого вывода изъ своихъ размышленій, а затосковала. Она чувствовала себя жалкой, смѣшной, выбитой изъ колеи, совершенно лишенной той ясности, въ какой прожила до сихъ поръ.

Она подняла глаза и увидѣла Шеміота, идущаго къ ней безъ плаща и безъ шапочки. Какая неосторожность... Онъ простудится на вѣтрѣ.

Шеміотъ посмѣялся надъ ея заботами и пригласилъ ее завтракать. Тогда изъ упрямства она сняла шарфъ.

— Тѣмъ лучше, Алина... зеленый васъ блѣднитъ... О чемъ вы задумались?..

— Я старалась понять васъ, Генрихъ...

— Очень хорошо.

Она вскинула на него чуть-чуть разсерженные глаза.

— Есть минуты, когда я васъ ненавижу...

Шеміотъ весело расхохотался. Алина смягчилась. Она давно не видѣла его такимъ жизнерадостнымъ.

— Ахъ... васъ ничемъ не тронешь, Генрихъ...

— Я не знаю.

Вечеромъ они снова зажгли каминъ. Сюда имъ принесли столикъ съ инкрустаціями, на которомъ они играли въ шашки нѣкоторое время. Но Алина была разсѣяна. Она проигрывала партію за партіей. Потомъ они пересѣли ближе къ огню и сидѣли въ глубокой задумчивости, слушая вѣтеръ. Шеміотъ внутренно колебался. День ему показался особенно пріятнымъ. Алина—обворожительнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ не зналъ, какъ ему поступить. Время не ждало его. Двѣнадцать часовъ... Алина молчала. Шеміотъ хотѣлъ настоять на своемъ. Они простились.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по коридору, Алина остановилась.

Нѣтъ, онъ не звалъ ее. Нѣтъ... Наоборотъ, онъ сейчасъ же рѣзко и длительно, ручнымъ колокольчикомъ позвонилъ Викентію. О, это слишкомъ... Мужество покинуло Алину. И у себя, бросившись на постель, она рыдала, рыдала безъ удержу.

Пробужденіе было ужасно. Вѣки опухли, цвѣтъ глазъ изъ синяго сталъ тускло-зеленымъ. Алина возмутилась. Зачѣмъ и для кого она сидитъ въ этой дырѣ? Или она больше не дѣвушка изъ порядочнаго общества, а жалкая тварь? Все нужно исправить и немедленно. Сейчасъ она пошлетъ телеграмму Витольду, уложитъ чемоданы и выѣдетъ съ вечернимъ поѣздомъ. Дальше отсюда... дальше... на свѣжій воздухъ, къ свѣжимъ людямъ: забыть Шеміота, стереть, выкинуть изъ памяти эти дни...

Она лихорадочно одѣвалась, потомъ открыла окно. Ее приводила въ бѣшенство восхитительная погода, — было солнце, полная тишина, земля пахла. Гдѣ-то звенѣли птицы.

Съ отчаяніемъ Алина написала телеграмму Витольду. Съ такимъ же отчаяніемъ она вынула изъ шкапа платья.

Но на упаковку вещей у нея не хватило рѣшимости. Развѣ Генрихъ гонитъ ее? Почему она такъ торопится уѣхать?.. Она рискуетъ потерять его... Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно...

Франуся явилась, какъ всегда съ кофе. Вчера у нея была жаркая схватка съ людьми на кухнѣ. Викентій клялся, что между бариномъ и барышней—«нѣтъ грѣха». Онъ двадцать пять лѣтъ служитъ у барина и, хвала Богу, самъ постилаетъ ему кровать. Онъ съ закрытыми глазами отличитъ, когда спали двое и когда одинъ. Ему не вѣрили, надъ нимъ насмѣхались, а барышню поносили дурными словами. Франуся держалась того мнѣнія, что каждый живетъ, какъ хочетъ. Разумѣется, ей, Франусѣ, даромъ давайте такого старика, такъ она откажется. Но... если барышня влюбилась, то... почему нѣтъ?.. И она вступалась за барышню съ яростью соучастницы.

Увидѣвъ, что Алина укладывается, Франуся очень смутилась. Іисусъ Марія! барышня ни единымъ словомъ не предупредила ее... Она же только сегодня развела маленькую постирушку... она моетъ бѣлье барышни. Совершенно невозможно бросить теплыя лохани и ѣхать въ городъ... Кромѣ того, срокъ ея службы у г. Шеміота заканчивается только послѣзавтра...

Алина съ облегченіемъ ухватилась за этотъ предлогъ.

Ну, хорошо, она останется еще денекъ. Держа написанную Витольду телеграмму, она вышла къ завтраку.

Шеміотъ стоялъ у окна, наблюдая группу рабочихъ, толковавшихъ о чемъ-то съ управляющимъ. Онъ только что вернулся со двора, держалъ плащъ на рукѣ и не снялъ своей черной бархатной шапочки. Увидѣвъ его золотистые, пышные волосы, темные, гордые, сверкающіе глаза, тонкія руки, Алина опять ощутила въ своемъ сердцѣ трепетъ и обожаніе.

Его утреннее привѣтствіе звучало особенно нѣжно.

Онъ думалъ:

— Я прихожу въ отчаяніе. Алина достойна лучшей участи. За что я издѣваюсь надъ нею? Не прекратить ли эту пытку? Почему не подарить ей прочное, спокойное счастье? Намекнуть ей, что я робокъ?.. Она не повѣритъ. Сказать, что я щажу ея дѣвственность?.. О, это грубость и низость... я ее все равно скомпрометировалъ... Высказать Алинѣ желаніе, чтобы она сама была нѣсколько активнѣе?.. Нѣтъ, нѣтъ, она такъ стыдлива... она должна сама догадаться... Какое положеніе!.. Я ничего не знаю. Я запутался въ собственной интригѣ... Къ несчастью, нужно быть искреннимъ... Я могу дать Алинѣ только то, что даю... мнѣ нужны ея слезы, ея крики, ея мольбы и униженія... Все остальное я возьму изъ вѣжливости, но не болѣе...

Алина говорила Шеміоту, нѣсколько смущенная его ласковымъ взглядомъ:

— Вотъ телеграмма... для Витольда-Оскерко... Нельзя ли послать верхового на станцію... Это очень важно...

Онъ взялъ бумажку, прочелъ текстъ и, улыбнувшись, спряталъ ее въ карманъ.

— Отлично, Алина... сегодня такъ тепло, что я едва не велѣлъ накрыть стола на верандѣ...

Про себя онъ подумалъ:

— Никакой телеграммы я не пошлю... Отпустить Алину въ такомъ состояніи—чистѣйшее безуміе. Надо, по крайней мѣрѣ, успокоить, примирить,.. примирить?.. Съ чѣмъ?.. Развѣ я отказываюсь отъ нея?.. Нѣтъ, конечно... Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Алина способна радовать меня. Именно радовать. Въ мои годы счастья уже не испытываютъ.

И они ушли гулять, оба взволнованные, оба стѣсненные, колеблющіеся. Ахъ, какой это былъ чудесный осенній день,—прозрачный, теплый, тихій, весь продушенный нѣжнымъ запахомъ влажной земли, гніющихъ листьевъ, не то сухихъ плодовъ, не то какихъ то исключительно осеннихъ растеній. Они увидѣли совсѣмъ зеленую птицу, медленно перелетавшую съ дерева на дерево, словно заблудившуюся изъ сказочной страны. Они увидѣли снова молодого орла, низко-низко кружившагося и высматривающаго добычу. Они повстрѣчали пару ослятъ, бродящихъ между кустарниками, они натолкнулись на крестьянина, несшаго двѣ огромныя рыбы въ мокромъ мѣшкѣ для барина. Когда запыхавшійся и потный, онъ вынулъ ихъ, чтобы показать Шеміоту, рыбы еще вздрагивали. Онѣ были великолѣпны, отливая на солнцѣ перламутромъ, словно выточенныя изъ серебра съ чернью, съ алыми жабрами. Восхищенная Алина засмѣялась.

Потомъ ей стало жутко видѣть эти вздрагиванія, судороги, пляску въ воздухѣ, и она съ грустью подумала.

что сама очень похожа на рыбу, задыхающуюся въ рукахъ Шеміота.

И на обратномъ пути вся ея веселость исчезла. Онъ напрасно прямо таки ухаживалъ за нею и смотрѣлъ на нее, то печально, то умоляюще. Алина замкнулась и упрямилась. Вечеромъ онъ предлагалъ ей шашки, соблазнялъ каминомъ. Нѣтъ... и она ушла къ себѣ въ восемь часовъ.

Внутренне обезпокоенный, внѣшне спокойный онъ проводилъ ее до порога ея комнаты.

— Что съ ней?.. Мое пораженіе?.. или моя побѣда?—недоумѣвалъ Шеміотъ—оставимъ ее въ покоѣ...

И онъ занялся конторскими книгами вмѣстѣ съ управляющимъ, потомъ говорилъ съ Викентіемъ. Когда въ домѣ наступила мертвая тишина, Шеміотъ началъ неопредѣленно волноваться. Не потерялъ ли онъ Алины? Это было бы несчастіемъ...

— Если до часа она не придетъ ко мнѣ, я отправлюсь съ повинной...

Принятое рѣшеніе развеселило и успокоило его. Онъ не раздѣвался. Онъ подбросилъ дровъ въ каминъ и читалъ Гелло.

Безъ четверти часъ въ его дверь постучались.

— Я выигралъ сраженіе.

И онъ захлопнулъ книгу, улыбаясь.

Въ альковѣ Алина продолжала крѣпко обнимать Шеміота. Она плохо сознавала, что дѣлаетъ, но она навсегда запомнила, какъ онъ былъ деликатенъ и нѣженъ. Ея легкій крикъ, крикъ утраченной дѣвственности, былъ единственной радостью Алины.

Боль... Только боль поняла она въ тайнѣ сліянія. Оно показалось ей чрезвычайно простымъ, черезчуръ физіологическимъ и менѣе всего мистическимъ.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Это былъ очень холодный зимній день. Солнце сіяло. Ледяная бахрома повисла съ крышъ. Огромныя глыбы снѣга лежали стянутыя тончайшей корочкой. Онъ хрустѣлъ и скрипѣлъ подъ ногами.

Алина, которая ѣздила въ пансіонъ къ маленькому Бруно, терялась среди бѣлизны, сверканія, иглистаго вѣтра. Ее ждалъ непріятный сюрпизъ. Директоръ очень настойчиво просилъ взять Бруно. Его находили вреднымъ для класса. Среди веселыхъ, наивныхъ дѣтей онъ казался взрослыми, и это отнюдь не могло считаться желательнымъ. Директоръ пояснилъ дамѣ, что одиночество мальчика внушило ему состраданіе. По праздникамъ онъ отпускалъ Бруно къ доктору Мирскому, у котораго свои дѣти и который очень любитъ мальчика... Докторъ выражалъ самое горячее желаніе усыновить Бруно. Христина уже давно дала ему свое равнодушное согласіе. Алина крѣпко уцѣпилась за этотъ проектъ.

Сейчасъ она привезла къ себѣ, Бруно, обложила его альбомами, игрушками и нетерпѣливо ждала доктора.

Она говорила, оглядывая столъ, накрытый для завтрака:

— Дайте, Француся, плоскую вазу для рѣдиски... только сначала наполните ее водой... вы подали икру?.. она на ледничкѣ... Спросите кухарку, какъ нашъ провансаль...

Изъ гостиной донесся кашель.

Это Бруно задыхался отъ коклюша. Алина безпокойно прислушивалась. Боже мой, до чего онъ мучится...

Француся принесла икру и вазу. Она докладывала барышнѣ, что Войцѣхова уѣхала. Старая служанка взяла свои пожитки, громко крича, что не хочетъ оставаться въ этомъ распутномъ домѣ лишняго часа.

— Ну, и отлично,—сказала Алина,—она извела меня.

— Мы тоже всѣ радуемся,—просто заявила Француся.

Съ тѣхъ поръ, какъ осенью Алина вернулась изъ имѣнія Шеміота, Войцѣхова перестала вѣрить въ свадьбу. Она возненавидѣла Алину съ тупостью честной женщины, а молчаніе Француси казалось ей личнымъ оскорбленіемъ. Вѣдь она такъ ждала грязныхъ подробностей, которыя потомъ передала бы разукрашенными на ухо духовнику. Но она не узнала ничего отъ Француси и разъярилась. А сегодня, увидѣвъ Бруно, старая служанка окончательно вышла изъ себя. Неужели-же барышня не перестанетъ возиться съ этимъ незаконнымъ щенкомъ? Да барышня опозоритъ себя на весь околодокъ.

Тогда Алина разсчитала ее.

— Который часъ, Француся?

— Ровно два, барышня...

— Вы звонили по телефону барышнѣ Оскерко?

— Да. Барышня Оскерко отказывается видѣть маленькаго барина...

— А...

Бруно снова кашлялъ. Алина пошла къ нему. Черный газовый тюникъ, обшитый узенькой полоской черныхъ страусовыхъ перьевъ, разлетался при ея движеніяхъ. Она напоминала бабочку.

— Какъ наши дѣла, маленькій?

Бруно отложилъ альбомы. Онъ отвѣчалъ серьезно.

— Ничего...: мнѣ теперь лучше...

Но сейчасъ же припадокъ повторился. Глаза у него покраснѣли, вспухли, слезы бѣжали по багровымъ щекамъ и цѣлыя струйки слюны смочили подбородокъ.

— Ахъ, бѣдняжка,—пробормотала она съ глубокой жалостью.

Сердце у нея стыло при видѣ этого ребенка, терпѣливаго и кроткаго, никогда не плакавшаго. Коклюшъ изводилъ его. Особенно были мучительны рвоты, начинавшіяся сейчасъ же послѣ ѣды.

— Когда пріѣдетъ докторъ.—Спросилъ Бруно.

— Я думаю, сію минуту...

Послѣ нѣкотораго молчанія, мальчикъ заявилъ вполголоса.

— Мнѣ будетъ хорошо у доктора... мужчина лучше понимаетъ мужчину... И потомъ онъ вылѣчитъ меня..

Бруно снова принялся за альбомы. Алина ходила взадъ и впередъ, чуточку напѣвая:

Et moi si joyeux
Du retour du printemps
Je me mis à chanter,
Comme on chante à vingt ans.

Она вспомнила Генриха. Послѣдніе дни съ нимъ были особенно сладостны. Она заболѣла, измученная волненіями. Кровь текла у нея въ огромномъ количествѣ и она не могла подняться съ кресла. Она похудѣла, поблѣднѣла, стала еще болѣе женственной и красивой. Шеміотъ буквально не отходилъ отъ Алины ни на одну минуту.

Онъ ухаживалъ за нею съ нѣжностью мужа. Занималъ ее чтеніемъ, гравюрами, воспоминаніями о своихъ прошлыхъ путешествіяхъ. Онъ забылъ свою обычную замкнутость и сообщилъ ей даже интересныя детали о женщинахъ, которыя были ему близки. Онъ смѣялся ея промахамъ въ шашкахъ. Онъ сталъ живымъ, увлекательнымъ, блестящимъ и часто цѣловалъ ея пальчики, повторяя:—«Я не знаю, чтобы я дѣлалъ безъ тебя, Ли...—Онъ называлъ Алину—просто Ли въ минуты интимности, увѣряя, что звукъ изъ двухъ буквъ всегда очень нѣженъ.

Ей казалось, что вся ея душа и тѣло погружены въ атмосферу любви и счастья. Возлѣ него она дышала воздухомъ, насыщеннымъ знаніями, опытомъ, утонченными и необычными чувствами. Шеміотъ подалъ ей осторожно и туманно мысль продать домъ и переѣхать къ нему въ имѣніе. Онъ, по его словамъ, вовсе не настаивалъ на этомъ, но онъ зналъ, что только при условіи совмѣстной жизни Алина будетъ счастлива. Однако, Алина испугалась. Продать домъ и переѣхать къ Шеміоту открыто, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сдѣлала Клара?.: О, Клара... печальный призракъ, всегда пугавшій Алину... Занять мѣсто покойной? Нѣтъ, нѣтъ... почему эта жертва такъ смущала ее? Смутно она понимала всю шаткость любви Шеміота. Наконецъ, она была привязана къ мѣсту, вещамъ, саду, она чувствовала себя болѣе свободной и гордой, имѣя собственный уголъ.

По возвращеніи изъ имѣнія, Алина потеряла спокойствіе. Всѣ старыя сомнѣнія ожили въ ея душѣ. Она снова не вѣрила въ любовь Шеміота и ревновала. Это еще увеличивалось и отъ того, что Шеміотъ продолжалъ жить въ деревнѣ, очень рѣдко и кратко отвѣчая на письма. Она отупѣла отъ слезъ и чувственныхъ припадковъ. Теперь всѣ ея мысли и видѣнія, ощущенія сосредоточились на картинѣ—Генрихъ и она на дачкѣ, среди ивняка, и она просто утомлялась физически, до такой степени это было неотвязно, безстыдно, ярко и мучительно. Но она не отнеслась къ этому спокойно и покорно, какъ прежде. Она начала бояться, что съ нею происходитъ нѣчто такое, что сведетъ ее въ домъ умалишенныхъ, по крайней мѣрѣ.

Докторъ Мирскій пріѣхалъ.

Бруно покраснѣлъ отъ радости и кашель его уси-

лился. Докторъ ласково погладилъ его по головѣ, Алина расцѣловала, а лакей доктора укуталъ, снесъ въ автомобиль и увезъ.

Мирскій же остался завтракать у Алины.

При маленькомъ ростѣ его голова казалась очень большой, сѣдая голова съ крупнымъ носомъ, крупными губами, восточными глазами подъ тяжелыми вѣками. Одѣвался онъ тщательно и гордился перламутромъ своихъ ногтей.

Онъ былъ доволенъ, что Бруно переходитъ къ нему и нисколько не удивлялся равнодушію Христины.

— Материнство госпожи Оскерко случайное. Я позволю себѣ замѣтить, что она чрезвычайно цѣльный человѣкъ. Я уважаю ее за это...

Они говорили объ измѣненіи психологіи.

Алина придралась къ случаю и перевела рѣчь на самое себя. Она жаловалась на странное желаніе, мучившее ее временами, на желаніе униженій и боли, и на то, что любовь не представляется ей безъ окраски жестокости. Она хотѣла выяснить себѣ, есть ли во всѣхъ ея чувствахъ оттѣнокъ болѣзни, невроза, зародыша безумія.

Она внезапно густо покраснѣла и смолкла, ощущая непріятную лживость разсказа, удивляясь грубости нѣкоторыхъ деталей.

Возмущенная собою, теряясь отъ жгучаго стыда, въ которомъ не было уже примѣси сладострастія, а только отвращеніе, Алина воскликнула:

— Извините меня, докторъ... я вовсе не похожа на то чудовище, о которомъ я вамъ сдѣлала докладъ...

Мирскій вѣжливо поклонился и засмѣялся.

Онъ вполнѣ увѣренъ въ этомъ... Его вопросы относились къ физіологіи и самымъ мягкимъ изъ нихъ былъ тотъ, какъ Алина выноситъ три дня въ мѣсяцъ и не занималась ли она тайнымъ порокомъ. Она отвѣчала ему съ внутреннимъ протестомъ. Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не это. Она ненавидѣла науку, которая каждое движеніе ея души приписывала вліянію органовъ дѣторожденія, а мысль прививала къ желудку. Потомъ докторъ объяснилъ легкимъ тономъ, что всѣ ея ощущенія, по его наблюденію, очень обычны, несутъ названіе такое-то, лѣчатся или смягчаются, по крайней мѣрѣ, такимъ то и такимъ-то способомъ. Въ этомъ недугѣ Алина можетъ найти интересныя указанія въ такихъ-то книгахъ и даже въ беллетристикѣ. Онъ же, докторъ, въ подобной женской психологіи не склоненъ видѣть ничего предосудительнаго или общественно-вреднаго, ибо эти женщины мучатъ только самихъ себя.

— Вы думаете, что иныя... многія женщины... чувствуютъ, подобно мнѣ?..

— Не многія, а всѣ...

— О...

— Я убѣжденъ. Онѣ чувствуютъ, какъ вы, но оттѣнокъ и способъ выраженія у каждой разный. Наконецъ, многія не сознаются въ этомъ изъ стыдливости, глупости или по расчету.

Онъ спросилъ блѣдную, смущенную Алину:

— Вы практикуете?

Она не поняла. Онъ усмѣхнулся, поясняя, реализируетъ она свои желанія или нѣтъ?

Послѣ минутнаго колебанія Алина отвѣтила, что да, но очень рѣдко, и не доходя до жестокости. Она тяготилась и стыдилась этого безполезнаго разговора, который казался ей къ тому же и нечистоплотнымъ.

Мирскій пожалъ плечами. Онъ налилъ себѣ еще вина, золотистаго и искрящагося въ венеціанскомъ графинѣ.

— Не было жестокости? Но вѣдь дойти до жестокости такъ легко... и потомъ г. Шеміотъ производитъ впечатлѣніе... О, этотъ не тотъ человѣкъ, который разстрогается отъ женскихъ слезъ...

Алинѣ показалось, что ей снится кошмаръ:

— Вы называете г. Шеміота?..

Докторъ смутился въ свою очередь. Онъ нервно извинился, прикрывая восточные глаза и опуская нижнюю губу. У него сорвалось это имя... они съ Алиной такъ сейчасъ откровенны... откуда онъ узналъ объ ея романѣ?.. Да совсѣмъ просто... О ней много говорятъ...: о г. Шеміотѣ не меньше... Неужели она думаетъ, что возможно укрыться въ этомъ южномъ, болтливомъ, провинціальномъ городкѣ?.. Тогда она похожа на страуса. Всѣ знаютъ о ея близости къ г. Шеміоту.

— Вотъ какъ,—прошептала Алина.

Она отпила холоднаго вина, чувствуя дурноту. Слабый румянецъ выступилъ на желтомъ, бритомъ лицѣ Мирскаго. Онъ отрѣзалъ себѣ кусочекъ индѣйки, говоря:

— Дитя мое, откровенность за откровенность... вы видѣли мою падчерицу. Нѣтъ? Послѣ смерти жены она ведетъ у меня домъ...: Это милая, чудесная дѣвушка... Однако, иногда на нее находятъ странные припадки упрямства, дерзости, лѣни... Она дѣлаетъ (я вижу это ясно) все возможное, чтобы добиться отъ меня выговора или наказнія... Ей семнадцать лѣтъ...: она совершенно не знаетъ ни жизни, ни медицины, разумѣется... она не понимаетъ, что съ нею...

Онъ добавилъ тихо, сверкнувъ глазами.

— Она обожаетъ меня...

Алина задыхалась отъ отвращенія и къ себѣ, и къ нему. Они обмѣнялись еще нѣсколькими банальными фразами. Француся принесла кофе. Алина съ нетерпѣніемъ ждала, когда докторъ уѣдетъ.

Христина Оскерко согласилась на предложеніе Юлія Шеміота. Они обвѣнчались безъ всякой торжественности, даже безъ органа, послѣ утренней мессы. Христина, въ строгомъ тальеръ съ букетомъ розъ, держала себя безучастно. Юлій улучалъ каждую минуту, чтобы оглянуться и улыбнуться Алинѣ. Изъ приглашенныхъ никого не было. Послѣ вѣнчанія, въ домѣ Витольда устроили парадный завтракъ.

Одну минуту боялись, что Шеміотъ-отецъ не пріѣдетъ. Но онъ пріѣхалъ, великолѣпный въ своемъ смокингѣ, чуть-чуть ироническій и безупречно вѣжливый съ Христиной. Казалось, онъ ничего не имѣлъ противъ этого брака. Онъ даже поднесъ Христинѣ художественную, серебряную шкатулку съ брилліантами его покойной жены. Христина проявила почти неприличную радость. Она бросилась обнимать Шеміота, поблѣднѣвшая съ трепещущими ноздрями, словно въ любовномъ экстазѣ. Юлій почувствовалъ себя скандализированнымъ. Шеміотъ-отецъ опустилъ глаза. Было рѣшено, что новобрачные поѣдутъ въ имѣніе, а потомъ останутся жить въ городской квартирѣ Шеміота-отца. Витольдъ не одобрялъ этого проекта. Когда онъ женится, (и онъ думалъ о Мисси Потоцкой) онъ увезетъ свою молодую жену въ Парижъ. Такъ нужно начинать новую жизнь... Онъ забывалъ, что его сестра выходила нищей по его скупости и черствости. Онъ отказался сдѣлать ей даже бѣлье.

Скоро Шеміотъ-отецъ уѣхалъ. Цѣлуя руку Алинѣ, онъ шепнулъ:

— Пріѣзжайте ко мнѣ завтра, Лиа...

— Она затрепетала отъ радости, не смѣя спросить, чѣмъ же онъ занятъ сегодня? Всѣ провожали Шеміота-отца въ переднюю. Въ глубокой тоскѣ Алина вернулась на мѣсто къ столу.

Христина и Юлій теперь цѣловались, смотря на панораму города.

Полуденное солнце ярко освѣщало снѣгъ на крышахъ. Верхушки деревьевъ и трубъ бросали неподвижныя, то короткія, то длинныя тѣни. Птицы часто пролетали надъ этимъ каменнымъ моремъ. Небо было того непріятно-голубоватаго цвѣта, который напоминаетъ плохую акварель.

— Что мнѣ дѣлать до вечера?—подумала Алина, изнемогая отъ тоски, какъ странно... многое измѣнилось въ моей жизни, но это не повлекло за собою внѣшнихъ перемѣнъ. Попрежнему я боюсь пойти къ Генриху безъ его позволенія и большую часть дня совсѣмъ одна... Генрихъ логиченъ, предлагая мнѣ переѣхать къ нему... По крайней мѣрѣ, я была бы съ ними неразлучна... Мы могли бы уѣхать путешествовать... и потомъ, послѣ словъ доктора Мирскаго, я вижу, что репутація моя потеряна...

Христина чему то нервно смѣялась; Юлій старался поцѣловать ее въ шею. Онъ усвоилъ себѣ непріятно-развязный, едва не наглый тонъ съ Христиной. Это удивляло Алину. Витольдъ пришелъ, неся на подносѣ маленькую спиртовку.

— Какъ хотите, господа...: но я еще сварю кофе...: по-турецки...

Покуда онъ возился съ нимъ на столѣ, съ котораго горничная не сняла еще остатки пломбира, фрукты, ликеръ, Алина не сказала ни звука. Тоска, тоска...

— Вамъ налить, Алина?

— Нѣтъ, благодарю...

— Это очень жаль. Кофе превосходенъ.

Однако, Витольдъ оставилъ сейчасъ же свою чашечку, облѣпленную кофейной пѣной и скрылся. Онъ торопился

къ Мисси Потоцкой, которой назначилъ свиданье на верниссажѣ.

Горничная убирала со стола. Юлій дразнилъ попугайчиковъ. Христина подсѣла къ подругѣ.

— Ты молчишь, Алина?..

— Я немного устала...

— И что ты думаешь о моей свадьбѣ?..

— Я тысячу разъ поздравляю тебя.::

Христина пожала плечами. Она бормотала сквозь зубы, что вышла замужъ, такъ какъ жизнь съ Витольдомъ невыносима. Самъ же Юлій не внушаетъ ей слишкомъ большого отвращенія, и потомъ выполнять механически роль жены..:

— Все это не то, Алина... Я поступила, какъ тѣ женщины, которыя, любя одного, идутъ на содержаніе къ другому.::

Генрихъ Шеміотъ самъ открылъ двери Алинѣ.

— Я—одинъ, Ли:::—сказалъ онъ, не давая ей времени поздороваться,—Юлій и Христина въ имѣніи..: Лакея я отпустилъ на сегодня.

Онъ поднялъ ея вуалетку, мокрую отъ снѣга, и цѣлуя медленно въ губы:

— Милая Ли.::

Она бормотала, задыхаясь,

— О Генрихъ..:: я такъ счастлива::: я думала, умру отъ волненія, когда я звонила у твоей двери...

Въ его кабинетѣ все было такъ же, какъ при Кларѣ. Та же лампа, подъ абажуромъ изъ бѣлыхъ бисерныхъ нитей, освѣщала зеленый мраморный письменный приборъ и разрѣзанную англійскую книгу, и чудесную свѣжую сирень, нѣжно бѣлѣвшую на тумбѣ. Тотъ же мраморный Данте задумчиво ждалъ Беатриче, и тотъ же запахъ мускуса, амбры и розы изъ всѣхъ складокъ портьеръ, ковра, самого Шеміота.

Они снова обнялись.

— Какъ ты мило одѣта:::

Она улыбнулась.

— Если ты доволенъ.

Это было, дѣйствительно, изящное платье, блѣдно голубого цвѣта съ серебрянымъ кружевомъ, падающимъ

спереди легко и просто. На плечахъ крылышки изъ того же кружева, низкій вырѣзъ, и узкій длинный рукавъ, и узкая бархатка подъ грудью. Восемь гофрированныхъ оборочекъ внизу платья производили легкое frou-frou при движеніяхъ Алины.

Она сидѣла и болтала вздоръ.

Шеміотъ учтиво слушалъ ее.

Ощущеніе оторванности отъ всего міра рождало въ немъ жажду страсти и жестокости. Онъ сознавался себѣ, что еще ни съ одной женщиной не испытывалъ ничего подобнаго. Какъ всегда въ немъ поднялась сначала жалость къ Алинѣ, жалость увеличивала желаніе, а желаніе ослабило волю.

Выраженіе его глазъ измѣнилось. Оно было такъ же нѣжно, какъ и раньше, но въ немъ сквозила иронія, смѣшанная съ торжествомъ собственника.

Онъ сказалъ.

— Знаете, дорогая... я привезъ вамъ изъ имѣнія... О... я не хочу быть смѣшнымъ... я не назову это подаркомъ... я привезъ вамъ, Ли.....

.....

Краска медленно залила ее лицо.

Она возразила сдержанно:

— Какая неумѣстная шутка.::

— Но это менѣе всего шутка, Алина.

— Въ такомъ случаѣ... Нѣтъ, право же... я не хочу думать о васъ дурно, Генрихъ... возьмите свои слова обратно.

Онъ слегка улыбнулся. Она испугалась замкнутаго и холоднаго выраженія его глазъ. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, крѣпко обнимая его...

.....

— Почему?..

И онъ снялъ ея руки со своихъ плечъ.

— Почему сегодня, Ли, вы такъ мало послушны?..

— Потому что сегодня я ни въ чемъ не виновата передъ вами, Генрихъ...

.....

.....

Она содрогнулась. Какъ, онъ раскрывалъ свои карты съ очаровательной легкостью?.:: Но она не хотѣла подобныхъ оскорбительныхъ признаній!.:

Она прошептала съ отчаяніемъ:

.....

.....

.....

Шеміотъ сказалъ ей съ обычной учтивостью:

— Эту сцену-я давно предвидѣлъ, Алина...: я зналъ всѣ ваши возраженія и упреки... я зналъ, что вы поступите именно такъ... своевольно и необдуманно...: Сегодня у васъ нѣтъ другой вины передо мною, кромѣ вины протеста... Но эта очень тяжкая вина, Алина...

Она подняла на него робкіе глаза, улыбнулась сквозь слезы и пробормотала...

— Я обязана вѣрить вамъ, Генрихъ...

Теперь она ..... глубокій страхъ. Правда, гдѣ-то внѣ ея сознанія, не задѣвая души, и не задерживаясь въ памяти, у нея скользнула мысль, что они оба лгутъ другъ другу и она катится куда-то на дно, въ грязь, но это было смутно, безболѣзненно и мгновенно...

Шеміотъ не хотѣлъ помочь ей. Онъ только отдалъ Алинѣ бронзовый ключикъ отъ шкапчика, въ которомъ хранились его цѣнныя вещи и бумаги.....

.....

Алина не могла бы объяснить, почему такъ увѣренно она знала, что ей нужно сдѣлать сейчасъ, и почему она инстинктивно угадывала ту форму своего повиновенія, которая особенно волновала бы Шеміота.

Такъ она сама увидала хрустальную вазу стиля empire съ двумя ручками по бокамъ и плоскимъ словно срѣзаннымъ горлышкомъ. На ней было два бѣлыхъ матовыхъ медальона, гдѣ золотыя монограммы Шеміота перевивались фіалками.

Эта ваза стояла, наполненная свѣжими нарциссами. Алина вынула ароматные цвѣты, напоминающіе звѣзды и, все также, не глядя на Шеміота, опустила туда вѣтки.

.....

.....

Она подняла глаза на Шеміота и увидѣла, что онъ блѣденъ, той прозрачной, нѣсколько пугающей ее блѣдностью, которую Алина уже замѣтила у него въ первый разъ на дачкѣ среди ивняка:

.....

.....

.....

Шеміотъ положилъ ей руку на голову. Не поднимаясь, нѣжнымъ жестомъ она сняла ее и прильнула благодарнымъ и влюбленнымъ поцѣлуемъ.

Шеміотъ сказалъ ей слегка иронически:

— Теперь, болѣе увѣренъ въ васъ Алина...

Нынѣшняя зима походила на сѣверную. Снѣга выпало небывалое количество. Среди этой ослѣпительной бѣлизны, море казалось черно-грязнымъ и никого не интересовало. Шеміотъ уѣхалъ въ имѣніе. Тамъ же и оставалась Христина. Юлій предпочиталъ оставаться здѣсь, посѣщать концерты, театры и упорно ухаживать за Алиной: Она не относилась къ нему равнодушно. Этотъ граціозный юноша, бѣлокурый и гибкій, съ глазами, какъ свѣтлые аметисты, съ плѣнительной свѣжестью рта, рождалъ въ ней чисто физическія желанія. Однажды она спросила его при встрѣчѣ:

— Что у васъ новаго, мой мальчикъ?..

— Моя любовь къ вамъ, Алина..:

— Какъ?.. А ваша жена?..

— Я несчастенъ съ нею. Она груба и алчна.

— Замолчите, гадкій... вы вѣдь знаете... я..: я могу считать себя несвободной...

— Что изъ того?..

— Вы—чудовище...

Онъ взялъ ея руку и началъ осторожно и медленно цѣловать горячія ладони. Она была взволнована, удивлена, смущена и чуточку смѣялась. Ахъ, этотъ мальчишка... Дрожь желанія пробѣжала по ней. Ужаснувшись, она подумала о Генрихѣ Шеміотѣ. Боже, тотъ причинилъ ей столько горя... Къ сыну у нея родилось иное чувство—опасное и нежданное. И это чувство—увы, она хорошо понимала. Въ немъ не было ничего возвышеннаго или загадочнаго, ничего такого, чтобы напоминало глубокую и мрачную страсть ея къ Генриху.

Онъ замѣтилъ мечтательно:

— О, если бы вы полюбили меня, Алина... пусть не на

долго... на день... два... но полюбили бы...

— Это было бы огромный грѣхъ, Юлій...

— Конечно...

Она медленно впитывала его мысль и гдѣ-то въ тайникѣ души осваивалась съ нею... Да... да... преступленіе упало бы на нее...

Но уже сейчасъ же послѣ ухода Юлія, ее схватила чисто-животная тоска, смѣшанная съ глубокимъ отвращеніемъ и усталостью.

Она думала:—«Маленькій Юлій Цезарь», что вы можете дать мнѣ? Я навсегда отравлена вашимъ отцомъ... я брежу только имъ... передъ вами я—старуха... Нѣтъ, нѣтъ, я буду бороться...

Долгое время она находилась въ состояніи большой подавленности. Она снова мысленно обращалась къ послѣдней сценѣ наказанія. Она продолжала ощущать неудовлетворенность и непріятный осадокъ фальши въ поведеніи Шеміота. Она такъ жаждала оправдать его... Она видѣла ясно, что для нея теперь только одинъ выходъ—это быть по истинѣ виноватой, по—истинѣ грѣшной передъ Шеміотомъ. Чувствуя, какъ она запутывается въ своихъ мысляхъ, выводахъ, и не желая имѣть никакого дѣла съ медициной, Алина рѣшила пойти на исповѣдь. Развѣ ксендзъ не тотъ же врачъ? Безъ сомнѣнія, часто онъ даже болѣе опытенъ и тонокъ, имѣя дѣло исключительно съ душами. Воспоминаніе о релитіи, которую она давно утратила, оживило и ободрило Алину. Конечно, она пойдетъ на исповѣдь. Она отнесется съ уваженіемъ къ словамъ ксендза и, возможно, воспользуется его совѣтами.

Съ оттѣнкомъ легкаго задора, она написала о своемъ намѣреніи Генриху Шеміоту. Онъ отвѣтилъ ей съ обычной насмѣшливостью. Разумѣется, она хорошо поступитъ... Христіанство требуетъ отъ женщины прежде всего послушанія и покорности. У Алины родится туча благочестивыхъ мыслей о вѣрности ему, Шеміоту, о смиреніи, подчиненіи, о собственномъ женскомъ ничтожествѣ, о причастности женщины къ дьяволу и пр., пр. Въ тѣ дни Алинѣ попалась жизнь блаженной Маргариты Маріи Алякокъ. Святая замѣчала о духовникѣ своемъ аббатѣ Коломбьеръ.—«Онъ не пропускалъ ни единаго случая унизить меня—и это доставляло мнѣ живѣйшую радость».

Алина опустила книгу и зарыдала, задыхаясь въ атмо-

сферѣ нѣжныхъ словъ, криковъ, признаній. Пламенная скорбь, пламенная жажда искупленія и очищенія переполнили ея сердце. Она боялась своей недостаточной покорности передъ Шеміотомъ, и она погрузилась потомъ въ глубокую грусть, которая доставила ей наслажденіе. Въ одну изъ субботъ Алина отправилась на исповѣдь.

Костелъ былъ старый, нарядный, внутри почти весь выложенный бѣлымъ мраморомъ, съ множествомъ конфессіоналовъ, съ гротомъ Лурдской Мадонны, изъ котораго Она выступала крошечная и трогательная, Алина нашла себѣ удобное мѣстечко противъ образа Маріи Магдалины. Видъ этой святой съ распущенными, золотыми волосами и традиціоннымъ кувшиномъ драгоцѣннаго масла, растрогалъ Алину.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Ей пришлось оторваться отъ своихъ мыслей. Ксендзъ шелъ въ конфессіоналъ. Ея сердце испуганно забилось. Она стиснула четки и опустила глаза, лепеча, путаясь, ave Maria...

Онъ стукнулъ дверцой, шумно усѣлся, задернулъ изнутри занавѣсочку, зажегъ электричество и принялся читать свой молитвенникъ. Послѣ нѣкоторой неловкости, она приблизилась. Ея исповѣдь была длинна и страстна.

Ксендзъ, худой, черный, съ грубыми чертами лица, съ руками настолько высохшими, что онѣ напоминали руки скелета, не проронилъ долго ни единаго слова. Внутренно онъ задыхался отъ ненависти, разглядывая сквозь деревянную рѣшетку молодую, изящную женщину, нѣжно пахнувшую амброй, красиво закутанную въ дорогіе мѣха, которая каялась передъ нимъ съ увлеченіемъ.

Потомъ онъ разразился. Онъ проглатывалъ слова, про-

износя со свистомъ оскорбительныя прозвища, язвилъ, бранился, насмѣхался, выплескивалъ въ ея лицо, ея же признанія, подчеркнутыя, искаженныя, утроенно-безобразныя. Единственно, что обрадовало и даже восхитило его, это поведеніе—«соблазнителя», какъ называлъ ксендзъ Генриха Шеміота. Отъ грубаго смѣха его удерживала только святость мѣста. Да, да всѣхъ распутницъ нужно сѣчь, гнать, унижать, выставлять къ позорному столбу, обрекать на голодную смерть, вѣчное заточеніе, вѣчный позоръ. Если, по несчастію, по малодушной добротѣ нѣкоторыхъ дурныхъ христіанъ, и не всѣ падшія женщины бѣдны и гонимы, то хоть двери неба,—ахъ, двери неба заперты для нихъ прочно, разъ навсегда.

Онъ кричалъ ей въ ухо:

.....

.....

.....

Терпи, смиряйся, кайся, не смѣй стереть плевковъ съ твоего лица... твоя вина передъ этимъ человѣкомъ несмываема и огромна... ты сама гналась за нимъ... ты совратила, ты искусила, и безстыдно влѣзла на его кровать...

.....

.....

.....

Сегодня я не дамъ тебѣ отпущенія грѣховъ... приготовься лучше... приходи въ слѣдующую субботу.

Но онъ все-таки былъ тронутъ, польщенъ и удивленъ, когда Алина выслушала его потокъ брани, смиренно, какъ ягненокъ...

Вытирая потъ, ксендзъ подумалъ:

— Эта распутница еще не совсѣмъ во власти сатаны... милосердіе Бога безконечно...

Онъ удалился безшумно, блѣдный, строгій съ опущенными глазами, со складкой нравственнаго удовлетворенія около тонкихъ губъ. Алина снова очутилась передъ образомъ Магдалины. Пламенная радость, нѣжность, которая приближалась къ боли, залила ея душу....—твоя вина передъ нимъ несмываема и огромна,—она повторила слова духовника съ закрытыми глазами, утопая въ блаженствѣ... Она была виновата передъ Генрихомъ, значитъ, онъ справедливо.....О, счастье, о, радость, о, упоеніе...

Она не больна, не безумна... она только грѣшница и какъ грѣшница несетъ свою кару...

Съ того дня всѣ крѣпости ея души были сданы.

Въ этомъ году весна наступила очень рано. Садъ Алины стоялъ бѣлымъ: это яблони, вишни, абрикосы, миндаль покрылись нѣжно-розовыми пахучими цвѣтами. Снопы черемухи украшали каждую комнату. Сирень набухла и могла раскрыться ежедневно. На грядкахъ появились бархатные анютины глазки. Сегодня Алина нашла ихъ. Она задержалась здѣсь съ материнской улыбкой. Потомъ она пошла дальше и сѣла на каменную скамью. За послѣднее время она похудѣла и ея глаза утратили выраженіе ясности. Тайный огонь—тоски и любви—сжигалъ ее. Иногда ей начинало казаться, что Шеміотъ охладѣваетъ къ ней. Онъ упорно оставался жить въ деревнѣ. Онъ не хотѣлъ больше ни мучить ее, ни обладать ею. При встрѣчахъ онъ замыкался въ свой учтивый, ироническій тонъ. Впрочемъ, онъ все чаще и чаще намекалъ Алинѣ, что раздѣльная жизнь утомляетъ его. Почему она до сихъ поръ не продаетъ дома?..

Сейчасъ Алина думала:

— Скоро придетъ Юлій... онъ добивается меня съ упорствомъ безумнаго... я очень плохо защищаюсь... То, что для другой женщины являлось бы еще ступенькой внизъ, для меня—якорь спасенія... Я не хочу Юлія, какъ любовника... я жажду его, какъ грѣхъ... Грѣхъ, который броситъ меня въ прахъ передъ Генрихомъ... Грѣхъ, который потребуетъ искупленія, длительнаго и упорнаго... Грѣхъ, который вынудитъ меня къ безпрерывнымъ жертвамъ и униженіямъ... Юлій, мой дорогой мальчикъ, мой нѣжный ребенокъ, простите-ли вы мнѣ эту игру?.. Когда соединяются двое несчастныхъ, они не станутъ счастливѣе...

Въ ту минуту Юлій спускался по ступенямъ веранды. Онъ приближался спокойнымъ, изящнымъ шагомъ, въ чемъ-то смутно напоминая отца.

— Добрый день, Алина...

— Добрый день, Юлій...

— Вы видите, я аккуратенъ...

— Да.

— Я пришелъ за отвѣтомъ, какъ мы условились...

— Хорошо... садитесь... вы торопливы... я ни о чемъ не хочу думать, Юлій...

— Это весна.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку, бросилъ панаму на каменный столъ и сѣлъ. Алина покусывала длинную, шелковую травинку и щурила глаза. Ласточки ссорились между собою. Вѣтеръ чуть-чуть клонилъ цвѣтущія, словно обсыпанныя снѣгомъ, деревья. Свѣжій, тонкій ароматъ зелени, черемухи и самой земли волновалъ и разслаблялъ ихъ обоихъ.

— Какъ вы грустны, Алина... Любовь стоитъ вамъ дорого...

— Возможно...

— Вы знаете... сегодня я утромъ получилъ письмо отъ моей жены.

— Да.

— Христина снова спрашиваетъ о васъ, интересуется только вами, жалуется, грозитъ... О, грязная жаба... Жаба... Я не хочу иначе называть ее...

И онъ разразился грубыми насмѣшками. Ахъ, довольно съ него кривлянья Христины, ея сценъ, ссоръ, истерики, скупости... Она еще смѣетъ чувствовать къ нему отвращеніе и запирать свою спальню... Она, эта падаль... эта развращенная, разъяренная самка... Да его самаго тошнитъ при одномъ звукѣ ея голоса и шаговъ...

— Не становитесь вульгарнымъ, Юлій... васъ предупреждали отъ брака...

— Я помню. Я никого не виню... но семейная моя жизнь не выносима... Единственное утѣшеніе это то, что Христина панически боится моего отца... Онъ укрощаетъ ее только взглядомъ... иначе, она бы заѣла меня... Конечно, я не могъ себѣ представить, что возненавижу Христину... оказывается, ненависть приходитъ также внезапно, какъ и любовь...

Алина мысленно вернулась къ Шеміоту. Теперь въ имѣніи все поетъ и благоухаетъ.

— Онъ давно былъ въ городѣ?

— А что вамъ пишетъ отецъ, Юлій?

— Онъ ничего не пишетъ...

— Онъ давно былъ въ городѣ.

— Недавно. Развѣ вы не видѣлись, Алина?

— Нѣтъ.

Солнечное пятно коснулось лиловой шелковой туфельки Алины и горѣло на золотѣ вышивки. Потомъ оно метнулось

по ея бѣлому муслиновому платью, задержалось на лиловой повязкѣ, усыпанной золотыми мушками, у нея подъ грудью. И еще черезъ минуту оно ласкало ея пепельные волосы и утомляло синіе глаза.

Юлій сказалъ, овладѣвая рукою Алины:

— Недавно, гуляя по имѣнію, я забрелъ на дачку... милую дачку среди ивняка...

.....

.....

.....

Алина смутилась, прошептавъ...

— Теперь это рѣдко...

— Почему?

— О...

— Значитъ, другія ласки?..

— Нѣтъ.... нѣтъ...

Ея возгласъ, полный тоски, принесъ ему нѣкоторое удовлетвореніе...

— Вы тоже несчастны, Алина...

— Я вамъ не сказала.

— Не лгите, дорогая... ложь—это привелегія моей жены.

Онъ крѣпко перецѣловалъ ея пальчики.

— Какой же вашъ отвѣтъ, Алина?..

— Я еще не знаю...

— Это звучитъ согласіемъ...

Очень блѣдная, она попробовала улыбнуться.

— А вашъ отецъ?.. А ваша жена, Юлій?..

— Не все ли равно... Я люблю васъ... Отецъ! Но отецъ будетъ обладать вами всегда, до смерти... я не отнимаю васъ у него... на моемъ мѣстѣ онъ поступилъ бы также...

Она задумалась, глубоко усталая.

— Почему я такъ долго колеблюсь? Все логично и просто. Сначала я сама созналась Генриху въ любви и добивалась его взаимности. Затѣмъ я сама молила о наказаніи, и сама же отдалась ему. Потомъ я примирилась съ его отказомъ жениться на мнѣ,—роль тайной любовницы была для меня блаженствомъ. Наконецъ, моя тайна стала явной для общества и Генрихъ хочетъ совмѣстной жизни. Мой домъ только помѣха для него. Нужно продать его и пойти къ Генриху. Можно подумать со стороны, что теперь я совсѣмъ невинна и чиста передъ Генрихомъ? Это ошибка... мысли

оставляютъ слѣдъ...: развѣ я не прелюбодѣйствовала съ Юліемъ въ моемъ сердцѣ?.. Я всегда очень грубо желала его. Что Генрихъ можетъ потребовать отъ меня, какъ искупленіе? Я не знаю. Что будетъ съ Юліемъ?.. Я не знаю...: Она подняла голову и улыбнулась.

— Вы думали?..:

— Я подводила итоги...

— И..:

— Юлій, мой дорогой мальчикъ...:

У него покавались слезы. Привлекая ее къ себѣ, ища ея губъ, онъ прошепталъ:

— Я люблю васъ...: я люблю васъ...

Она возвратила ему поцѣлуй, все больше и больше тоскуя.

— Вы бредите... вы заблуждаетесь, Юлій...: Я не достойна любви...:

— Вы прекрасна. Вы нѣжная и святая...

— Я только распутна.

— Скажите «да», Алина...:

— Да, Юлій...:

У нея мелькнула мысль:—«поцѣлуи Юлія сладостны поиному... я не знала, что поцѣлуй другихъ губъ также мнѣ доставитъ трепетъ и забытье... Но вѣдь онъ его сынъ?..: Можетъ быть, поэтому...

— У васъ, Алина?..:

— У меня, Юлій...

Таже постель съ занавѣсками луннаго цвѣта и качанье цвѣтущихъ деревьевъ за окномъ, и голубое небо, и щебетъ ласточекъ, и солнце, и слезы, и тоска, и сладострастье новаго грѣха среди поцѣлуевъ и жадности рукъ...

Широкимъ жестомъ она раздвинула занавѣски кровати. Оказывается послѣ бурныхъ, долгихъ слезъ, она уснула. Солнце было еще ниже. Въ раскрытое окно тянуло свѣжестью сада. Птицы еще пѣли. Теперь Алина вспомнила все случившееся. Юлій оставилъ ее, взбѣшенный и полный презрѣнія. Онъ клялся, что Алина послѣ ея признанія, для него не существуетъ. Онъ послужилъ ей средствомъ возбудить страсть въ его отцѣ? Отлично. Онъ платитъ Алинѣ той же монетой: Она для него весенняя лихорадка, минутное

забытье, валерьяновыя капли, случайная встрѣча, которую даже не вспоминаютъ. Потомъ онъ разразился почти грубыми упреками. О, зачѣмъ она призналась ему!.. Какъ она жестока...: До послѣдняго поцѣлуя онъ вѣрилъ въ ея влюбленность...: Зачѣмъ она такъ грубо и ненужно швырнула ему правду...: Алина только вздыхала. Она не умѣла его утѣшить. Она созналась въ умышленности своей интриги, ибо она не хотѣла продолженія связи или повторенія ихъ свиданій, отнынѣ она умерла для него. Никто никогда не узнаетъ ихъ общей тайны.

— Забудьте меня, Юлій...: И простите меня, если можете...

Тогда онъ ушелъ, не прощаясь.?

Алина поднялась на локтѣ, взяла флаконъ съ фіалкой, смочила виски и снова легла. Она думала, закрывъ глаза.

—Какъ слезы облегчаютъ...: я выплакала всю свою душу...: я чувствую необыкновенный приливъ силъ...: Завтра, послѣ завтра ко мнѣ пріѣдетъ Генрихъ...: О, теперь я встрѣчу его иначе... Я... грѣшница и прелюбодѣйка...: Конечно, свою тайну я понесу одна, черезъ всю жизнь мой грѣхъ никогда не станетъ явнымъ для Генриха... О, радость тайнаго преступленія...:

Она улыбнулась, смущаясь даже сама передъ собою.

— Теперь... когда Генрихъ захочетъ наказать меня...: О, теперь это будетъ иначе...: для меня...: для меня...:

И она бросилась въ море упоительныхъ и сладострастныхъ представленій, безъ протеста, безъ стыда, безъ колебанія, нагая и восхищенная.

Пусть онъ наказываетъ ее среди вещей и предметовъ, которые она любила и которые были для нея живыми свидѣтелями каждаго прожитаго дня. Пусть онъ наказываетъ ее передъ раскрытыми книгами, въ нарядномъ платьѣ, при дневномъ свѣтѣ, всегда безстыднюмъ... Ахъ, кричать униженно и страстно... И, если бы кто-нибудь вошелъ въ ту минуту...: Христина... Юлій или Француся...: Ея сердце начало биться неровно и тяжело. Кровь бросилась въ голову: Она не то грезила, не то бредила, не то засыпала, не то сходила съ ума. И это было также сладостно, какъ плыть по голубому озеру и смотрѣть на горы, залитыя закатомъ. Вѣтеръ принесъ ей ароматъ цвѣтущихъ деревьевъ и, содрогаясь отъ восторга передъ жизнью, съ крикомъ любви, тоски, и боли, она мысленно обратилась къ Шеміоту.

— Я обманула тебя съ твоимъ сыномъ. О, я ненавижу себя, ненавижу:.. и все же никогда любовь моя не была къ тебѣ такъ сильна, какъ когда я втаптывала ее въ грязь...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Милый... милый... Ты—справедливъ, ты—гордъ, ты—чистъ, ты—непоколебимъ въ своихъ рѣшеніяхъ... я бросаюсь къ твоимъ ногамъ, и не хочу подняться:::

Сжалься надо мной:.. Помоги мнѣ стать чистой и невинной передъ тобою, Генрихъ:.. Чѣмъ, чѣмъ я смогу вымолить твое прощеніе? Я должна цѣловать твои руки, карающія меня:.. не отнимай ихъ:.. не вели мнѣ подняться съ колѣнъ..: не оставляй меня одну въ моемъ грѣхѣ и распутствѣ... Сжалься надо мной:::

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Я такъ много грѣшила... Милый..:: любимый... господинъ мой, Богъ мой. Если ты любишь мою душу, унизь-ее, измучь, истерзай... изъ праха передъ тобой, я благословлю тебя..::

Она рыдала.

Вечернее солнце горѣло на бронзовыхъ сфинксахъ туалета и купалось въ зеркалѣ:

Вѣжливо поднимая съ колѣнъ Алину, Генрихъ Шеміотъ сказалъ ей.

— Я продамъ вашъ домъ, Алина.

— Да, Генрихъ...

— Мы будемъ жить безвыѣздно въ имѣніи:.

— Да, Генрихъ...

— Христина останется въ городѣ. Юлій уѣдетъ путешествовать:

— Да, Генрихъ.:

— А теперь я накажу васъ, ибо вы все-таки своевольны, Алина...

— Да, Генрихъ...

Анна Марк

1914—1916. БЕССАРАБІЯ
имѣніе Писаржевскихъ.

Кн-во СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ

Москва, Знаменка, 13, телеф. 1-77-14.

Шарль-дэ-Костеръ. Уленспигель. Романъ. Ц. 3 р. 50 к. (Герой безсмертной Бельгіи). Съ предисловіемъ В. Фриче.

1. Шарль де-Костеръ—одинъ изъ тѣхъ великихъ поэтовъ, тоторый, повѣствуя о своей странѣ и о своемъ народѣ, умѣлъ принадлежать всему міру. Отъ Шарля де-Костэра тянется чудесная вѣтвь бельгійскихъ поэтовъ и мыслителей. Онъ подарилъ бытіе вдохновенной бельгійской литературѣ и воодушевилъ творчество нѣжнаго Роденбаха, пламеннаго Верхарна и мудраго Метерлинка.

Въ Уленспигелѣ увѣковѣчена героическая борьба Фландріи, съ Филиппомъ II. Главные ея герои — угольщикъ Клаасъ, его сынъ—Тиль и невѣста Тиля кроткая Неле являются по толкованію де-Костэра, символическими образами: „Клаасъ, это—твое мужество, благородный фламандскій народъ! Тиль—твой умъ, а Неле—твое сердце".

Грандіозная эпопея Тиля Уленспигеля, это—священная исторія Фландріи. Времена Филиппа II для Бельгіи повторились. Воскресъ и Тиль Уленспигель—народный герой Бельгіи.

II. «Нѣтъ въ современной литературѣ книги болѣе гуманной, болѣе художественной и болѣе эпической»...

Камилль Лемонье.

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

Маркъ Криницкій.
Т. 1. Синяя борода. Романъ. 3-е изд. Ц. 2 р.
Т. 2. Случайная женщина. Распроданъ.
Т. 3. Припадокъ. Ц. 1 р. 25 к.

Вл. Ленскій и Ник. Муравьевъ.
Т. 1. Демонъ наготы. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. II. „Игра". Романъ Ц. 1 р. 25 к.

Ник. Муравьевъ.
Т. I. Женщина на пути. Романъ Ц. 1 р. 50 к.

Анна Маръ.
Т. I. Женщина на крестѣ. Романъ. Ц. 1 р.
Т. II. Кровь и кольца.

РАБИНДРАНАТЪ ТАГОРЪ. Соб. соч.

Съ предисловіемъ Зин. Венгеровой (въ IV кн.)
Книга I. Жертвопѣсни (Гитанджали). 2-ое изд. Ц. 60 к.
Книга II. Творчество жизни (Садхана). 2-ое изд. Ц. 1 р.
Книга III. 1) Лирика любви и жизни (Садовникъ). 2. Читра 2-ое изданіе. Ц. 75 к.

Книга IV. 1) Король темнаго покоя. 2) Почтовая контора. Цѣна 1 руб. 25 к.
Книга V. Лунный серпъ. Цѣна 50 к.
Книга VI. Поэма Кабира. Ц. 75 к.

Годъ назадъ, въ спискѣ лауреатовъ, увѣнчанныхъ скобелевской премiей, среди европейскихъ извѣстностей мелькнуло совершенно неизвѣстное имя поэта—Рабиндраната Тагора. Маленькiй сборникъ его пѣснопѣнiй—„Гитанджали"—обратилъ вниманiе мiра на поэта. Теперь на англiйскомъ языкѣ выходитъ собранiе его сочиненiй, и моск. издательство „Современныя проблемы" выпускаютъ также шеститомное собранiе сочиненiй Тагора въ русскомъ переводѣ.

Когда въ Англiи только небольшая группа друзей Тагора восторженно привѣтствовала его „Гитанджали", поэтическiя откровенiя индусскаго поэта оставались безвѣстными въ Англiи. Имя Рабиндраната Тагора долго не говорило ничего въ Европѣ, тогда какъ въ своей родной Индiи онъ давно уже пользовался славой поэта и мыслителя.

На плечахъ Тагора лежитъ уже полвѣка жизни, за нимъ имѣется цѣлое литературное наслѣдiе, и только теперь его впервые узнала Европа, и въ европейскихъ литературахъ впервые произносится его имя, какъ одного изъ даровитѣйшихъ поэтовъ современности.

Индусъ изъ стариннаго рода браминовъ высшей касты, постоянный житель Калькутты, Тагоръ, самъ по себѣ—любопытнѣйшее явленiе. Въ немъ счастливо сочеталась древняя культура азiатской Индiи съ европейской культурой, Востокъ съ Западомъ. И это сочетанiе особенно ярко отразилось въ „Пѣснопѣнiяхъ" Тагора, этой удивительной по цѣльности чувства, красотѣ образовъ и силѣ мыслей книгѣ.

„Голосъ".

Шоломъ-Алейхемъ. Собранiе сочиненiй, Переводъ съ еврейскаго разрѣшен. авторомъ.
Т. 1. Дѣти „черты". Кн. перв., 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
„ 2. Дѣти „черты". Кн. втор., 2-ое изд. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. Маленькiе люди. 2-ое изд. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Записки коммивояжера, 2-ое изд. Ц. 1 р. 25 к.
„ 5. Неунывающiе. Ц. 1 р. 25 к.
„ 6. Похожденiя неудачника. Ц. 1 р. 25 к.
„ 7. Въ мірѣ звуковъ. Два романа. Ц. 1 р. 50 к.
„ 8. Лѣтнiя услады. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати.

„Въ книгѣ Шоломъ-Алейхема найдется много весьма поучительнаго, краснорѣчиваго, во многихъ отношенiяхъ,—новаго для нашей публики".

Юрiй Веселовскiй.

Германъ Бангъ. Собранiе сочиненiй. 10 томовъ.
Т. 1. Михаэль. Романъ. Ц. 1 р.
„ 2. Его превосходительство. Романъ. Ц. 1 р.

Т. 3. Тинэ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 4. Графиня Уринэ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 5. Погибшiя мечты. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ 6. Романъ сестры милосердiя. Ц. 1 р. 25 к.
„ 7. О любви, о счастiи и о томъ, что должно умереть. Ц. 1 р.
„ 8. Четыре дьявола. Романъ. Ц. 1 р.
„ 9. На пути. Романъ. Ц. 1 р.
„ 10. Дряхлѣющiй вѣкъ. Романъ. Ц. 1 р.

...„Если итти интереснымъ путемъ литературныхъ аналогiй, Бангъ неминуемо приведетъ насъ къ милому имени Чехова, который съ тѣмъ же интимнымъ очарованiемъ, съ той же большой и скорбной любовью къ людямъ, какъ и Германъ Бангъ, разсказывалъ намъ свои простыя и великiя легенды объ отходящемъ уже въ тѣнь поколѣнiи, о любви, о счастьи и о томъ, что должно умереть".

Современный мiръ. № 11, 1907 г.

Пiо Бароха. Собранiе сочиненiй.

Единственный разрѣш. авторомъ пер.

Т. 1. Путь къ совершенству. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ 2. Красная заря. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Собранiе сочиненiй. 7 томовъ.
Т. 1. 1) Сюнневе Сольбакенъ. (Пов.). 2) Когда цвѣтетъ молодой виноградъ. (Комедiя). Ц. 1 р.
Т. 2. 1) Одинъ день. 2) Волосы Авессалома. 3) Перчатка Ц. 1 р.
„ 3. Рыбачка. Романъ. Ц. 1 р.
„ 4. Единобрачiе и многобрачiе. Марiя Шотландская. Банкротство. Ц. 1 р. 25 к.
„ 5. Новобрач. Леонара Арнэ. Ц. 1 р.
„ 6. Молодая жизнь. Романъ. Ц. 1 р. Распродано.
7. По Божьему пути. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ отзывовъ печати.

„Для русскаго образованнаго общества Бьернсонъ особенно интересенъ своими положительными типами, т.-е. какъ разъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ. Тѣмъ, чего наши даже самые выдающiеся писатели никакъ не могутъ создать, несмотря на всѣ свои старанiя".

Городецкiй („Р. Сл.").

Яковъ Вассерманъ. Собранiе сочиненiй.
Т. 1. Золотое зеркало. Ц. 1 р. 50 к.
„ 2. Измѣна идеалу. Романъ. Ч. I. Ц. 1 р.
„ 3. Измѣна идеалу. Романъ. Ч. II. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Вторая молодость. Романъ. Ц. 1 р.
„ 5. Три женщины. Новеллы. Ц. 1 р.

Вассерманъ—истинный поэтъ.

Г. Брандесъ.

„Вассерманъ—мастеръ, артистъ слова. Онъ—лирикъ, умѣющiй находить убѣдительныя слова для еще только зарождающихся, еще не оформившихся настроенiй и чувствъ.

С. Люблинскiй.

Томасъ Гарди. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Настоящая женщина. Романъ. Ч. I-ая. Ц. 1 р. 50 к.
„ 2. Настоящая женщина. Романъ. Ч. II-ая. Ц. 1 р. 50 к.

Густавъ-афъ-Гейерстамъ. Полное собраніе сочиненій. 11 том.

Т. 1. Комедія брака. Ром. 3-е изд. Съ вступ. статьей Ю. А. Веселовскаго. Ц. 1 р.
„ Роковыя силы. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. Голова медузы. Романъ. Ц. 1 р.
„ 4. 1) Вѣчная загадка. 2) Маленькій Свенъ. Два романа. Цѣна 1 р. 25 к.
„ 5. Власть женщины. Романъ. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 6. Трагедія одной жизни. Ром. Ц. 1 р.
„ 7. Мать и сынъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 8. Въ туманѣ жизни. Романъ. Ц. 1 р.
„ 9. Мечты и дѣйствительность. Романъ. Ц. 1 р.
„ 10. Борьба душъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 11. Братская ненависть. Романъ. Ц. 1 р.

«У насъ еще сравнительно мало знаютъ шведскаго писателя Гейерстама, но вскорѣ не только узнаютъ, но и полюбятъ. Это удивительно тонкій, нѣжный, трогательный писатель. Сочетаніе Мопассана съ Флоберомъ. Почти въ каждомъ романѣ онъ касается вопросовъ семьи и брака, вездѣ и всюду подводитъ мины подъ вѣковые предразсудки на которыхъ бракъ этотъ покоится, но дѣлаетъ это съ удивительной мягкостью. «Власть женщины»—одинъ изъ такихъ романовъ. Въ сущности, онъ написанъ на тургеневскую тему. Это почти что романъ Тургенева и Віардо. Съ той только огромной разницей, что у Тургенева нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ жалоба на судьбу человѣка, устроившагося на краешкѣ чужого гнѣзда, а у Гейерстама эти отношенія освѣщены мягкимъ, теплымъ свѣтомъ, отъ нихъ такъ и вѣетъ идиллическимъ счастьемъ».

(„Утро Россіи").

Жоржъ-Карлъ-Гюисмансъ. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Бездна. Ром. Ц. 1 р. 50 к. Конфискованъ.
„ 2. Изъ бездны къ нему. Ром. Ч. I. Ц. 1 р.
„ 3. Изъ бездны къ небу. Рои. Ч. II. Ц. 1 р.

„Гюисмансъ видитъ вещи, какъ никто ихъ не видѣлъ, такъ какъ никто не былъ одаренъ такимъ острымъ, сверлящимъ, яснымъ взоромъ, способнымъ уловить мельчайшія складки на лицѣ, мельчайшія подробности архитектурныхъ украшеній". **Реми де Гурмонъ.**

Бласко Ибаньесъ. Полное собраніе сочиненій.

Единств. разр. автор. пер.

Т. 1. Проклятый хуторъ. Романъ Ц. 1 р.
„ 2. Мертвые повелѣваютъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. Дикая орда. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ 4. Винный складъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 5. Куртизанка Сонника. Романъ. Ц. 1 р.
„ 6. Въ апельсинныхъ садахъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 7. Толедскій соборъ. Романъ. Ц. 1 р.

Т. 8. Майскій цвѣтокъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ 9. Дѣтоубійцы. Романъ. Ц. 1 р.
„ 10. Осужденная. Разсказы. Ц. 1 р.
„ 11. Луна Бенаморъ. Романъ. Печальная весна и др. Ц. 1 р.
„ 12. Обнаженная. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ 13. Безшабашная жизнь. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ 14. Востокъ. Цѣна 1 р. 50 к.
„ 15. Кровавая арена. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

«Не задумываясь, мы признаемъ за литературную дѣятельностью Ибаньеса большое общественное и художественное значеніе и отводимъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ испанскихъ беллетристовъ»...

Проф. Шепелевичъ.

«Бласко Ибаньесъ, несомнѣнно — большой и сильный писатель. Это — романистъ и творецъ типа Бальзака и Золя, съ широчайшимъ захватомъ жизни и современности, съ поразительнымъ знаніемъ самыхъ разнообразныхъ сферъ и закоулковъ общества, съ непостижимымъ для обыкновеннаго человѣка жизненнымъ опытомъ, дающимъ ему возможность создавать сотни разнородныхъ людей, при чемъ всѣ находятъ равно автономными, живыми и правдивыми». **Викторъ Гофманъ.**

Марія Конопницкая. Собраніе сочиненій.

Авторизованный переводъ.

Т. 1. На Нормандскомъ берегу. Ц. 1 р.
„ 2. Мендель Гданскій. Ц. 1 р.
„ 3. Милосердіе общины и др. Ц. 1 р.
„ 4. Панъ Бальцыръ изъ Бразиліи. Поэма. Ц. 1 р. 50 к.

«Это былъ великій талантъ, многіе называютъ его геніальнымъ, и онъ безъ сомнѣнія достигалъ геніальности больше, чѣмъ у кого-либо. Она была могучей въ настоящемъ смыслѣ этого слова». **Каземіръ Тетмайеръ.**

Томасъ Манн. Собраніе сочиненій. 5 томовъ.

Т. 1. Фіоренца. Фридеманъ. Жажда счастья. Ц. 1 р.
„ 2. Новеллы. Ц. 1 р.
„ 3. Семейство Будденброковъ. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Паденіе одной семьи. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 5. Смерть въ Венеціи. Ц. 80 к.

Изъ отзывовъ печати.

„Томасъ Маннъ, идя вслѣдъ за Фр. Ницше, является единственнымъ развившимся въ могучую „законченную величину".

Генрихъ Маннъ. Собраніе сочиненій. 10 томовъ.

Т. 1. Діана. Ром. Переводъ и предисловіе прив.-доц. В. М. Фриче 3-е изд. Ц. 1 р.
„ 2. Минерва. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 3. Венера. Романъ. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 4. 1) Мелкій лѣсъ. Романъ. 2) Мнаисъ и Джиневра. Новеллы. Ц. 1 р.
„ 5. Въ погонѣ за любовью. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ 6. 1) Чудесное. 2) Актриса. Ц. 1 р.

Т. 7. Романъ изъ жизни свѣтск. людей. Ц. 1 р. 50 к.
„ 8. Мечты и жизнь. Романъ. Ч. I-ая. Ц. 1 р. 25 к.
„ 9. Мечты и жизнь. Романъ. Ч. II-ая. Ц. 1 р. 25 к.
„ 10. Дорога изъ ада. Ц. 1 р. Печатается.

«На тускломъ фонѣ новѣйшей не только нѣмецкой, но и вообще западно-европейской литературы яркимъ, красочнымъ пятномъ выдѣляется оригинальное творчество Генриха Манна».

В. Фриче.

«Едва ли какой другой писатель столько интересовался когда-либо проблемой искусства, какъ Генрихъ Маннъ. Съ первыхъ же шаговъ искусство стало одной изъ главныхъ темъ его творчества. Отношеніе жизни и искусства, ихъ взаимное и нерѣдко роковое вліяніе, типичная трагедія художника и его идеальный типъ—все это глубоко и вдохновенно отражено и разработано Манномъ».

Викторъ Гофманъ.

«Когда съ чувствомъ стыда мы отрываемся отъ восхищенія старыми образцами искусства и посмотримъ на его (Манна) книги, въ насъ рождается надежда, что и мы будемъ вѣчно жить въ гордыхъ созданіяхъ искусства».

Гансъ Бранденбургъ.

Леонъ Перецъ. Собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Т. 1. Изъ устъ народа. Ц. 1 р. 25 к.
„ 2. Сказанія вѣрующаго. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. Время. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Адамъ и Ева. Печатается.

«Своеобразно направляетъ авторъ свое творчество. Онъ и символистъ, и реалистъ, и романтикъ, и публицистъ, тѣмъ не менѣе всюду видна глубокая любовь къ своему народу, страданія и жизнерадост. душу котораго онъ изображ. съ чуткостью тонкаго психолога, изучившаго мельчайшія проявленія человѣческой души».

Владиславъ Реймонтъ. Полное собраніе сочиненій.

Единственный разрѣшен. авторомъ пер.

Т. 1. Мужики. Часть I и II. Ром. Ц. 1 р. 50 к.
„ 2. Мужики Часть III. Ром. Ц. 1 р.
„ 3. Мужики. Часть IV. Ром. Ц. 1 р. 25 к.
„ 4. Мечтатель. Романъ. Ц. 1 р.
„ 5. Земля обѣтованная. Ром. Ч. I Ц. 1 р. 50 к.
„ 6. Земля обѣтованная. Ч. II. Ц. 1 р. 50 к.
„ 7. Смерть города. Ц. 1 р.

«Мужики» Реймонта, это—одно изъ самыхъ художественныхъ воплощеній «власти земли», и русскій читатель найдетъ у польскаго писателя цѣлый рядъ картинъ къ философскимъ обобщеніямъ Глѣба Успенскаго.

Л. Козловскій.

Михаилъ Сивачевъ. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Прокрустово ложе. Кн. 1-ая. Ц. 1 р.
„ 2. Прокрустово ложе. Кн. 2-ая. Ц. 1 р.
„ 3. Цвѣты земли и неба. Ц. 1 р. 25 к.

«Книга эта—крикъ раненаго и растянутаго, какъ говоритъ авторъ, на прокрустовомъ ложѣ человѣка,—и именно поэтому она—не пасквиль. Не пасквиль она еще и потому, что люди, которыхъ она шельмуетъ—лишь иллюстрація. Имя Сивачева лишь иллюстрируетъ жизнь и отборъ человѣчества, интеллигенцію».

«Русскія Вѣдомости». 1910 г.

Августъ Стриндбергъ. Собраніе сочиненій.

Т. 1. Исповѣдь глупца. Ром. 3-е изд. Ц. 1 р. Распродано.
„ 2. Адъ. Ром. Съ предисл. В. М. Фриче. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 3. Ча шхерахъ. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р. Распродано.
„ 4. Утопія въ дѣйствительности. Новеллы. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 5. Красная комната. Очерки изъ жизни художн. и писателей. Ц. 1 р. 25 к. Распродано.
„ 6. Чандала. Ром. Ц. 1 р. 2-е изд. Распродано.
„ 7. Готическія комнаты. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р.
„ 8. Сынъ служанки. Ром. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. Распродано.
„ 9. Историческія драмы. Ц. 1 р. 25 к.
„ 10. Трагикомедія брака. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.
„ 11. Романтичный пономарь. Разрывъ. Повѣсти. Ц. 1 р.
„ 12. 1) Легенды. 2) Графиня Юлія. Ц. 1 р.
„ 13. Развитіе одной души. Романъ. Мастеръ Улофъ. Драма. Ц. 1 р. 25 к.
„ 14. Пляска смерти. Одиночество. Самумъ. Отецъ. Цѣна 1 р. 25 к.
„ 15. Черныя знамена. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

«Съ удовольствіемъ возвращаюсь я всегда къ Стриндбергу; онъ интересовалъ меня больше, чѣмъ какой-либо писатель, и научилъ меня большему, чѣмъ кто бы то ни было. Для меня онъ наиболѣе интересная художественная величина его родины (быть можетъ, даже эпохи), выдающійся талантъ, живой умъ, прокладывающій собственные пути и оставляющій другихъ далеко позади». Кнутъ Гамсунъ.

«Переводъ произведеній Стринберга, несомнѣнно, обогатитъ русскихъ читателей знакомствомъ съ яркимъ и своеобразнымъ талантомъ. Стриндбергъ всегда силенъ и оригиналенъ. Неподдѣльный блескъ его дарованія, чуждаго модныхъ уловокъ и разсчитанныхъ эффектовъ, привлекаетъ даже тогда, когда читатель подавленный, тяжелыми картинами патологической психологіи, чувствуетъ неопреодолимую потребность вырваться изъ цѣпкихъ сѣтей мизантропическаго міросозерцанія автора».

„Современный Міръ".

«Стриндбергъ — представитель реализма въ шведской литературѣ. Но этотъ реализмъ своеобразный: необычайно одухотворенный и гибкій, приближающій къ новѣйшей манерѣ письма. Его разсказъ увлекателенъ, изображенія выпуклы и живы, а наивная откровенность языка и умилительная искренность напоминаютъ другого болѣе молодого изъ скандинавскихъ писателей, общаго любимца, Кнута Гамсуна». „Рѣчь".

Бернаръ Шоу. Собраніе сочиненій. 9 томовъ.

Т. 1. 1) Справочникъ Разрушителя. 2) Цезарь и Клеопатра. Ц. 1 р.
„ 2. Человѣкъ и Сверхчеловѣкъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ 3. 1) Врачъ на распутьѣ. 2) Сила женщины. Ц. 1 р.
„ 4. Неразумный бракъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ 5. Очерки. Ц. 1 р. 50 к.
„ 6. Солдатъ изъ арміи спасенія. Ц. 1 р.
„ 7. Карьера одного борца. Ц. 1 р. 50 к.
„ 8. У жертвенника искусства. Ром. Ч. I. Ц. 1 р.
„ 9. У жертвенника искусства. Ром. Ч. II. Ц. 1 р.

«Весьма талантливый, интересный, бойкій писатель, быть можетъ, слишкомъ выставляющій въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ свой атеизмъ, но очень хорошо вскрывающій лицемѣріе современнаго общества».

Левъ Толстой.

Ш. Я. Абрамовичъ (Менделе Мойхеръ-Сфоримъ). Собраніе сочиненій,

Т. 1. Въ долинѣ плача. Ром. Ч. I., Ц. 1 р.
Т. 2. Въ долинѣ плача. Ром. Ч. II. Ц. 1 р.

„Для Менделе-Мойхеръ-Сфоримъ открытъ весь еврейскій міръ и, объѣзжая его, онъ разворачиваетъ передъ читателемъ огромное полотно, грандіозную панораму изъ жизни цѣлаго народа, движущагося, точно муравейникъ, по однимъ ему свойственнымъ законамъ и путямъ. Не ищите здѣсь типовъ, характеровъ. Здѣсь дано нѣчто большее; цѣлое поколѣніе, цѣлая эпоха въ исторіи коллектива, и дано это съ потрясающимъ реализмомъ, ставящимъ васъ въ центрѣ перспективы. Здѣсь матеріальный бытъ нарисованъ съ такой обнаженностью, которая даетъ формулы и выводы научно мыслящему экономисту, картина нравовъ поразитъ этнографа, а умственный и культурный складъ дастъ неисчерпаемый матеріалъ для ученаго психолога...“

„Разсвѣтъ“.

Жоржъ Экоутъ. Собраніе сочиненій.

Переводъ съ французск. разрѣш. авт.

Т. 1. Изъ міра „Бывш. людей“. Ром. Ц. 1 р.
Т. 2. Жажда любви. Ром. Ц. 1 р.
Т. 3. Защитникъ бездомныхъ. Ром. Ц. 1 р. 25 к.

„Жоржа Экоута я охотно назвалъ бы бельгійскимъ Горькимъ, настолько онъ рѣзокъ и мучительно правдивъ въ своихъ разсказахъ“.

Иванъ Жилькенъ.

„Жоржъ Экоутъ является въ средѣ избранныхъ умовъ по преимуществу мужественнымъ умомъ, который сильнѣе всего захватываетъ читателя“.

Рашильдъ.

Рос. Публичная Б-ка в Петрограде

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
NATIONAL LIBRARY OF RUSSIA
ОТДЕЛ ВНЕШНЕГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
DEPARTMENT OF EXTERNAL SERVICE
191069, РОССИЯ, С.-Петербург, Садовая ул., 18
18, Sadovaya st., St.Petersburg, 191069, RUSSIA

КОНЕЦ
END

END OF REEL
PLEASE
REWIND